ISSN 0131–0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1989

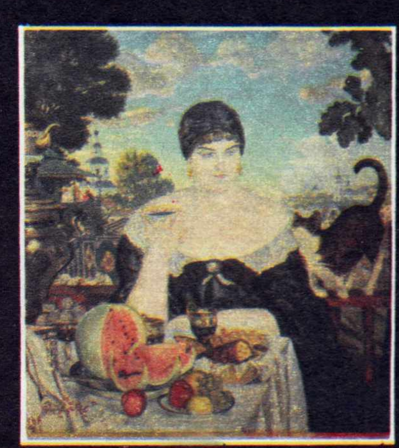
ВНОВЬ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

ОБЩЕСТВУ НУЖНЫ ЛИЧНОСТИ

22 ИЮНЯ...

ПИСЬМА АКАДЕМИКА КАПИЦЫ СТАЛИНУ И ХРУЩЕВУ

КУСТОДИЕВСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (3230)

17—24 ИЮНЯ

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. Ю. БОЛОТИН,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
С. Н. ФЕДОРОВ,
А. В. ХРОМОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
В Ростове-Ярославском состоялся Всесоюзный фестиваль колокольной музыки. (См. в номере материал «Вновь звонит колокол».) Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 29.05.89. Подписано к печати 13.06.89. А 08864. Формат 70×108 1/8. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 617. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда», «Огонек», 1989.

Николай БЫКОВ,
фото Павла КРИВЦОВА

ГОСАГРОПРОМ УМЕР! ДА ЗДРАВСТВУЕТ?..

ГОСАГРОПРОМ СССР ПРИКАЗАЛ ДОЛГО ЖИТЬ. РУХНУЛА УМУ НЕПОСТИЖИМАЯ ПИРАМИДА, ПОСТАВЛЕННАЯ НА ВЕРШИНУ. О «ПОЧИВШЕМ В БОЗЕ» — ЛИБО ХОРОШО, ЛИБО НИЧЕГО. ХОРОШЕГО БЫЛО МАЛО, НО ВПРАВЕ ЛИ МЫ НИЧЕГО НЕ СКАЗАТЬ О ТАКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ, КАК СОЗДАНИЕ ГОСАГРОПРОМА СССР?

Так часто случается, все началось с благих намерений: чувство неудовлетворенности качеством жизни заставило искать пути перегруппировки хозяйственных сил районного масштаба во имя противостояния диктату плана и волевым решениям. Так родились первые районные агропромышленные объединения в Вильянди Эстонской ССР и Талсах Латвийской ССР. Объединение всех заинтересованных в лучшей жизни в границах сельскохозяйственного района угрожающе поставило вопрос о ВЛАСТИ в районе, о ХОЗЯИНЕ земли, лесов и вод, о праве верстать обязательный вал заготовок по хозяйствам. Но потом пошла реакция смены вывесок (помните, неблагозвучное, но точное по скрытому смыслу ОблАПО?) Пришлось селянам смириться с созданием таких конгломератов, как областные, краевые и республиканские комитеты АПК. Короче, Госагропром СССР поглотил аж пять союзных министерств, управлявших производством, закупкой, хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции. И снова страна ждала обещанного эффекта от деятельности управленческого монстра; ждала обещанного, почти как в сказке, три года...

Итак, 28 июня сего года истекает срок, отпущенный сотрудникам Госагропрома СССР на устройство собственной судьбы. Еще одна реорганизация раскормленного аппарата управления селом? Чтобы уяснить трагикомическую ситуацию, пытался встретиться с председателем ликвидкомиссии. В беседе по душам отказано под предлогом: раньше надо было интересоваться, а теперь о чем говорить... Не застал на месте и заместителя председателя. Может быть, о судьбе тысяч аппаратчиков поведает тот, кто их нанимал и продвигал по лабиринту системы? Но отвечающий за кадры Госагропрома Владимир Александрович Гиляровский ответить на вопросы отказался: интервью не даю, мол, ничего интересного для читателей... Позвольте, как ничего? Интересно, сколько народное хозяйство получит высвобожденных специалистов? Кто изъявил желание вернуться в поле, на фермы? Наконец, кто все-таки накормит народ?

— Напрасно смеетесь,— почему-то сказал В. А. Гиляровский.— Мы тут только увольняем...

И все же сколько их было? Ради кого затеяли в 1985 году ликвидацию министерств, разрушение межведомственных барьеров, объединение сил, производящих хлеб, мясо, молоко, и сил, перерабатывающих продукцию полей и ферм? А было их, по неуточненным данным, более... четырех тысяч человек. Знающих, опытных, прописанных в столице. Уверен, они-то отлично понимали и тогда бесперспективность волевого сооружения Госагропрома СССР. Они-то, прошедшие многолетнюю школу жизни в сельских районах, в организациях областного ранга и отраслевых министерств, знали и знают, к т о на самом деле руководит, то бишь правит самовластно и жестоко оставшимися жить и работать на селе, в деревне...

Окончание на стр. 4.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ИСЦЕЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЕМ

Съезд народных депутатов СССР стал огромным историческим событием. И практическая важность его чрезвычайна. Съезд своевременно подчеркнул, сколь важны сегодня объединенность, сосредоточенность на решении общих задач, сколь необходимо учитывать весь диапазон общественных интересов во имя будущего и настоящего. Никогда еще на советских парламентских сессиях дискуссия не была такой острой. Но, зачастую продолжая предвыборные споры, многие депутаты делали отчетливый шаг вперед — от недавней разобщенности к попыткам сомкнуться. Это принципиально важно, хотя были попытки и другого рода. В том, что депутаты различались во взглядах, ничего странного — это деловое различие. Плохо, что находились охочие разделять по городам, национальностям, роду занятий, а не по принципам, по позициям.

Усилия столкнуть разные группы депутатов и различные группы населения несколько раз были предприняты на Съезде; но немногочисленные направленные усилия противопоставить одну национальную, территориальную или социальную группу другой в конечном счете успеха не имели и иметь не могли. Даже за последние — выборные — месяцы мы поумнели, в нас прибавилось опыта и ответственности. Сегодня куда интеллигентнее выглядело выступление харьковского водителя, депутата Л. И. Сухова, призвавшего опереться на самых духовно богатых и ответственных депутатов, учесть их мысли, чем речь московского директора, депутата А. С. Самсонова, призвавшего направить умников на принудительные физические работы. Любое подобное предложение из прошлого не могло вызвать массового восторга. Ведь было все это, было — и лесоповалом перевоспитывали, и так ли еще пугали. Съезд подчеркнул, что народ наш труда не боится: страшен труд обессмысленный, труд без пользы, труд, от результатов которого труженик отчужден. Поиски разумных решений были направлены к тому, чтобы работать больше и лучше руками и разумом, соединяя усилия для улучшения бытия. В экстремистских решениях справедливости не видел никто. Зачастую поляризуя мнения, Съезд даже в разногласиях не уходил за пределы опасности; ощущение времени обострилось в каждом. Научившись называть вещи своими именами, мы еще раз убедились, сколь все непросто; каждая из спорящих сторон с трудом, но училась учитывать интересы и другой стороны. Кроме, пожалуй, немногочисленной группы шикунов-топтунов, которая учитывала лишь свой собственный страх перед переменами, ударяясь в крики отчаяния от любого выступления, кажущегося топтунам непонятным. Кроме неверия в демократию, эти люди демонстрировали еще и свое неверие в социализм, считая, что он разрушится от первого же из ветерков критики. Было уже это, и верилось, что прошло. Но, к сожалению, нет-нет, а возникали вихри вокруг вполне естественных и аккуратно сформулированных критических замечаний. Вихри эти задевали самые разные сферы жизни.

Непривычно озабоченно на Съезде говорилось об армии. При всем уважении к нашим униформированным согражданам не раз подчеркивалась необходимость действенной заботы о них в условиях непременного сокращения оборонного бюджета. Очевидна была необходимость гласности в разговоре о сегодняшнем дне защитников отечества. Хорошо, что созданная парламентская комиссия будет повседневно и гласно вникать в дела Министерства обороны. Думается, у всех нас, глубоко уважающих Советскую Армию, это должно вызывать лишь радость. Впрочем, время единодушных восторгов миновало. Думаю, точным отражением определенного хода мыслей является публикация журналом «Москва» в канун Съезда очередной подборки политических доносов (привычка к такому типу дискуссии, формировавшаяся многие годы, у некоторых редакторов и изданий неистребима). Опубликован в упомянутой подборке и сигнал о том, что «Огонек»-де относится к нашей армии непочтительно.

Это неправда. Армия очень интересует и беспокоит нас. Неуважение к ней сегодня легче всего было бы выразить беспроблемным чириканьем о сладкой воинской жизни. Мы продолжаем считать, что сегодня необходимость переделать жизнь, прежде чем приняться за ее воспевание, остра как никогда. Наша советская жизнь цельна — и армейская, и гражданская; военные-депутаты сидят в Кремле плечом к плечу со своими необмундированными коллегами. Следует повышать уровень общей нашей жизни, формировать оценки ее заинтересованнее и глубже. Времена, когда человека можно было легко уничтожить, обвинив его в очернительстве, нигилизме и невосторженности, уходят. Мы все вместе ответственно и бесстрашно уясняем собственные достижения и просчеты, ищем способы социального исцеления. Сегодня — и Съезд подчеркнул это — сколько кому ярлыков ни клей, только по делам определяется место каждого из нас в обществе. И только по делам страна отбирает и классифицирует сегодняшних лидеров.

В обществе должен совершенствоваться механизм отбора лучших, умнейших, способнейших. Процесс утверждения руководителей высших рангов показал, что мы еще лишь на пути к выработке такого механизма: тем важнее не ослаблять усилий.

Отрыв от реальности опасен. Наше лавирование между растущими требованиями и недостаточными возможностями должно происходить в условиях гласности, предельно проясняющей смысл событий для всех. Во время Съезда еще и еще раз становилось очевидным, что наше приближение к статусу правового государства включает в себя строгую необходимость Закона о печати. Печать должна больше делать для рассказа о происходящем в стране.

Очень многое надо сделать одновременно. Проблемы межнациональные и национальные, товарные и финансовые — множество их встало в повестку рабочего дня страны. Надежды на чудотворство и чудотворцев нелепы — иссохшее поле народных надежд заплодоносит не сразу. Нам еще предстоит заново доказать себе и миру собственную способность перестроиться и зажить по-человечески.

Съезд был демонстративно конкретен в попытках найти и сегодняшние решения; впервые за много лет мы не сосредоточились на беседе о солнечных перспективах как единственно достойной теме. Мы продвинулись по дороге народовластия, утверждая плюрализм мнений; каждый все более четко определялся политически. При недвусмысленно лидирующей роли КПСС диапазон дискуссий расширился, определяя подходы к общей цели.

Еще не время подводить итоги. Все начинается. Первый парламент перестройки только лишь отправился в путь.

Виталий КОРОТИЧ

ТВОЯ ПОЗИЦИЯ, ДЕПУТАТ! ●
НУЖЕН ЗАКОН О ПАРТИИ ●
КОМУ ЖИТЬ ХОРОШО... ●
«ВЕС» ПЕНСИОННОГО РУБЛЯ ●

СЪЕЗД ГЛАЗАМИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Экспресс-анализ социологов. Комментарий руководителя социологической группы «Съезд», заместителя директора Института социологии АН СССР профессора В. МАНСУРОВА.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ — ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Заключительный раунд опроса общественного мнения социологическая группа «Съезд» Института социологии АН СССР провела 9 июня в Москве, Ленинграде, Таллинне, Киеве и Тбилиси. Мы решили повторить те же вопросы, которые были заданы 23 мая, то есть перед Съездом. Это дает возможность не просто узнать, оправдал или не оправдал Съезд ожиданий, но более конкретно выявить, в какой мере они оправдались.

СЪЕЗД ВЫЯВИЛ ПОЗИЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Сравнительный анализ свидетельствует: подтвердились ожидания людей в том, что на Съезде выявятся позиции различных групп населения. Во всех городах, кроме Алма-Аты, количество людей, утверждающих, что это действительно произошло, больше тех, кто ожидал этого при опросе до начала работы Съезда.

СЪЕЗД ОБСУДИЛ ВАЖНЕЙШИЕ ДЛЯ СТРАНЫ ПРОБЛЕМЫ

В целом уровень удовлетворенности тоже высокий (от 60 процентов опрошенных в городе Тбилиси до 79 процентов в городах Киеве и Алма-Ате).

СЪЕЗД ПРИНЯЛ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНЫЕ ДЛЯ СУДЕБ СТРАНЫ РЕШЕНИЯ

Ожидания избирателей и результаты работы Съезда в целом совпали у большинства опрошенных, меньше других удовлетворены результатами опрошенные в Тбилиси и Таллинне.

В наименьшей степени, как показывают результаты этих двух опросов, удовлетворены ожидания, что Съезд определит пути решения экономических проблем; пути согласованных решений национальных проблем; изберет компетентный и работоспособный Верховный Совет.

Если посмотреть количество тех, кто считает, что Съезд в целом не оправдал их ожидания, то мы увидим два крайних пункта (меньше всего их в Алма-Ате — 27 процентов, больше в Тбилиси — 55 процентов).

■

Необходимо подумать о создании Закона о партии. Роль ее в нашем обществе огромна, а между тем эта роль юридически никак точно не определена, ибо «руководить и направлять» — это что угодно, но не точное определение прав, обязанностей, ответственности. Необходимо юридически закрепить разделение функций политического, экономического, социального руководства страной. И вообще все общественные организации страны должны получить четкий свод своих прав и обязанностей.

В. ОГАНЕНЦ,
рабочий
Воркута

■

Многие народные депутаты, выступая на Съезде, настойчиво требуют незамедлительного улучшения пенсионного обеспечения ветеранов войны и труда. Случайно ли такое совпадение мнений? Конечно, нет! Положение ветеранов поистине драматично, чего уж скрывать. Резко снизился уровень пенсионного обеспечения, пенсия начинает составлять все меньшую часть прежнего заработка, у квалифицированных работников она уже сейчас не превышает 20—30 процентов от него. Но дело не только в этом. Произошло резкое падение реальной стоимости пенсий. Причина такого явления — рост стоимости жизни, особенно в последние 3—4 года, и сейчас мы об этом говорим откровенно. Кроме того, рубль обычного пенсионера существенно отличается по своему «весу» от рубля тех, кто может приобретать товары по государственным розничным ценам в любом ассортименте. Даже рубль москвича или ленинградца не эквивалентен фактически рублю жителя многих других регионов страны, где уже давно опустели полки и где перевод рубля в продукты питания происходит по рыночным ценам. Такова реальность как следствие глубоких кризисных явлений в жизни страны.

В пенсионной системе немало и других проблем. Постепенно она превратилась в уравнительную систему и перестала быть эффективным средством безболезненного вывода постаревших работников за рамки общественного производства. Старые люди часто продолжают трудиться через силу, боясь мрачной перспективы пенсионной жизни. Если быть честным до конца, то следует признать, что немало пенсионеров продолжают трудиться под давлением экономического пресса, который порожден убогостью нашей пенсионной системы. По решению Политбюро (сентябрь 1986 г.) разрабатывается проект нового пенсионного закона. Разрабатывается вот уже почти три года! Дело явно тормозится бюрократическим аппаратом министерств и ведомств при попустительстве аппарата ВЦСПС.

В стране сейчас есть лишь одна группа надежно защищенных пенсионеров. Это персональные пенсионе-

ры. Преимущественно это чиновники, которые сами позаботились о себе, особенно высокопоставленные. Их пенсии зачастую выше обычных в несколько раз, не считая целого комплекса дополнительных льгот, вплоть до пользования персональной машиной. Это гришины, кунаевы, алиевы и многие другие, «особые заслуги» которых народ до сих пор оплачивает, обеспечивая им безоблачную, комфортабельную старость, испытывая при этом горькое чувство попранной социальной справедливости.

Мы затронули данную проблему в столь драматическом плане не случайно. Нас, с одной стороны, обрадовало, а с другой — глубоко встревожило предложение, содержащееся в докладе Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова на Съезде народных депутатов. Обрадовало потому, что наконец-то предлагается повысить низкие пенсии до 70 рублей (с 40, 50, 55 рублей), а некоторым — инвалидам I группы — даже до 80 рублей в месяц. Эти меры можно только приветствовать, что и отметили народные депутаты аплодисментами. Что же вызывает тревогу? Во-первых, сказано, что на все эти цели необходимо почти 6 миллиардов рублей.

Да, действительно необходимо почти 6 миллиардов. Но на пенсионерах уже многие годы ежегодно экономятся громадные ресурсы. За счет чего? За счет сокращения реальной стоимости выплачиваемой пенсии в связи с инфляцией. Если и в дальнейшем сохранятся подобные тенденции, то они за тот же срок, а возможно, и еще быстрее, поглотят все прибавки к пенсии. Какой же выход? Немедленно вводить систему корректировки всех пенсий в зависимости от роста индекса «стоимости» прожития. Это надо было сделать еще несколько лет назад, когда отчетливо проявились инфляционные процессы.

Кстати, основная функция профсоюзов во всем мире заключается в охране заработной платы, пенсий и пособий от инфляции. Рост номинальных размеров выплат, в частности пенсий, в отрыве от реальной ценности никого не интересует. Ныне в мире нет ни одной развитой страны, где бы не корректировалась пенсия в зависимости от роста цен на товары народного потребления. Наша страна — печальное исключение. Исключение и позиция наших профсоюзов, бюрократический аппарат высшей организационной структуры которой (ВЦСПС) старается замалчивать данную проблему. Другими словами, дело не только в разовой прибавке к пенсии в рублях, а в охране всей пенсии.

Определенно заявлено, что нужно повременить с решением других социальных вопросов, а проблемы пенсионного обеспечения в тринадцатой пятилетке решить. Такое предложение также было встречено аплодисментами. Когда же нужно решать эти проблемы?

Решать их надо не в течение пятилетки, а начиная с первого ее года, то есть с 1991 года. При всем глубоком уважении к руководителю правительства согласиться с высказанным выше неопределенным заявлением просто невозможно. Если вспомнить нашу практику в недалеком прошлом, то не так уж редко намеченные мероприятия отодвигались на более позднее время и часто осуществлялись в последний год пятилетки.

Убежден, что ведомства, готовящие проект, наметят поэтапное введение в действие нового пенсионного закона в течение нескольких лет тринадцатой пятилетки, вплоть до ее последнего года. Вот этого нельзя допустить! Пенсионную реформу ждут с нетерпением все советские люди.

Слово за избранниками народа. И последнее. Не пора ли отстранить так называемые заинтересованные ведомства от разработки проекта пенсионного закона, ибо их аппарат как раз не заинтересован в формировании нужного проекта людям. Многие ученые, в том числе и автор этих строк, готовы оказать помощь депутатам в подготовке проекта данного закона с соответствующими обоснованиями всех его положений.

М. ЗАХАРОВ,
доктор юридических наук

■

Плюрализм мнений отражает плюрализм интересов, а в целях отражения и защиты интересов люди объединяются в партии. И нельзя не заметить, что в нашем бесклассовом обществе имеются две основные группы: одних устраивает то, что мы называем сталинизмом, другие стремятся ускорить перестройку.

Мне не хотелось бы быть в одной партии с противниками перестройки. Какие бы лицемерные маски они ни надевали, хорошо понятны их интересы и природа этих интересов. Хочу бороться в одном строю с теми, кто искренне стремится к победе перестройки.

Лидеры перестройки во главе с ее инициатором, возможно, пока не поняли, что различные плохо организованные выступления масс есть не что иное, как следствие невозможности сделать выбор, следствие отсутствия права выбора. В нашем бесклассовом обществе это может быть и не отдельной партией, а лишь отдельным крылом КПСС, так как все члены общества заинтересованы в одних и тех же конечных целях. Но на выборах в Советы мы всегда должны знать, чьи интересы будет выражать депутат. Без этого нет истинного выбора.

В. ТЕРЯВЯЙНЕН
Запорожье

■

В годы застоя наши военные достигли прямо-таки изумительного искусства в деле перекладывания своих расходов на гражданский сектор. Судите сами. Министерству обороны нужен переводчик. Никаких проблем! Из запаса призывается на сборы старший лейтенант. При этом армия «щедро» платит своему офицеру, а наш институт все это время сохраняет за ним зарплату старшего научного сотрудника (300 рублей в месяц). Мало того, что Академия наук вынуждена отдать ученого для использования в качестве военного переводчика, она же еще и должна платить ему зарплату!

Прихожу в лабораторию и вижу телефонограмму: направить на месяц одного сотрудника в Октябрьский райвоенкомат, желательно женщину с хорошим почерком. В отделе кадров ссылаются на решение Октябрьского райисполкома, принятое, в свою очередь, в осуществление решения Моссовета. Когда будет рассмотрен вопрос о законности подобных решений?

В. ШУПЕР,
кандидат географических наук,
научный сотрудник Института географии АН СССР

■

У нас более двадцати лет пост министра просвещения Мордовской АССР занимал уважаемый товарищ, который в течение своей деятельности ни разу не выступил на родном мордовском языке ни по радио, ни на собрании. Следует ли удивляться, что товарищ министр не замечал, как шло свертывание учебы по национальным программам.

Некоторой частью наших партийных и советских работников владеет боязнь: не снизится ли авторитет, если они вдруг заговорят на родном языке? И вот такой руководитель годами не раскрывается перед людьми, что-то недосказывает, а порой и скрывает. Это чаще всего бывает с теми, кого перевели на руководящую работу из другого района, из другой области. Но люди со временем все же узнают, что их руководитель — представитель коренной национальности, «свой» человек, но никак не могут заговорить со «своим» человеком на родном языке, так как он к этому не проявляет никакого желания.

Мне кажется, такой руководитель забывает о главном — о том, для чего его выдвинули на руководящую работу. Неужели ему невдомек, что, выдвигая его на руководящий пост, люди надеялись — он будет активным борцом не только за всестороннее развитие экономики, но и национальной культуры, основой для которой является язык.

А. ТЯПАЕВ,
член Союза писателей СССР,
заслуженный писатель Мордовии
Саранск

■

Теперь, когда уже разрешено признать наличие привилегий, все возражения против их отмены звучат примерно так: «Неужели мы, богатое государство, не можем обеспечить своим руководителям достойную их трудов жизнь, как в любой цивилизованной стране?..»

А разве мы способны обеспечить приемлемый уровень жизни работающему толковому инженеру, квалифицированному рабочему, талантливому ученому? У нас, увы, бедная страна, и ее политическое руководство обязано жить в соответствии с этим неоспоримым фактом.

Единственное, что сейчас может предотвратить противопоставление партии народу,— это добровольный, сознательный аскетизм ее партийного аппарата, вплоть до самого верха, потому что рядовые члены партии и так пребывают в вынужденном аскетизме.

Если перестройка, которую начала партия, принесет успех, то достойные человека материальные условия жизни перестанут быть прерогативой только воров и высоких руководителей.

Н. СЕРГЕЕВА
Харьков

■

Наши дома построены в 50-х годах. Вся жизнь, все деньги ушли на их обустройство. Здесь живут ветераны труда и ВОВ. Мы думали, что сможем спокойно пожить на старости лет. Но местные власти решили по-другому. Несмотря на то, что в нашем городе достаточно развалюх, решили снести именно наши дома, в которых жить бы еще и жить. Вместо них намечено построить жилые дома для работников здравницы шахты имени Засядько «Донецкуголь». А сама здравница строится в селе Морское, в 20 километрах от Судака. Мало того, что сносятся абсолютно хорошие дома, работников здравницы будут вынуждены возить на работу, ведь 20 километров не шуточки. Экономично ли такое решение, не говоря уже, что в отношении нас это просто преступление?

Н. ЛЯЩАК и др.
Судак Крымской области,
ул. Спендиарова, дома с № 1 по № 9

■

3 июня послала в редакцию письмо, касающееся выступления академика Сахарова на Съезде депутатов. Прошу не печатать письмо либо не называть мою фамилию. Струсила.

Н. Н.
Черновцы

ПИСЬМО «АФГАНЦУ»

Брось, плечистый,
речистый афганец,
кулаком над ученым трясти.
На войне одинокой изранясь,
он хотел твои ноги спасти.

В оправдании крови — опасность.
Что тебе неразумно велит
оправдать посылавших вас на смерть,
а спасавших от смерти — винить?

Разве этот оратор неважный,
для кого-то, к несчастью, смешной,
меньше был, чем афганцы,
отважный,
но в сраженьи с афганской
войной?

Разве он тебя бросил куда-то,
чтобы на раскаленном плато
ты, советский простой гладиатор,
погибал — неизвестно за что?

Неоплатна любая кровинка.
Неутешно страна приняла
в сундуках из холодного цинка
еще теплые ваши тела.

Культ войны порожден
бескультурьем.
Разве больше войны виноват
тот, кто вытащил стольких —
из тюрем,
из-под «стингеров» —
стольких солдат?

Стаду вечно быть хочется кликой,
и опять поднимается вой
над наивной чуть-чуть,
но великой
одуванчиковой головой.

Не хочу, чтоб, ржавея от горя,
караваном солдатской судьбы
к нам из Триполи или Анголы
плыли цинковые гробы.

У войны есть особое свойство —
на крови фронтовое родство.
Но неужто важнее — геройство,
и не важно — во имя чего?

Эх, афганец, обманутый малый,
не тряси кулаком, припади
к этой вдавленной, а не впалой,
всю эпоху вместившей груди.

Эх, афганец, неужто, неужто
даже во фронтовой полосе
знать — за что умираем —
не нужно?
Но тогда — кто такие мы все?!..

Евгений ЕВТУШЕНКО,
народный депутат СССР
Территориальный округ № 520

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ГОСАГРОПРОМ УМЕР! ДА ЗДРАВСТВУЕТ?..

Начало на стр. 1.

Подавший заявление об уходе на пенсию специалист из Главзерна В. М. Трепыхалин сказал с удовлетворением: «Деятельность депутатов-аграрников на первом Съезде народных депутатов весьма обнадеживает. Их Обращение содержит жизнестойкое рациональное зерно отличной всхожести!»

Я согласен с Владимиром Михайловичем: на вопрос, КТО НАКОРМИТ НАРОД, есть только один ответ: народ.

Но сильна в народе историческая память. И колхозники в четвертом поколении боятся брать землю, скот, машины под личную ответственность. Ленинское «строй цивилизованных кооператоров» все еще подменяют системой колхозно-совхозного строя. Доживу ли до торжества ленинского кооперативного плана? Хотя вроде бы в очередной раз признана коренная перемена всей точки зрения на социализм. Признана и Лениным в январе 1923 года, и Горбачевым в нынешнем июне:

— Товарищи, хотел бы высказаться и по аграрному вопросу. На Съезде он приобрел серьезное звучание — и не только потому, что страна озабочена состоянием продовольственного снабжения, но и благодаря той активной позиции депутатов-аграрников, которую они представили Съезду. В принципиальном плане хотел бы поддержать их, но, как говорится, одних слов в поддержку тут маловато.

Итак, речь идет о судьбе крестьянства, а значит, о судьбе страны. Да беда очевидная в том, что нет его, крестьянства. Стало быть, печальна и судьба тайно наследующих это великое сословное звание. Пока живуче представление о колхозах-совхозах как о предприятиях, способных «накормить народ»,— магазинные полки и холодильники будут пусты. Власть исполнительных органов в сельских районах, аппарата райкомов — сила реальная. Сила, воспитанная в ненависти к единоличнику, усматривающая в кооператорах «кулаков», «недобитков». Можно ли при существующей на местах ситуации надеяться на то, что государственные и партийные служащие перестроились? Что они созрели для новых политических решений, в которых приоритет интересов жителей, работников села был бы главенствующим? И — неоспоримым! Немало вёсен и зим минуло после апреля 1985 года, но редкий партаппаратчик в районе да и в области задумался о перемене ролей.

Так что и по сей день дело ограничивается сменой вывесок. Министерства называют комитетами, управления — объединениями, объединения и комитеты — комиссиями... Одно неизменно — упование на товарищей План и Вал. Однако до сих пор ни Госагропром, ни те же план и вал не помогли возрождению крестьянства, не потеснили интересов многочисленных ведомств, не провели дорог, не улучшили ни полей, ни жилья... Именно Госплан и Госагропром в лице своих краевых и областных комитетов по-прежнему делят фонды и лимиты, управляют теми, кто пашет и сеет, по-прежнему отбирают вчистую продукт, добытый в поте лица, не понимая, не желая понять, что сегодня главное в том, чтобы вместо бесконечного потока партийно-правительственных постановлений о «развитии колхозов и совхозов» ПОВЕСТИ ДЕЛО В ПОЛНОМ СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНАМИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ.

И тут неминуемо встает вопрос О СОБСТВЕННОСТИ. Не сомневаюсь, что бывший глава Госагропрома СССР тов. Мураховский с достаточным на то основанием (историческая традиция) считал себя хозяином гигантского, но практически не управляемого аграрно-промышленного комплекса страны. Хотя нет основания не думать, что такими же хозяевами АПК считают себя члены комиссии ЦК КПСС... Так вот этим вполне традиционным представлениям явно противоречит Обращение депутатов-аграрников!

Да какие, собственно, могут быть экономические законы, точнее, как они могут в нашей стране работать, если даже Съезд народных депутатов уклонился от немедленной декларации самых разных форм собственности! А Законы о землепользовании, об аренде — это прежде всего ОТНОШЕНИЕ К СОБСТВЕННОСТИ. Государственная собственность, например, на землю — великое завоевание социалистической революции. Но разве то же государство не страдает хронически оттого, что и земля, и воды, и častью леса́ ничьи?

Есть нечто здоровое в мысли Василия Белова: хватит экспериментов с деревней! Спасительная мысль. Провозгласили ту же аренду, но Закона об аренде нет и нет. Принятый Указ об аренде и арендных отношениях, сформулированный на стадии проекта в недрах Госагропрома, явно несовершенен — не вызрел. Зелен плод. Вчитайтесь — по настоянию все тех же удельных князей, различных ведомств от Минфина до комитетов Агропрома он предписывает желающим взять аренду иметь дело не с властью в лице местных Советов, а с... колхозами и совхозами. То бишь с теми провальными образованиями, что привели страну к талонам, к разору на земле, деградации почв, уморили голодом тысячи голов скота, лишили перспективы десятки тысяч деревень, разогнали по городам миллионы потомственных крестьян... И что же? Указ понуждает жителей села, обретающих незнакомое чувство хозяина и готовых к риску, войти в арендные отношения с явными банкротами, горе-руководителями закредитованных колхоза или совхоза!.. Да не желает инициативный мужик иметь дело с правлением, которое только и ждет, чтобы содрать с него, кооператора или единоличника, очередные три шкуры!.. И на все на это спокойно взирают вожаки Совета колхоза. А ведь в этом всесоюзном правлении немало умнейших голов! И тем не менее ни колхозы, ни тем более совхозы не могли и не могут прокормить население страны.

Нет, не герои, не «маяки» решат проблемы селян. То, что сделали с деревней шестьдесят лет назад,— преступление тогдашних руководителей государства и партии. Тот шок не прошел. Колхоз (и особенно совхоз) там, где полвека не вытанцовывается экономика,— синоним бесправия, уравниловки, сдельщины. И поденщины! Тут не только раскрестьянивание, но и расчеловечивание. Почему масса сельского населения не пошла сегодня в кооперативы? Или в артели по интересам? Шок. Дает о себе знать пережитое дедами. Столыпин назвал нищету худшим из рабств! Народ в наших российских областях, особенно в Средней Азии, живет полужизнью — во всем недостаток. А жить люди, конечно, хотят. Но по правде, по труду, по совести. Да не получалось. Думаю, пришло время — пора бы повиниться перед народами СССР за содеянное в деревне. Ждали этого от первого Съезда народных депутатов — нет, ни слова. Надо бы сказать: «простите за генеральную линию!» За случившееся шестьдесят лет назад, за наглую неправду коллективизации, «раскулачивание», ликвидацию крестьянства, списывание тысяч селений в графу «неперспективные», за символические пенсии тем, кто отдал все силы — и кровь, и пот — городам, стройкам-гигантам, армии, на алтарь индустриализации. Победа над фашизмом, освоение космоса — все за счет элементарного счастья нескольких поколений обездоленных. Надо кому-то было от партии на прошедшем Съезде народных депутатов торжественно обещать, что НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРИТСЯ АНТИКРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЛИТИКА. И, может быть, тогда люди села окончательно поверят, что кооперация, аренда или семейный подряд не временные мероприятия! Не спасательные круги для утопающих, а новый закон жизни. Для всех.

ПУСТЬ НА ЗЕМЛЕ И С ЗЕМЛЕЙ РАБОТАЮТ ВСЕ, КТО ХОЧЕТ! И пусть копят личную собственность! Без опасения быть раскулаченными. Вернуть бы крестьянству отнятое в годы принудительной коллективизации. Когда разоряли вековые гнездовья тружеников, земледельцев, выселяли, переселяли, вырывая с корнем миллионы семей, укореняя пародию на социализм в деревне. Не нужно никому равенства в нищете. Октябрь ликвидировал капиталистическую собственность — это главное; в этом революция. А вот борьба с благосостоянием, счастьем человеческим, правом на жизнь — преступление. И надо бы о нем сказать отдельно, особо. И отказаться от диктатуры местных агропромовских комитетов, комиссий или парткомов, еще сильных в районах.

Но и сегодня не все еще осознали до конца размах государственного произвола по отношению к самой многочисленной части населения — крестьянству. Которое даже перестало таковым быть, ибо лишилось как земли, так и права на свободный труд на земле. Образно говоря, до сих пор красные мандаты управляли нашим сельским хозяйством, жизнью деревни. Я — за мандаты зеленые. Когда-то Сталин уничтожил членов несуществующей трудовой крестьянской партии. Но Сталина нет: так, может быть, жители села соберутся, объединятся? Пусть даже в неальтернативную организацию... А то получается, что, начав с коммун и «раскулачивания», сегодня кончаем свеженьким весенним Указом, который, видите ли, дозволяет потомку крестьянина платить разорившемуся колхозу за аренду поруганной пашни. Куда податься новому крестьянину?

...Вот какие мысли посетили во время многочасовых хождений по Госагропрому СССР, завершающему эвакуацию. Куда? Вразумительных ответов не получил. Нашкодили, а отвечать не хотят. Кто помоложе,— переселяется в такие же многолюдные кабинеты ведомств кондитерской или парфюмерной промышленности, в соседний Агропром РСФСР... На производство никто, кажется, не рвется. И аренду не берут — не у колхоза же ее брать.

А может быть, землю не только сдавать в аренду? Может быть, ее продавать? Коли вслух говорим о возрождении крестьянской семьи, то и продать ей, возрождающейся, надел! Есть земельный госфонд, львиная доля колхозам передана, но часть можно бы продать семье нарождающихся крестьян? Жаль, Закона о землепользовании нет, как нет и Закона о формах собственности...

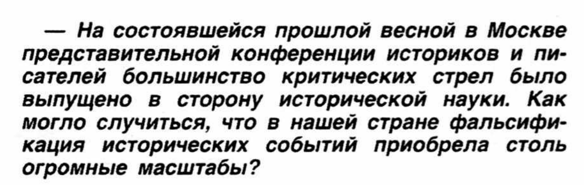
* * *

Вот и сняли с парадного подъезда вывеску «Госагропром СССР»... Уже и забыл, как она там точно была сформулирована. А ведь только что последний раз видел... Была без радости любовь!.. А что же грядет на смену столь грандиозному сооружению? Упразднили и... тут же принято решение образовать Госкомиссию Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам. Вот так. Читай: будет Комиссия, будет и продовольствие. Кто-нибудь накормит народ — поручение ответственное...

А может быть, никого не неволить? И новой вывески не заказывать? Кстати, вот доверительное письмо с места: «Кланяемся и сообщаем о новом детище аппаратчиков — создании в области ГлавПЭУ облисполкома. Сия акция равна, а то и превосходит по «логике» создание облагропрома. Это прибежище для сокращенных партработников, которым в принципе сохранили зарплату. Во всяком случае, на сегодняшний день это так. Отдел же планирования АПК вообще недоносок, т. к. не обладает никакими функциями, правами или обязанностями. Не лучше ли передать власть местным Советам?.. Вместо обкома АПК заспешили у нас создать... ассоциацию. Причем постарались, конечно, сохранить численность конторщиков на существующем уровне, но оплачивать их труд из касс... колхозов и совхозов. И нет таких руководителей хозяйств, которые могли бы ударить кулаком по столу!.. Как верха́м да и на местах трудно свыкнуться с мыслью, что руководить сельским хозяйством не надо! Особенно теперь, в пору приоритета хозрасчетных и арендных отношений...»

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ ЕЩЕ НЕ НАПИСАНА

Так считает генерал-лейтенант Николай Григорьевич ПАВЛЕНКО, доктор исторических наук, бывший редактор «Военно-исторического журнала», с которым беседует специальный корреспондент «Огонька» Эдмунд ИОДКОВСКИЙ

— На состоявшейся прошлой весной в Москве представительной конференции историков и писателей большинство критических стрел было выпущено в сторону исторической науки. Как могло случиться, что в нашей стране фальсификация исторических событий приобрела столь огромные масштабы?

— Вместо ответа на этот вопрос расскажу случай из личной практики. Известно, что в начале 60-х годов на посту начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР оказался А. А. Епишев. Пожалуй, наиболее заметным качеством этого деятеля было то, что он принадлежал к когорте непотопляемых. Почти полвека (с 1937 года до середины 80-х годов) он находился на плаву, пережив пять генеральных секретарей ЦК КПСС. Такая живучесть Епишева обусловливалась тем, что он умел удивительно приспосабливаться к разного рода изменениям в верхах.

Однажды летом 1967 года я, тогдашний редактор «Военно-исторического журнала», вместе с доктором исторических наук В. М. Кулишем находился у Епишева. Был затронут вопрос о правде в исторической науке. И тут Епишев безо всякого стеснения изложил свое кредо: «Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?»

— Но ведь ложь и измышления обычно ненадолго переживают самих временщиков...

— Это верно. История не служанка политики, хотя придворные историки были всегда и всегда придавали событиям и личностям иной облик, чем на самом деле. Эта процедура совершается разными способами. Например, 150 лет назад Николай I воздействовал на труд историка Михайловского-Данилевского об Отечественной войне 1812 года «ценными указаниями» и личным участием в редактировании отдельных глав. Николай I наложил весьма «современную» по духу резолюцию: не следует помещать в труд о войне «все, что могло бы подать повод к пересудам иностранцев». Автор ретиво выполнил директиву и договорился до того, что «ни в одном сражении не мог Наполеон сдвинуть с места нашей славной армии» и что якобы только «Александру I принадлежала слава сего блистательного похода».

Описательство и бахвальство заменяли критический анализ событий 1812 года, что сыграло свою роль в поражении русской армии в Крымской войне. Лишь после этой войны стало ясно, что нельзя так бесцеремонно извращать историю.

— Удивительные аналогии напрашиваются!..

— Да, нечто похожее случилось и с исследованием Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Уже пятый десяток лет пошел с тех пор, как отгре-

мел Парад Победы, а правдивой истории Великой Отечественной в целом как не было, так и нет до сих пор. Если в первое десятилетие после войны мощным тормозом в ее исследовании был культ личности Сталина, то в последующие годы анализу многих событий мешали рецидивы культа, неотмененные запреты на использование источников и документов.

Конечно, положение в исторической науке стало меняться после XX съезда КПСС. Была предпринята разработка капитального шеститомного труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Авторы использовали многочисленные труды Генштаба: четырехтомные издания «Операции Великой Отечественной войны» и «Военное искусство в Великой Отечественной войне», а также «Стратегический очерк Великой Отечественной войны». Но никто из коллектива редакции шеститомника, возглавлявшейся П. Н. Поспеловым, не обратился за помощью к маршалам Г. К. Жукову и А. М. Василевскому.

Особенно трусливо вели себя редакторы некоторых томов, когда требовалось упомянуть имя Жукова. Они боялись нелепо наклеенного на него ярлыка «бонапартист» больше, чем черт ладана. Так, в первом томе Г. К. Жуков в качестве советского начальника Генерального штаба ни разу не упомянут, зато немецкий начальник Генштаба Ф. Гальдер фигурирует 12 раз. Более чем сдержанное отношение к Жукову наблюдается и в других томах. Зато в третьем томе член Военного совета фронта Н. С. Хрущев упоминался 41 раз! Отмечая конъюнктурные «переборы» и упущения в шеститомнике, следует сказать, что этот труд явился все же шагом вперед в исторических исследованиях о войне. Он оказал благотворное влияние на историческую науку.

Особенно сильный удар был нанесен по тем концепциям, в которых все успехи советского народа приписывались «мудрому руководству» Сталина и в которых он превозносился как «величайший полководец всех времен и народов».

— А что можно сказать о 12-томной «Истории второй мировой войны 1939—1945 гг.»?

— Это шаг назад в исторической науке. Если БАМ называют «самым длинным памятником эпохи застоя», то это самый многотомный памятник той же эпохи.

Брежневу, а особенно Суслову и его подпевалам, хотелось как можно быстрее реанимировать Сталина, не привлекая к этому «таинству» внимания широкой общественности. Считалось, что лучшим способом реанимации является издание под новым наименованием капитального труда о войне, в котором и надо произвести необходимые «хирургические операции» с научными концепциями.

Еще осенью 1965 года в «Правде» выступил со статьей С. П. Трапезников, затем — еще три историка из той же, к сожалению, неисчезающей когорты «чего изволите?». Они объявили, что никакого культа личности Сталина не было, что это понятие немарксистское, научно несостоятельное и отдает «субъективизмом».

Наследники Сталина не были бы его верными учениками, если бы не действовали с помощью страха. Историкам памятен разгром книги А. Некрича «22 июня 1941». Исследованию причин наших поражений был положен конец. Услужливые горе-историки извратили историю войны и особенно предвоенной политики Сталина. Вот один пример. В 12-томнике стали избегать самого слова «репрессии», заменяя его расплывчатым термином «обвинения»:

«В 1937—1938 гг. вследствие необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников» (т. 2, с. 206).

«Уволено» — на пенсию, что ли?! Далее указывается, что жалобы «уволенных» якобы были рассмотрены и ошибки в значительной степени исправлены. Здесь нет даже намека на трагедию командных кадров, на гибель полководцев. Текст так обработан, что даже тягчайшие преступления выглядят как невинные «ошибки». А ведь только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года репрессировано устрашающее число — 36 761 военачальник, да на флоте свыше трех тысяч. За год с небольшим подверглись репрессиям 40 тысяч человек начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Мировая история не знает случаев, чтобы в условиях назревавшей войны с таким необычайным неистовством и размахом уничтожались военные кадры в собственной стране.

— В Библиотеке имени Ленина я видел альбом фотографий членов Военного совета при наркоме обороны. В нем 85 снимков видных деятелей армии и флота. Остались нерепрессированными только 7 человек: Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Городовиков, Апанасенко, Хрулёв, Шапошников. Встает вопрос: какова роль Ворошилова в этой трагедии?

— Пока нет данных, что он был инициатором репрессий, но пальцем о палец не ударил, чтобы спасти Тухачевского и его соратников.

В начале 60-х мне доводилось встречаться с Ворошиловым. Он говорил о своем жизненном пути, даже о том, как оказался в пещере под Кисловодском на совещании участников «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым. Но когда речь заходила о репрессиях, как-то сразу тушевался, отвечал весьма сдержанно. Однажды я его спросил: сожалел ли когда-либо Сталин о гибели выдающихся полководцев? Он ответил: «Сталин не столько сожалел об их гибели, сколько стремился возложить ответственность за этот тяжкий грех на одного меня. Конечно, я с этим согласиться не мог и всегда отбивался...» Ворошилов не хотел признавать своей вины в разгуле репрессий в армии, пытался переложить ее на других. «Решение о расправе над Тухачевским и другими навязали нам Сталин, Молотов и Ежов».

Мне довелось уточнять этот вопрос с П. К. Пономаренко и Г. К. Жуковым. Они говорили, что иногда в критических ситуациях Сталин вспоминал о некоторых погибших полководцах. По словам Г. К. Жукова, он бывал свидетелем перепалок по этому вопросу, возникавших между Сталиным и Ворошиловым. Сталин действительно пытался всю вину за гибель выдающихся полководцев возложить на Ворошилова, который, по словам Сталина, слабо знал достоинства подчиненных ему военачальников и вел себя крайне пассивно, когда решалась их судьба. Ворошилов не выдерживал этих упреков, срывался и пытался оправдаться.

Но оправдаться ему было трудно. Ворошилов был полностью осведомлен о готовящихся арестах. Более того, он вызывал лично или через подчиненных намеченные к расправе жертвы на «заседания» и «совещания», а по пути или по приезде в Москву их арестовывали. Якир был вызван в Москву лично Ворошиловым и арестован по дороге, в Брянске.

Бедой для армии и страны было и то, что Ворошилов просто не понимал многих нужд обороны. Вот некоторые примеры. Весной 1937 года на одном из заседаний Военного совета начальник Генштаба А. И. Егоров говорил о слабой оборудованности будущего Западного театра военных действий. Он предложил на случай колебания линии фронта в будущей войне подготовить командный пункт для штаба Западного фронта в Могилеве. Ворошилов грубо набросился на начальника Генштаба, обвиняя его в пораженчестве и в попытке отвергнуть доктрину «воевать только на чужой территории».

Чтобы избежать обвинений в пораженчестве, руководство Генштаба пыталось проводить некоторые оборонные мероприятия втайне от наркома. Например, заместитель начальника Генштаба С. А. Меженинов, обсуждая с заинтересованными людьми возможные варианты эвакуации военно-учебных заведений на восток, крайне опасался, как бы об этом не узнал нарком. Конечно, Ворошилову об этом донесли, и Меженинов в глазах Ворошилова стал «пораженцем».

Может быть, приклеенный ему и его начальнику Егорову ярлык «пораженцев» стал сигналом для Ежова? И Егоров, и Меженинов были репрессированы, причем Егоров сразу же после того, как по приказу наркома прибыл в Москву.

Нарком не интересовался судьбами не только М. Н. Тухачевского, но и других своих заместителей (Я. И. Алксниса, И. Ф. Федько и других). И даже тогда, когда записка истерзанного в тюрьме комдива Шмидта попала в руки Ворошилова, нарком не пожелал заняться судьбой этого храброго командира.

— Мне близка мысль известного русского историка С. М. Соловьева о том, что личность, сколь бы могущественной она ни была, не может изменить естественного хода народной жизни. Не мог изменить объективного хода исторического развития нашей страны и Сталин, хотя для миллионов советских людей трагедией стал разгул беззакония, превратившийся в кровавую вакханалию 1937—1938 гг. Эти преступления — все до единого — историки обязаны распутать, и работы тут не на одно десятилетие. Думая о подлинных причинах массовых репрессий, невольно приходишь к выводу, что дело не только в тиранических сталинских методах руководства, но и в страхе разоблачения, который преследовал Сталина всю жизнь.

На это обратили внимание писатели Алесь Адамович («Дублер») и Василий Белов («Год великого перелома»). Внутренний монолог Сталина у В. Белова звучит так: «...как омерзительно вечно ощущать над собой этот топор, занесенный над головой! Он висит над тобой день и ночь, день и ночь не исчезает угроза разоблачения. Откуда у них бумаги? Почему он, Коба, был таким дураком? Он не ударил палец о палец, чтобы уничтожить архивы охранки. Как попали они в руки Троцкого?»

Итак, возникает версия о Троцком, шантажирующем Сталина. И далее устами героя говорится, что «эта борьба отнюдь не классовая. Скорее национальная, а может, и религиозная». Так сказать, борьба христианства с иудаизмом...

Николай Григорьевич, прокомментируйте как историк эти мысли писателя. Ведь в статье Б. Каптелова и З. Перегудовой «Был ли Сталин агентом охранки?» («Вопросы истории КПСС» № 4, 1989) показана недостоверность некоторых документов, фигурирующих на Западе. Вместе с тем авторы оговаривают, что они «отнюдь не пытались окончательно решить вопрос, был ли Сталин секретным сотрудником».

— Различного рода версии о связи Сталина с охранкой многократно публиковались и в зарубежной исторической литературе. Об этих версиях говорил наш известный историк Ю. Н. Афанасьев на упоминавшейся конференции историков и писателей, а также в статье, опубликованной в «Литературной России». Весной нынешнего года мне довелось быть на семинаре лекторов общества «Знание». Отвечали на вопросы лекторов преподаватели Академии общественных наук во главе с профессором Н. Н. Масловым. Приехавшие из разных городов лекторы привезли с собой немало записок, в числе их были вопросы о том, был ли Сталин связан с царской охранкой. Как видите, интерес к этой проблеме большой.

Версия о «страхе разоблачения» требует самой тщательной и скрупулезной проверки. Во всяком случае, Троцкому эти документы, если они были, могли стать известны не в 1929 году, не в «год великого перелома», а гораздо позже.

Да и дело не в том, был ли Сталин агентом охранки или параноиком... Трагедия в том, что этот преступник оказался во главе такого огромного государства, как наше. Но смешно в этой трагедии усматривать «масонский заговор» или объяснять все, как В. Белов, национально-религиозной борьбой. История не терпит упрощенных объяснений.

— Писатель Леонид Леонов в романе «Русский лес» создал потрясающий образ Грацианского — лжеученого, находящегося на вершине успеха. Прослеживая корни этого образа, истоки его падения, он рассказывает о связях Грацианского с царской охранкой. Старый мир мстит новому, как бы засылая своих агентов в будущее. Что если таким агентом старого мира под маской «революциониста» и был Иосиф Джугашвили-Сталин?

— Тогда его место в истории — рядом с Азефом и Малиновским.

— Тут есть другая опасность. Если всюду искать «агентов», недалеко и до шпиономании, принесшей столько бед нашему народу. Как возникала шпиономания? Вот передо мной передовая «Правды» от 11 июня 1937 г.: «Тысячи и десятки тысяч шпионов и разведчиков засылают капиталистические государства друг к другу. На ярчайших исторических примерах товарищ Сталин в докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года показал и доказал... есть все основания, с точки зрения марксизма, предположить, что в «тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства».

— Там — «десятки тысяч», здесь — «втрое больше», то есть сотни тысяч, а то и миллионы... Действительно, страшный, механистический подход, да еще «с точки зрения марксизма». Марксизм здесь не ночевал. Механистический подход, не учитывающий ценности индивидуальной человеческой жизни, вообще был присущ Сталину.

— На мой взгляд — взгляд неспециалиста, историки недостаточно четко показывают, что

трагедия лета 1941 года уходит корнями в 1937—1938 годы. Вот слова Гитлера на совещании в ставке вермахта 9 января 1941 г.: «Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей...» Желание «использовать момент» перевесило для Гитлера реальную опасность войны на два фронта.

— Репрессии командных кадров, конечно, обезглавили и деморализовали Красную Армию, способствовали авантюристическим планам Гитлера. Более того, они дезорганизовали управление армией, что помогло немецко-фашистскому командованию достичь крупных успехов в начале войны.

Но история войны — процесс многосторонний. Врага не надо оглуплять, изображать тусклым, слабым, ограниченным. Эпиграфом к еще не написанной истории войны я бы взял строку Константина Симонова: «Да, враг был храбр. Тем больше наша слава».

Как это ни парадоксально, о побежденном противнике мы знаем больше, чем о победителе. В уникальном двухтомнике В. Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма» (М., «Наука», 1973) приведены многочисленные источники по стратегии врага, включая и цифры потерь вермахта в войне, подсчитанные с точностью чуть ли не до последнего солдата. Подобного свода документов советской стороны пока нет. Лишь недавно в «Военно-историческом журнале» (№№ 8, 9, 1988) полностью опубликованы приказы № 270 от 16 августа 1941 г. (в котором все наши пленные — а их было более 4 миллионов человек — объявлялись предателями Родины, причем семьи пленных командиров подлежали высылке, а семьи пленных красноармейцев лишались всякой помощи) и № 227 от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад!»).

— Помню, как при чтении двухтомника Дашичева меня поразил доклад немецкого генштабиста Кинцеля о политико-моральной устойчивости Советского Союза и о боевой мощи Красной Армии. 1 января 1941 года он, в частности, писал: «Не изменится русский народный характер: тяжеловесность, схематизм, страх перед принятием самостоятельных решений... Сила Красной Армии заложена в большом количестве вооружения, непритязательности, закалке и храбрости солдата. Естественным союзником армии являются просторы страны и бездорожье. Слабость заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, недостаточном для современных условий образовании, боязни ответственности и повсеместно ощутимом недостатке организованности».

— Я не думаю, что страх перед принятием самостоятельных решений — это черта русского характера. Иначе бы наш народ не совершил революцию! Но многие черты предвоенной обстановки в Красной Армии подмечены верно. Сталинизм не только физически, но и нравственно ослабил наши Вооруженные Силы перед войной, создав в них атмосферу подозрительности, доносительства, безынициативности.

К вопросу о страхе. Да, Сталин испытывал страх перед Гитлером. Боязнь «прогневить» Гитлера побудила Сталина не подводить войска к границам и дать категорический приказ военным «не отвечать на провокации». Он преступно допускал разведывательные полеты немецкой авиации над нашей территорией, а также действия разведывательных групп по «поиску могил» немецких солдат, погибших на русском фронте в годы первой мировой войны (1914—1918). В результате 1200 наших самолетов были уничтожены на аэродромах в первый же день новой войны.

Оценивая ситуацию тех тревожных дней перед войной, мы, пожалуй, не ошибемся, если скажем, что руководила Сталиным в то время наивная надежда на то, что немцы все-таки ринутся через Ла-Манш на Англию. Именно поэтому эшелоны с хлебом и нефтью шли в Германию вплоть до 22 июня 1941 года. К началу войны гитлеровское руководство рассчиталось с нами за поставки лишь на 50—60 процентов.

Страх лишил Сталина способности оценивать обстановку, всякие объективные (но неприятные его слуху) сведения его раздражали. Он не только не внимал донесениям разведки, но и расправлялся с особенно настойчивыми работниками разведорганов.

Страх испытывал и Жуков (и по-человечески это понять можно), но уже перед Сталиным и Берией. Вот запись выступления прославленного полководца 13 августа 1966 г. в редакции «Военно-исторического журнала»:

«Сталин узнал, что Киевский округ начал развертывание по звонку Тимошенко, Тимошенко кое-что начал двигать, несмотря на строжайшие указания. Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал: вот, мол, военные не выполняют, провоцируют, я имею донесение от... (неразборчиво.— **Ред.**), занимают боевые порядки.

Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует нахлобучку. Этот удар спустился до меня. Что вы смотрите? Немедленно вызвать к телефону Кирпоноса, немедленно отвести, наказать виновных и прочее. Я, конечно, по этой части не отставал. Ну и пошло. А уже другие командующие не рискнули. Давайте приказ... А кто приказ даст? Кто захочет класть свою голову? Вот, допустим, я, Жуков, чувствуя нависшую над страной опасность, отдаю приказание: «развернуть». Сталину докладывают. На каком основании? На основании опасности. Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал...

Может, я неумело, неубедительно разговаривал со Сталиным... А главное, конечно, что довлело над ним, над всеми его мероприятиями, которые отзывались и на нас,— это, конечно, страх перед Германией. Он боялся германских вооруженных сил, которые маршировали легко по Западной Европе и громили, и перед ними все становились на колени. Он боялся. Боялся почему? Потому, что он привел страну к такому угрожающему моменту, не готовил к войне. Он понял, что вся предвоенная политика оказалась фальшивой».

Оценивая роль Сталина в войне, я разделяю тезис тех военных историков, которые считают, что преступления Сталина, в первую очередь гибель десятков миллионов, ничем не могут быть искуплены.

Несколько слов о людских потерях в войне. Германия потеряла в ней 6,5 миллиона человек, причем вооруженные силы Германии потеряли 3 миллиона 50 тысяч человек. О наших потерях мы точно сказать не можем. Известная цифра «20 миллионов погибших» взята, на наш взгляд, с потолка. Интересно, что впервые она возникла у Джона Кеннеди в разговоре с Хрущевым, тот согласился... В действительности наши потери куда больше. В 1940 г. население СССР составляло 194 миллиона человек, в начале 1946 г.— 167 миллионов. Разница в 27 миллионов, не считая среднегодового, пусть ослабленного, прироста.

— Современные историки считают, что в полный рост встает задача изучения исторических альтернатив (что было бы, если бы...). Например, военные события летом 1941 года необязательно должны были происходить так, как они фактически развивались. Очевидно, существовали и другие альтернативы, но они по вине политического руководства, допустившего крупнейшие просчеты, были утрачены.

— Конечно, существовали. Был ряд причин того, что события летом 1941 года развивались столь неблагоприятно. О первой их группе, приведшей к дезорганизации и подрыву боеспособности армии, мы уже говорили: ослабленный репрессиями военный инструмент в то время не обладал необходимой силой, чтобы парировать удары противника. Отсюда и слабая эффективность контрударов наших войск в летних кампаниях 1941 и 1942 годов.

Была и другая группа причин, обусловивших поражения наших войск в этих кампаниях. К ней следует отнести прежде всего некомпетентность стратегического руководства, стремление Сталина оттеснить военных деятелей и Генштаб от принятия важнейших решений. Если бы не было этих просчетов и ошибок, то мы бы не отступили более чем на тысячу километров за одно лето, военные действия происходили бы совершенно по-иному. Я считаю, что в оценке событий лета 1941 года прав академик А. М. Самсонов: «Если бы не просчеты, я не сомневаюсь, что войска вермахта, даже проникнув на нашу территорию, не дошли бы до Ленинграда и Москвы... И возьмем лето 1942 года — тогда наше отступление на Юго-Западном направлении, к Волге и на Кавказ, уже тем более не было неизбежным».

Методы руководства Сталина наносили большой вред управлению войсками. В начальный период войны, когда враг наступал с темпом 40—50 и более километров в сутки, в Ставке существовал следующий порядок работы. Начальник Генштаба Жуков докладывал обстановку и предложения наркому обороны Тимошенко. Затем они ехали в Кремль и **дожидались приема у Сталина.** Наконец, после доклада Сталину возвращались в Генштаб и отдавали приказы войскам. В результате между поступавшими с фронтов данными, требовавшими немедленного реагирования, и решениями проходило 7—8 часов. «А за это время немецкие танки делают 40—50 километров,— отмечал Жуков,— и мы, получив новые сведения, принимаем новые решения и снова опаздываем».

— И нельзя не восхититься тем же Жуковым, которого я бы по-старинному назвал Спасителем Отечества. Только что опубликовано его письмо писателю Василию Соколову от 2 марта 1964 г. Вспоминая битву под Москвой, он пишет: «На последнем этапе оборонительного сражения — 25.XI—5.XII — я не спал одиннадцать суток, будучи в чрезвычайном нервном напряжении, но зато, когда наши богатыри погнали врага от Москвы, я свалился и проспал более двух суток подряд, просыпаясь только для того, чтобы узнать, как развивается контрнаступление. Даже Сталин и тот не разрешал меня будить, когда звонил по телефону».

— По словам Жукова, лишь в конце начального периода войны, после разговора с ним, Сталин понял гибельность проволочек с принятием текущих решений. А в первые 10 дней войны Сталин находился в состоянии прострации. А. И. Микоян и управляющий делами Совнаркома СССР в годы войны Я. Е. Чадаев рассказывали, что 22 июня Сталин наотрез отказался выступить по радио с обращением к стране, ибо «не знал, что сказать народу». Он впал в апатию, потерял всякий интерес к событиям и вообще не появлялся в Кремле, находясь на ближней даче в Волынском (в районе Кунцево).

Во второй половине дня 30 июня, как рассказывал А. И. Микоян историку Г. А. Куманеву, несколько членов Политбюро ЦК ВКП(б) по собственной инициативе поехали к Сталину, чтобы решить ряд неотложных вопросов, в том числе обсудить предложение о создании Государственного Комитета Обороны. В. М. Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии. По прибытии на дачу члены Политбюро застали Сталина в малой столовой, сидящим в кресле. «Зачем пришли?» — сразу же спросил Сталин с каким-то испугом. Молотов от имени всех сказал о необходимости создания чрезвычайного органа военного времени, каким должен стать Государственный Комитет Обороны (ГКО), наделенный всей полнотой власти в стране, и предложил Сталину возглавить его. Сталин посмотрел удивленно, но никаких возражений не высказал и согласился со всеми предложениями. В тот же день было принято постановление об учреждении ГКО, а 1 июля оно было опубликовано в газетах. Только после этого Сталин, по словам Микояна, «пришел в полную форму».

Но особенно тяжелый осадок оставила встреча со Сталиным 7 октября 1941 года, о которой рассказывал Г. К. Жуков. Разговор происходил в присутствии Берии, который в течение всей беседы отмалчивался.

— А о чем шел разговор?

— Сталин весьма пессимистично оценивал обстановку на фронтах и перспективы вооруженной борьбы осенью 1941 года. Далее вдруг перешел к военным событиям 1918 года. Смысл его слов сводился к следующим положениям: «Ленин оставил нам государство и наказал всячески укреплять его оборону. Но мы не выполнили этого завещания вождя. В настоящее время враг подходит к Москве, а у нас нет необходимых сил для ее защиты. Нам нужна военная передышка не в меньшей степени, чем в 1918 году, когда был заключен Брестский мир».

Далее, обращаясь к Берии, он сказал: «Попытайся по своим каналам прозондировать почву для заключения нового Брестского мира с Германией, сепаратного мира. Пойдем на то, чтобы отдать Прибалтику, Белоруссию, часть Украины,— на любые условия».

На мой вопрос к Жукову, что было дальше, он ответил: «Доверенные лица Берии обратились к тогдашнему послу Болгарии в СССР Стотенову. По словам Стотенова, Гитлер отказался от переговоров, надеясь, что Москва вот-вот падет».

Расследование этого эпизода впоследствии в 1953 году проводил заслуженный юрист РСФСР Г. Терехов, работавший в Прокуратуре СССР и участвовавший в следствии по делу Берии. Терехов специально ездил в Софию, разыскал Стотенова, через которого шли переговоры. Сам факт попытки подобных переговоров в военное время за спиной советского правительства и народа является государственной изменой.

Кстати, небезызвестный генерал Г. Гудериан в статье «Опыт войны с Россией» тоже намекает на эту попытку унизительного для нас сепаратного мира. Вспоминая о событиях 1944 года, он говорит

о Гитлере: «Политики отказа придерживался он и в отношении **мирных предложений** Сталина, сделанных ему в предыдущие годы» (выделено мною.— Н. П.).

— Все тайное рано или поздно становится явным. 29 апреля 1988 г. Г. Терехов рассказал об этой попытке переговоров в телепрограмме «Взгляд». Академик А. Самсонов опубликовал постановление ГКО от 15 октября 1941 г. об эвакуации Москвы: «Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, также правительство во главе с заместителем Председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке)... произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)».

— До крайних мер (взрыва предприятий) дело не дошло. Но в середине октября 1941 г. в связи с наступлением немецких войск обстановка под Москвой обострилась: началась эвакуация многих учреждений на восток. В ночь с 15 на 16 октября центральный аппарат НКВД эвакуировался в Куйбышев. Туда же перевезли и важнейших подследственных. Но все же, по словам Жукова, в подвалах на Лубянке оставалось еще около 300 высших военачальников. Поскольку в то время не было средств для перевозки заключенных в тыл, их расстреляли. Не оставили в живых и тех, кого увезли в Куйбышев. В числе расстрелянных 28 октября 1941 года в Куйбышеве были Г. М. Штерн, А. Д. Локтионов, Я. В. Смушкевич, П. В. Рычагов, Г. К. Савченко и другие.

— По словам писателя А. Ваксберга, ознакомившегося со следственными делами, зверски избитые жертвы (кроме Локтионова, героически выдержавшего все пытки) «признали» в конце концов то, чего от них добивались. Страшно читать позднейшие показания истязателей — о том, как кричал, хватаясь за сердце, Ванников, как в кровь был избит Мерецков, как катался по полу и стонал Смушкевич, как лишился сознания истерзанный Штерн...

— О пытках свидетельствовал и главный палач Берия. На следствии он заявил: «Для меня несомненно, что в отношении Мерецкова, Ванникова и других применялись беспощадные избиения, это была настоящая мясорубка. Таким путем вымогались клеветнические показания».

Пока еще неведомо, почему Сталин отменил новое судилище над военачальниками. По его приказанию двое главных подследственных — Мерецков и Ванников — были освобождены, а остальные жертвы оставлены на растерзание. Вместе с ними в подвалах на Лубянке ждали своей смерти сотни военных специалистов высокого класса, а на фронте полками в это время командовали лейтенанты.

В марте 1942 года состоялось новое совещание у Сталина. По свидетельству Г. К. Жукова, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников сделал обстоятельный доклад о возможном характере действий Красной Армии летом 1942 года. Ввиду превосходства противника и отсутствия второго фронта он предложил в ближайшее время ограничиться активной обороной. Но совещание закончилось указанием Верховного провести частные операции в Крыму, на Харьковском направлении и в других районах. Из разумного плана Генштаба получился новый план, предусматривавший около десяти частных наступательных операций. Будучи плохо обеспеченными в материальном отношении, они не достигли поставленных целей, а операции на Харьковском направлении и в Крыму завершились катастрофами. Враг захватил стратегическую инициативу и повел наступление к Волге и на Кавказ. Главной причиной поражения в летней кампании 1942 года было некомпетентное решение Верховного Главнокомандующего.

— Когда же произошел перелом в методах стратегического руководства?

— Осенью 1942 года. Появились первые признаки того, что стиль и методы стратегического руководства стали меняться. Сталин назначил своим заместителем Жукова. А Жуков в конце 1942 года был уже иным военачальником, чем летом 1941-го. Он теперь не смотрел на Сталина как на воплощение мудрости. Обогатившись опытом войны и зная подлинные военные «способности» Сталина, Жуков оказал сильное влияние на выработку решений и подготовку контрнаступления под Сталинградом.

А Сталин и в последующие годы продолжал придумывать все новые версии причин наших поражений в 1941—1942 годах. Вначале выдвинул тезис о так называемой «исторической закономерности», согласно которой агрессоры якобы всегда лучше подготовлены к войне, чем миролюбивые страны. Вёрсия не получила широкого распространения и вскоре заглохла. В начале 1947 года в письме к военному историку Разину Сталин намекнул, что историкам надо обратить внимание на интересный вид военных действий — контрнаступление. Еще, мол, в древние времена парфяне завлекли римлян в глубь своей территории, а затем перешли в контрнаступление и погубили их. Таким же образом была разгромлена Кутузовым и армия Наполеона.

Некоторым историкам этот намек вождя пришелся по душе, и они его расширили, углубили и превратили в концепцию «заманивания и контрнаступления». Считалось, что именно такие действия являются главным способом ведения вооруженной борьбы в справедливых войнах. Сторонники этой концепции попытались даже историю Великой Отечественной рассматривать с точки зрения «заманивания и контрнаступления»... Эта концепция долго обсуждалась и примерялась к реальным событиям, но со смертью Сталина была отброшена, а затем и забыта.

В прошлом году состоялось решение о разработке нового, уже 10-томного издания под названием «История Великой Отечественной войны советского народа». Будем надеяться, что развернувшиеся дискуссии по важнейшим проблемам исторической науки, рассекречивание ранее запретных материалов в архивах и резкое увеличение публикаций о прошлом в периодической печати помогут вывести историческую науку из кризисного состояния.

— Так виноваты или нет сами историки в этом кризисе?

— Главную роль в фальсификации истории в период господства сталинизма и брежневщины играла та система руководства, которая господствовала в стране. Фальсификацию истории направляли и организовывали руководители этой системы — Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Суслов, Брежнев. Им, конечно, помогали и многие историки, превращенные системой в службистов или даже в лакеев.

Между тем при чтении некоторых нынешних публикаций в периодике создается впечатление, что якобы главными виновниками столь жалкого состояния нашей исторической науки являлись сами историки, которые якобы по своему произволу извращали события. Причем под обстрел попадают ведущие историки (например, академик А. Самсонов, профессор Ю. Афанасьев), которые встали на путь выкорчевывания сталинизма из нашей исторической науки.

— Самсонова обвиняют в том, что он неправомерно противопоставляет Жукова Сталину.

— Их и надо противопоставлять! Каждому свое. Сталину мы обязаны главным образом разгулом репрессий и гибелью миллионов людей, Жукову — руководством операциями, главными победами на фронтах Великой Отечественной войны.

Мне доводилось навещать Г. К. Жукова в Сосновке, интересоваться его мнением о сталинских репрессиях. Он сказал: «Я принадлежу к тем немногим военачальникам, которые не подвергались арестам, но угроза репрессий в течение полутора десятилетий висела и над моей головой».

После великой победы под Москвой авторитет и популярность Жукова резко возросли. Это, видимо, не устраивало Сталина. Возобновился подбор «компромата» на Жукова. Наиболее заметные звенья в этих действиях: арест в 1942 году начальника оперотдела Западного фронта генерал-майора В. С. Голушкевича; арест в 1945 году главного маршала авиации А. А. Новикова; арест 24 января 1948 года ближайшего соратника Жукова, генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина и других.

— Существует документ огромной нравственной силы — письмо К. Ф. Телегина Молотову из лагеря (ноябрь 1952 года). Это образец «бесцензурной» переписки — его вынес из лагеря, рискуя головой, и отправил по почте семье генерала его друг В. Кузнецов. Молотов на письмо не отреагировал. Письмо сохранил для потомков сын Телегина — полковник К. К. Телегин; вот выдержки:

В июне (1947 года) «**я уволен из армии за допущенную ошибку в награждении орденом т. Руслановой. А через неделю, 22 июня, я вместе с Жуковым Г. К. был вызван в ЦК КПСС, где за эту самую ошибку Жукову был объявлен выговор, а я был исключен из партии... Арестован 24 января 1948 г. без предъявления ордера и доставлен в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ. Здесь с меня сразу содрали мою одежду, часы и проч., одели в рваное, вонючее солдатское обмундирование, вырвали золотые коронки вместе с зубами... Оскорбляя и издеваясь, следователи и руководство МГБ требовали от меня показаний о «заговоре», якобы возглавлявшемся Жуковым Г. К., Серовым И. А. и мною, дав понять, что они также арестованы...**

26 февраля 1948 г. я был спешно переброшен из внутренней тюрьмы МГБ в Лефортовскую тюрьму и в тот же день ДВАЖДЫ был подвергнут чудовищному, зверскому избиению резиновыми дубинками следователями Соколовым и Самариным. Эти истязания продолжались ежедневно до 4 марта 1948 г. (восемь дней подряд: 1948 год — високосный.— Э. И.). **У меня вырваны были куски мяса (свидетельства этому у меня на теле)... Единственным моим желанием и просьбой к палачам было, чтобы они скорее убили меня, прекратили мои мучения.**

Я терял рассудок, я не мог выносить больше пыток. Палачи, истязая меня, садились мне на голову и ноги, избивали до невменяемости, а когда я терял сознание — обливали водой и снова били, потом за ноги волокли по каменному полу в карцер, били головой о стену, не давали лежать, сидеть я не мог, в течение полугода я мог только стоять на коленях у стены, прислонившись к ней головой. Меня морили голодом, мучили жаждой, постоянно не давали спать — как только я засыпал, мучители начинали все сначала. Я даже забыл, что у меня есть семья, забыл имена детей и жены... Следствие умышленно исказило и извратило смысл моих показаний, в результате чего получилось обвинение на лиц, которыми МГБ интересовалось... И только в сентябре 1951 г., наконец, мне дали подписать протокол, опровергавший часть обвинений (в частности анекдоты, якобы рассказывавшиеся в группе: Жуков, Серов, Телегин, высмеивавшие Вождя народов — Сталина И. В.)...

Еще за две недели до моего ареста, в мое отсутствие, органами МГБ, при личном участии министра Абакумова, было незаконно изъято и вывезено абсолютно все имущество нашей семьи и, видимо, тогда же разбазарено... Все, что было приобретено семьей за 30 лет ее существования, записали как «трофейное, награбленное» в Германии... Я потребовал приложить к делу имевшиеся в актах описи 44 счета и квитанции, но следствие ОТКАЗАЛО и, желая оставить это обвинение во что бы то ни стало в силе, УНИЧТОЖИЛО ИХ, оставив в деле только акт об уничтожении этих оправдывающих меня документов...

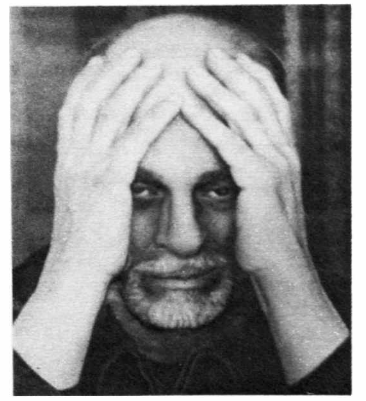
Вячеслав Михайлович!

Уничтоженный морально, искалеченный физически, я кричу об этой исключительной ошибке, несправедливости и беззаконии, допущенных МГБ, судом и прокуратурой... Я безгранично верю своему ЦК и Великому Вождю И. В. Сталину и с этого пути не сойду до конца жизни...»

— Вот в том-то и ужас, что даже такие стойкие и честные люди, как Константин Федорович Телегин (в июле 1953 года он был полностью реабилитирован, восстановлен в партии и в Вооруженных Силах), находясь в руках палачей, продолжали верить в Сталина, не понимая подоплеки событий.

Тем важнее задача историков — выправить все «вывихнутые суставы» истории, восстановить истинный, без изъятий, ход Отечественной войны, предвоенную и послевоенную обстановку в стране.

— Сталинщина извратила нравственные истоки нашей военной истории, разорвала единство политики и нравственности. Да, история бывала и безнравственной. Истина может быть восстановлена только на пути очищения, возврата к нравственным истокам.

Юрий ГРУНИН

Стихи Юрия Грунина нам передал поэт Дмитрий Сухарев. Это поэтический и человеческий документ, стихи выжившего узника концлагеря. Но даже если не знать судьбу автора, достоверность боли в его строчках не вызывает сомнения.

О чем подумалось после прочтения рукописи: стихи — уникальный способ сохранения человеческой личности даже в условиях нечеловеческих. И еще: радость от чтения настоящего художественного произведения и боль, заключенная в нем, могут составить одно сильное переживание.

После гитлеровских лагерей Грунин попал в сталинские.
В настоящее время живет в Джезказгане.

ПЛЕННЫЕ СТРОКИ

Стихи эти складывались в плену, а потом дорабатывались и обрастали новыми строками.

Желание довести до сегодняшнего читателя эти давние стихи вызвано не тем, чтобы напомнить о себе, а прежде всего тем, чтобы рассказать о фашистском лагере военнопленных в русской деревушке Малое Засово.

Малое Засово — это малый загон, один из многих загонов, где отправной точкой было обращение в рабство, а финишем — смерть.

Автор

ШИНЕЛЬ

Собачья жизнь. Собачий холод.
Конвой неистовствует: — Шнэлль!
Ты ветром весь продут, измолот.
Не согревает и шинель.

А ночью кто-нибудь от стужи
покинет молча белый свет.
И, холод тела обнаружив,
шинель его возьмет сосед.

Поэтому мы спим по парам —
ты друга обогреть сумей!
А коли что — не кто попало,
а друг твою возьмет шинель.

Возьмет — и на свою натянет.
Пусть неуклюже, — ничего!
И тем теплом тебя помянет
тепло дыханья твоего.

В твоей советской, в той суконной
пусть будет он душой сильней
и нет ему других законней,
чем эта русская шинель.

АКСАКАЛ

Тощая кляча тащилась с повозкою
и на пути
кучно рассыпала яблоки конские,
Бог ей прости!

К теплому калу прицелился зорко
с болью в глазах,
выбрал из яблок овсяные зерна
старый казах.

Может, не старый — просто от боли
он почернел:
каждый, кто в лагере,
высох в неволе,
окоченел...

Выбрал, в ладони зажал осторожно
конский овес.
Я и не ведал, что это — возможно.
Вот — довелось.

Кто ухмыльнуться над этим
посмеет,
плюнь ему вслед.
Сытый голодного не разумеет.
Сытых здесь нет.

Капо *? Да пусть он жратвою
подавится,
подлый шакал!
Брат мой по голоду, будь в моей
памяти,
мой аксакал!

НОГИ

Пленные выходят на работу.
Холуи осматривают нары.
По утрам на нарах оставаться
разрешают только мертвецам.

Мертвеца обычно раздевают,
а потом бросают на носилки,
на него бросают две лопаты
и кричат, чтоб вышел конвоир.

И шесть ног шагают по дороге —
голый труп закапывать в траншее:
в сапогах советских — двое капо,
в сапогах немецких — оккупант.

Так вот это было и сегодня —
прибыла процессия на место.
Сбросили с носилок две лопаты,
сбросили в траншею мертвеца.

Но мертвец ударился неловко —
вдруг зашевелился, повернулся,
тех троих чуть отступить
заставил:
он открыл глаза и застонал.

Ноги у траншеи потоптались,
две из них расставились пошире,
и в глаза ему ударил выстрел,
чтобы он их зря не открывал.

Ноги нажимали на лопаты.
Ноги затоптали сигареты,
пятками о пятки постучали,
чтобы глину сбросить с каблуков.

А потом — обратно по дороге,
захватив носилки и лопаты.
В сапогах советских — двое капо,
в сапогах немецких — оккупант.

ПАРАД ПРЕДАТЕЛЕЙ

Вот стоит отдельный ряд
самых пакостных:
комендант, как на парад,
вывел капо всех.

Первый — мятый, точно жесть,
раскоряченный.
— Нумер эрстэ, кто ты есть?
— Раскулаченный!

Рядом — липкий, словно лесть,
верной псиною.
— Нумер цвайтэ, кто ты есть?
— Репрессированный!

Третий — как к награде здесь
вдруг представленный.
— Нумер дриттэ, кто ты есть?
— Против Сталина!..

Коменданта в самый раз
одурачили.
Где, когда, кого из вас
раскулачили?

Вы гуляли по стране,—
псы спесивые,
никогда таких вот не
репрессировали!

Вы, сравнимые с дерьмом,
против Сталина?
Вы же нас в тридцать седьмом
к стенке ставили!

Нынче страх вам глушит речь,
сводит скулы.
Вам важней всего сберечь
ваши шкуры.

Вот у Гитлера сейчас
на поденке.
Только ждут потемки вас.
Вы — подонки.

Нам бы вас в последний марш
так вот выстроить!
Нам бы в вас, лек михь ам арш *,
залпом выстрелить...

ГИППОКРАТ

Серое небо. Тропка сырая.
Я прозябаю возле сарая.
Все безразлично — голоден,
сыт ли.
Чирьи, как черви, тело усыпали.

Двадцатилетним, немощно старым
я продвигаюсь за санитаром.
Лекарь из пленных.
Вроде б не сволочь.
Кто я ему? Доходяга всего лишь!

Серый сарай — это рай санитара.
Печка из бочки. Люди на нарах.
А поначалу и не освоишь,
кто еще жив тут, кто неживой уж.

Списывать мертвых —
явно накладно:
по поголовью — с кухни баланда.
— Вот и держу их —
надо пытаться,
чтобы живым за мертвых
питаться.

Русская сметка в стане
проклятом.
А милосердие — честь Гиппократа.
— Что же, на койку! Как бы —
по коням!
Вот и тебя тут малость
покормим!..

Мою посуду, тряпки стираю,
пол подметаю в старом сарае,
сплю до рассвета — с мертвыми
рядом.
Жизнь моя мне продлена
Гиппократом.

СЛОВО

В памяти стихи накопились.
Мне бы карандаш да тетрадку,
чтоб стихи запрятать в бутылку
да зарыть их в матушку-землю.

Там, в земле, стихи перебродят,
как вино в закрытом сосуде.
Ведь вино тем крепче, чем старше.
И стихи чем старше, тем крепче.

Может, парень с плугом
на пашне
лемехом зацепит бутылку,
выпустит все строки из плена,
чтоб они летели на волю.

Может, прорастет мое слово
на бумажный лист типографский,
отчеканит шепот беззвучный,
чтобы он звучал в полный голос.

Ничего я в жизни не сделал —
мне во всем война помешала.
Все мое, что есть на сегодня,—
только эти пленные строки.

---

* Капо *(фр.)* — надзиратель.

* Немецкое ругательство.

Гавриил ПОПОВ,
доктор экономических наук

ДОВОЛЬНО ПР

Премьера «Мудреца» на сцене Театра имени Ленинского комсомола

Примечательна судьба этой пьесы. Всякий раз, когда Россия оказывалась в ситуации реформ: всякий раз, когда сталкивались три основные силы преобразований — консерваторы, либералы-прогрессисты и демократы; всякий раз, когда капитанский мостик и руль реформ удавалось «уберечь» от демократических сил,— герои комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты» становились современниками сидящих в зале, вне зависимости от года, в каком писали пьесу. В чем тут дело?

Комедию А. Н. Островский написал в 1868 году. Пьесы, посвященные фундаментальным проблемам общества, русская драматургия часто могла довести до сцены только в виде «комедий» — так поступали Грибоедов и Гоголь, так сделал и Островский. Но комедийность у Островского — это не только способ доведения до публики результатов глубокого анализа. Комедией — по мнению А. Н. Островского — к 1868 году стала сама эпоха реформ, начатая отменой крепостного права в 1861 году и продолженная политическими преобразованиями (введение суда присяжных, введение выборного земского самоуправления, коренные изменения в армии).

Эти реформы завершились. Главной их идеей был поиск такого варианта перехода от феодализма к новому строю, при котором абсолютизм обязательно останется единственной и главной руководящей силой общества. То, что можно было сделать в рамках этой концепции реформ, было сделано. На большее царизм пойти не мог — иначе возник бы вопрос о сохранении самой монархии.

Основные классы тогдашнего общества приняли — по разным причинам — этот вариант преобразований. Даже в среде интеллигенции возникли призывы начать созидательно работать над решением конкретных проблем, не тратя время на поиск иного подхода к реформе в целом.

Но неудовлетворенная победившим вариантом преобразований, подавленная пассивным отношением народа к стремлению найти более радикальные решения часть разночинной интеллигенции в отчаянии встала на путь террора: началом его был выстрел Дмитрия Каракозова в царя в 1866 году. С этого времени пути тех, кто осуществлял реформы сверху, и пути сторонников радикального варианта преобразований окончательно разошлись. И именно это переломное время отражено в пьесе Островского.

Критики не раз подмечали при анализе пьес Островского его поразительную способность вскрывать наболевшие проблемы русской жизни. Драматург полностью подтвердил эту свою способность и в пьесе «На всякого мудреца...». В центре пьесы — переход одного из участников демократического лагеря, потерявшего веру в избранный ранее путь, в среду консерваторов и либералов, полностью взявших в свои руки дело преобразований.

Когда я услышал, что Марк Захаров обратился к этой пьесе Островского, у меня возникло желание узнать, считает ли один из наших лучших режиссеров, что уже есть основания оценивать наше время в категориях пьесы Островского? Или он увидел в ней какой-то иной ракурс? Подзаголовок «сценическая фантазия на тему комедии А. Н. Островского» и даже изменение заглавия пьесы на «Мудрец» позволяли это предполагать.

Я отправился на спектакль и ответ получил. Прежде всего это не та фантазия театра, при которой из пьесы делается нечто, пусть и очень ценное, но чуждое автору. Перед нами подлинно Островский. Но это одновременно и фантазия, так как перед нами тот Островский, которого увидел Марк Захаров,— активный участник нашей перестройки на пятом году ее развития.

Концепция. Под общий смех зала со сцены звучат слова о том, что «и мы не знаем, куда идем, и те, которые нас ведут, тоже не знают». Аплодировали все, и я тоже.

На самом деле пьеса Островского исходит из того, что никакой неопределенности в деле реформ уже не осталось. В самом главном — идти ли демократическим путем преобразований, или аппаратно-бюрократическим — выбор сделан. Дискуссии о том, что делать и чего не делать, несущественны с точки зрения Островского.

Заслуга постановки Театра имени Ленинского комсомола и состоит в том, что он сумел показать эту определенность. Герои пьесы точно знают, чего они хотят. Между ними грызня: Крутицкий хочет «ударить» либералов, Городулин хочет «ударить» старичье... Но это — по большому счету — уже комедия. И более чем символичен заключительный общий круглый стол, за которым сидят вместе все эти умеренные и либеральные творцы преобразований.

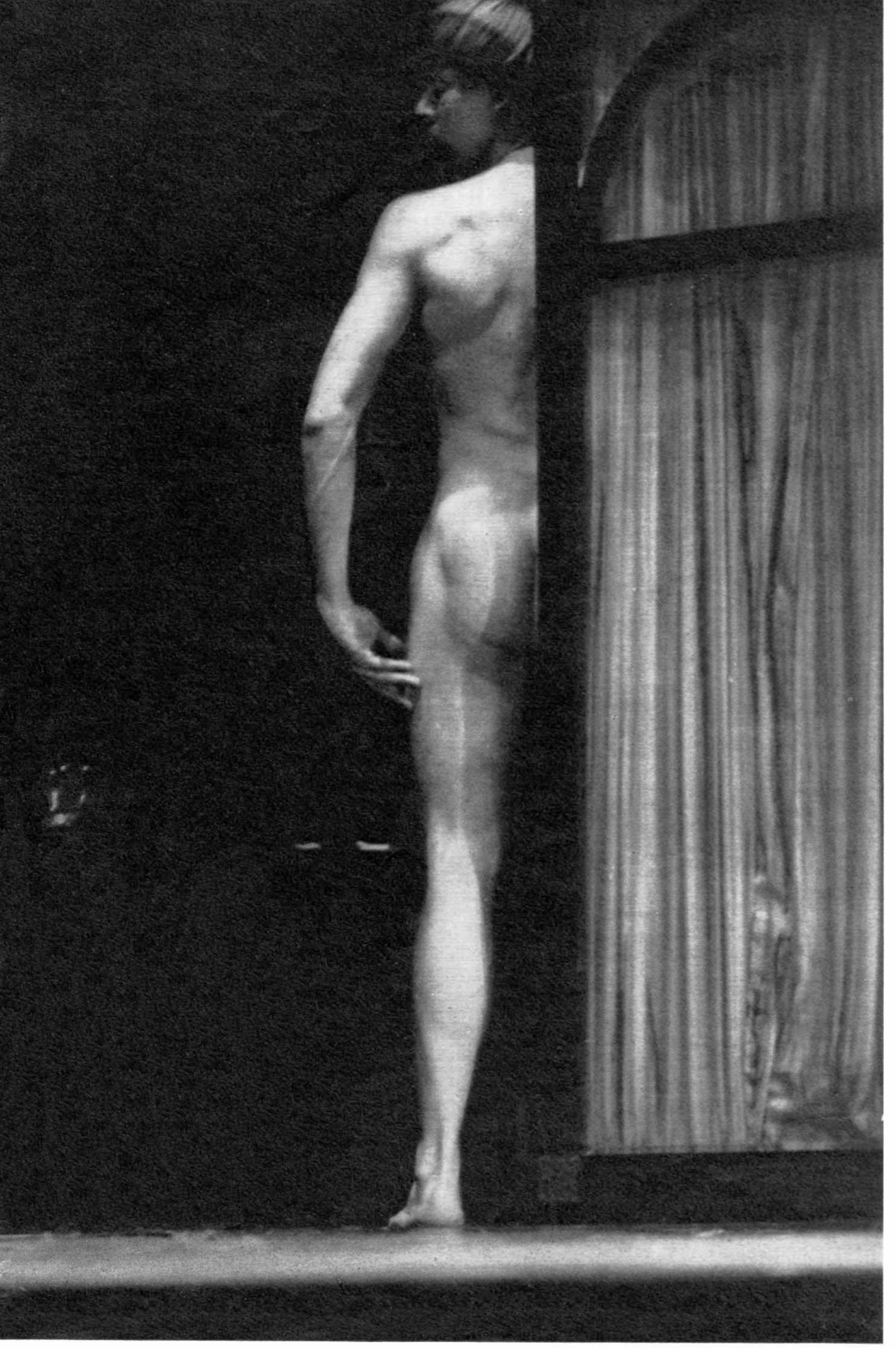
Демократы. Они в пьесе Островского появиться по-настоящему даже при тогдашней «либерализации» не могли. Но Захарову удалось проявить их в пьесе максимально. Приход «подпольщиков» к Глумову и весь их вид говорят сами за себя: ничего серьезного они не представляют. Блестяще поставлена сцена, где постоянно из рук одного из «подпольщиков» падает припрятанный в картонный футляр лом. Даже оружия держать в руках они не умеют. Падающий лом — прямая ассоциация с Каракозовым.

Консерваторы. Благодаря прежде всего исполнению Л. Броневым роли Крутицкого, генерал стал одним из центральных персонажей пьесы. Консерваторы, по Захарову,— вовсе не дряхлые старики, немощные и смешные. Нет, генерал активен, четок.

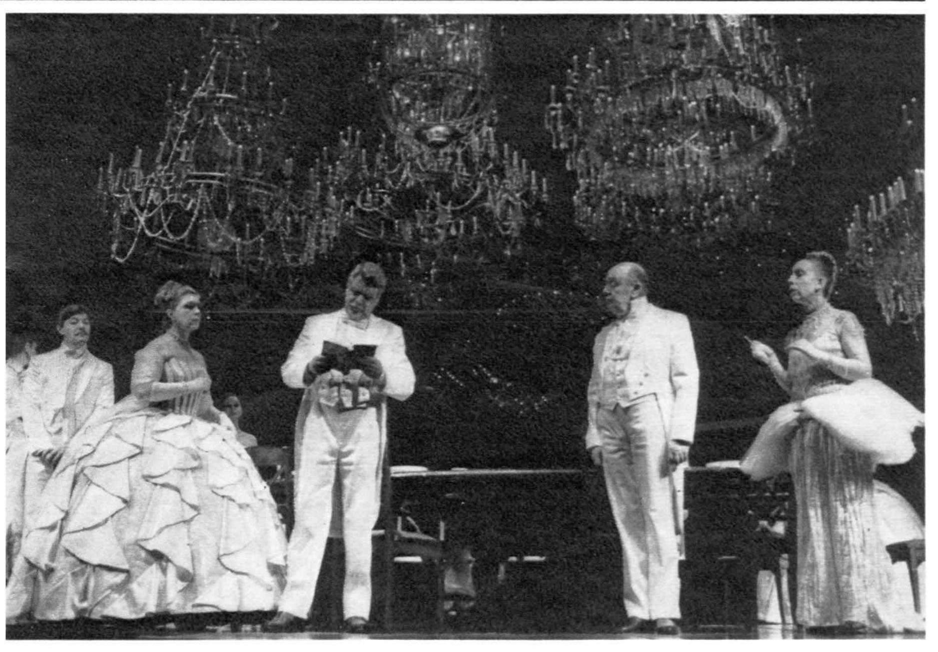
Мне можно возразить: а ведь у самого Островского много бутафорского в изображении Крутицкого. Но это взгляд 1868 года! Захаров использовал для своей «фантазии» весь исторический опыт реформ 1861 года. Поэтому появляется «захаровское» толкование

ОСТОТЫ!

Крутицкого и всего консервативного лагеря.

Ключевое значение имеет реплика Крутицкого: «Я же не против всяких реформ». Можно легко представить комическое истолкование этого заявления. Не раз в постановках пьесы именно так оно и звучало. Захаров и Броневой вскрыли иной его смысл. Крутицкий не против реформ «вообще». Он — за реформы, за преобразования, но только за свои, за те, которые его устраивают, сохраняют у власти его и ему подобных. Вышколены и готовы к действиям его подчиненные, подготовлены и идут «в народ» его провокаторы и стукачи. И в этом подходе к реформам гораздо больше опасности, чем было бы в прямом им сопротивлении, к которому его толкает Глумов.

С сомневающимся видом, не окончательно уступая, принимает Броневой версию глумовского названия своего трактата. Сцена очень логична для всей постановки Захарова. Глумов в 1868 году мог оглуплять Крутицкого. Но мы, зная финал реформ 1861 года, не имеем на это никакого права.

Показ реальной мощи и опасности консервативных сил — «фантазия» Захарова. Но это уже то, что, по мнению Захарова, обязаны видеть в пьесе Островского мы.

Либералы. Либералы в «фантазии» Марка Захарова тоже даны на основе исторического опыта. Они гораздо менее говорливы и «потешны», чем это может следовать из пьесы Островского. Захаров не упускает слов Городулина: «Дельцы у нас есть». И далеко не случаен выезжающий на сцену паровоз. Ведь за какой-то десяток лет бесконечные просторы России были покрыты сетью железных дорог. И игра Городулина в теннис тоже не случайна. Действительно, в стране начиналась новая эпоха во всем, от паровозов до тенниса. Трактовка либералов Захаровым как силы, способной не только говорить, но и созидать, точна.

Разрешимы ли проблемы? Если верно, что нельзя недооценивать ни консерваторов, ни либералов, то верно и другое.

Проводимый ими вариант отмены крепостного права главных проблем России не решил. Их решали три русские революции.

И одна из блестящих сцен в спектакле — попытка какого-то изобретателя полететь на сконструированных им крыльях. Гибель изобретателя символична. Обманулись надежды на то, что для России пришла эпоха летать. Не дано русским талантам летать при власти Крутицких и Городулиных. Паровоз — удается, а подлинный взлет — цель нереальная.

Я думаю, сам Островский не видел будущего ни за Крутицкими и Мамаевыми, ни за Городулиными. Но его подход не объясняет нам, почему реформы 1861 года, даже совершенные сверху и руками бюрократического аппарата, тем не менее гигантски ускорили развитие России. Интерпретация Захарова соответствует истории. Нет, не случайна реплика Городулина о том, что «дельцов у нас хватает». Так же как и реплика Крутицкого, что он не стоит на платформе «вреда реформ вообще». Крутицкие и Мамаевы проявили и настойчивость, и умение, и гибкость в преобразовании страны. Бездумная уверенность в полной их несостоятельности может привести демократические силы к серьезным ошибкам и самой опасной из них — отрыву от масс.

Мудрец. Проблема ума и мудрости — одна из главных в пьесе. И консерваторам, и либералам нужна мудрость. Все они требуют помощи, предложений, статей, «пера».

На первый взгляд это именно спрос на идеи, на предложения. Но это спрос специфический. Оказывается, что идеи есть и у самого Крутицкого. Ему нужны не идеи, а их оформление, точнее сказать, хорошее представление публике.

Тут нужна не мудрость вообще и не ум вообще. Тут нужно творчество особого рода — по заданию, в рамках целевой установки, агитация уже предопределенных выводов.

А либеральный Городулин? У него потребность в «уме» — совершенно аналогичная. Городулин тоже знает, что ему нужно. Ему нужна помощь в реализации идей, помощь в эффективных ударах по консерваторам в борьбе за руководство реформами.

Когда я слышу упреки в адрес экономистов: мол, нет от них предложений, не помогают, не участвуют, только критикуют,— я вспоминаю пьесу Островского. Ибо за призывами «вносить предложения» и «выдвигать идеи» стоит тот самый подход, который так блестяще выписан у Островского. Помогайте нам, но с условием сохранения нас на наших постах, а вас — лишь в роли советников, ждущих в наших приемных, только в рамках приемлемого для нас варианта развития. Ищут не идеи как таковые, ищут подручных для оформления идей.

Вот каков «спрос» на Глумова. Базисные решения уже приняты, теперь надо вести дела, и способный к писанию текстов человек при такой ситуации нужен всем. Глумову первоначально безразлично, кому служить — либералам или консерваторам. Он и принимает решение о двойной игре. Для карьеры и денег он будет играть по одним правилам, а «для души», для очистки совести будет вести свой тайный дневник.

Но на таком пути есть только одна логика. Ее когда-то прекрасно выразил Фазиль Искандер: если долго смеяться про себя, то можно и задохнуться. За попытку жизни в чужой среде, за раздвоение Глумов платит утратой... мудрости. В нем появляется... простота. И если бы этой его новой среде была нужна подлинная мудрость, то разоблачение Глумова было бы его концом. Но все дело в том, что Крутицким и Городулиным не нужна подлинная мудрость. Им нужна именно мудрость исполнителя. Они поняли: дневник — это только отзвуки прогремевшей грозы, а в принципе он уже созрел для службы в качестве того «мудреца», который нужен новому этапу реформ.

Путь в общество консерваторов и либералов можно купить только потерей подлинной мудрости. Ум, поставленный на службу аппаратного варианта реформ, всегда рано или поздно будет тускнеть. И любой мудрец не избегнет «простоты».

Вот почему я думаю, что название пьесы далеко не случайно — как и название комедии «Горе от ума». В среде бюрократии ум несет его обладателю или «горе», или «простоту». У Грибоедова — горе от ума. А у Островского — горе ума, поставившего себя на службу делу, не требующему подлинной мудрости.

В постановке нет упрощения ситуации. С одной стороны, у Глумова — подпольное сочинение острых эпиграмм, практическая бесполезность которых ясна людям с подлинным умом. А с другой — «вписывание» в среду бюрократов с очевидной перспективой поглупения. И мечется, срывая с себя одежду, обнажаясь в буквальном смысле слова, Глумов...

И в этой фантазии Захарова, в этом голом Глумове, поставленном жизнью к стене,— еще один урок для всех нас. Если мы допустим разгром демократического варианта перестройки,— перспектива для каждого умного человека будет именно такой, и никакой другой.

...Уходя со спектакля, я уже не сомневался в ответе на вопрос: почему Марк Захаров поставил пьесу Островского сегодня — мы должны сделать в нашей перестройке все, чтобы проблематика пьесы не стала бы, как во времена Островского, фактом реальности, а осталась бы для нас лишь «сценической фантазией».

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Дина РУБИНА

Ноги у Любки гладкие были, выразительные, и на вид неутомимые, хотя на каждой стопе вдоль пальцев синела наколка «Они устали...». Надо же — щеки впалые, плечи костистые, живот к спине примерз, а ноги — даже странно — что там твоя Психея!

— Одевайтесь, пожалуйста,— сказала Ирина Михайловна и, глядя, как торопливо и зябко путается девушка в лямках рубашки, размышляла.

Надрывная татуировка Ирину Михайловну не смутила. Она второй год сидела в заводской медкомиссии, навидалась за это время всякого, понимала, что детство и юность у человека не всегда протекают на стриженых газонах. Любка держалась скромно, глядела порядочно, пальцы ног стыдливо поджимала.

Ирина Михайловна дождалась, пока она оденется, бестолково выворачивая туда-сюда рукава куцей зеленой кофты, и позвала ее в коридор.

— Послушайте... Люба...— Она заглянула в лицо девушки.— Вы не представляете, какой это тяжелый хлеб — труд обдирщиц. Через месяц вы рук своих не узнаете, сплошные будут рубцы и ожоги...

Любка настороженно помалкивала, соображая, какого рожна заботливой докторше надо.

— Не пойдете ли няней ко мне? У меня ребенок, восемь месяцев. Сидеть некому, положение тяжелое... А я... я вам шестьдесят рублей буду платить.

Похожа была докторша на воспитанную девочку из ученой семьи. Некрасивая, веснушчатая. Нос не то чтобы очень велик, но как-то вперед выскакивает: «Я, я, сначала я!» Губы мягкие, пухлые, глаза перед всеми виноватые. На кармашке белейшего халата уютно вышито синей шелковой ниткой: «И. М. З.».

Любка собрала лоб гармошкой и сказала:

— Прикину. Адресок пишите...

* * *

Две-три улочки двухэтажных домов вокруг базарной площади, почтамт, пять магазинов в дощатых будках да несколько десятков бараков — этот городишко лепился к металлургическому комбинату и был его порождением. И небольшая санчасть, куда по распределению после института попала Ирина Михайловна, тоже относилась к комбинату.

Стоял сентябрь пятьдесят первого, жесткие душные ветры летучим песком продраивали насквозь каждый переулочек.

Собственно, распределиться после института можно было удачнее, следовало только вовремя взять справку о беременности. Но мама — а она была человеком мужественным и властным — сказала своей бездумной дочери: «Как ты не понимаешь, Ирина! Сейчас захолустье для нас — спасение... Ничего. Подхвати живот, поедем».

После ареста отца маму уволили из госпиталя, жили они на Ирину стипендию, поэтому будущая Ирина зарплата представлялась поводом к дальнейшему существованию.

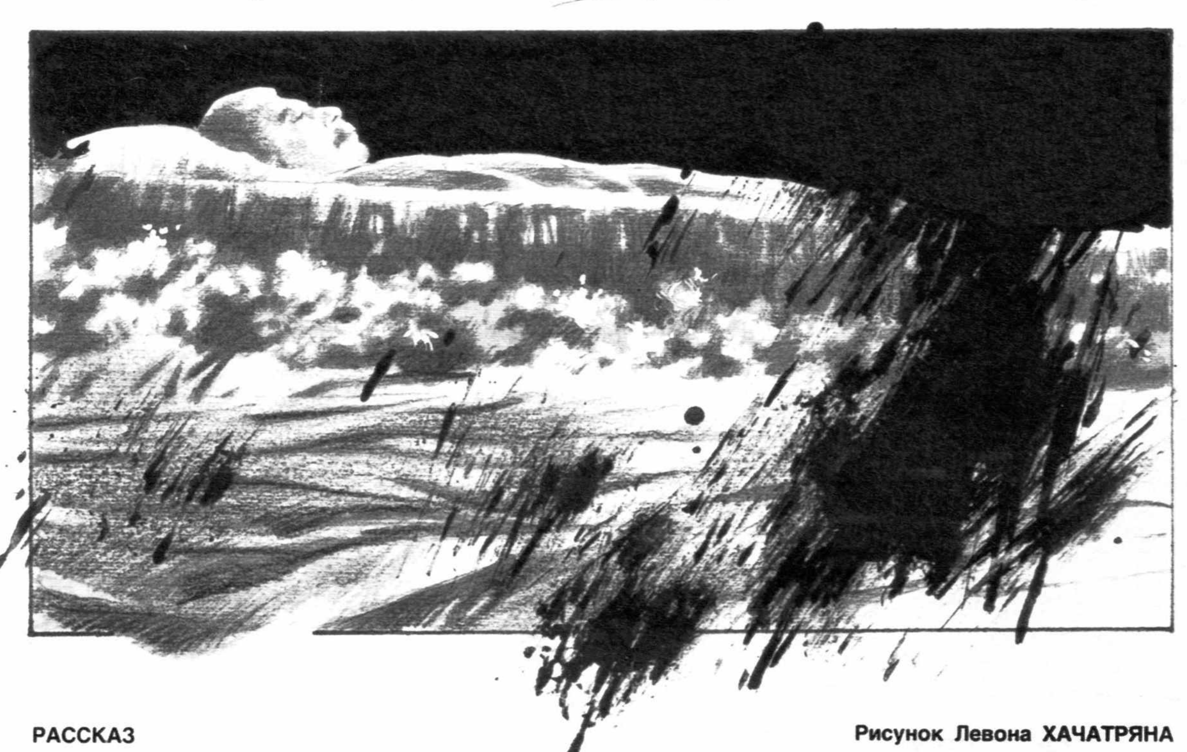
Так что подхватили живот и прибыли «по месту распределения». В кирпичном одноэтажном доме им дали комнату — приличная комната, метров двенадцать, в квартире с одной соседкой, и кухня большая, даже ванная с титаном есть. Чего еще! Все прекрасно, все прекрасно... Ирина Михайловна проработала три месяца и ушла в декрет. Сонечка родилась в той же санчасти. А что, да почему, да от кого — это никого не касается. Глубоко личное дело...

Главное, с мамой ничего не было страшно, она умела все — перелицевать пальто, торговаться на базаре, сварить из пустяка борщ, нашить пеленок из рваного пододеяльника — вероятно, для этого в свое время она окончила Сорбонну. Словом, Ирина Михайловна выросла в уверенности, что крепкий человек мама не подкачает.

Но мама подкачала. Она умерла в одно мгновение: стояла у окна с пятимесячной Сонечкой на руках, вдруг сказала спокойно: «Что-то нехорошо мне, Ира, дай-ка воды»,— успела опустить ребенка в коляску и — у мамы никогда ничего не болело! — упала навзничь.

Когда, расплескивая воду, Ирина Михайловна прибежала со стаканом из кухни, мама лежала на полу и уже не дышала. Дипломированный врач, Ирина Михайловна долго ползала вокруг мамы, как медвежонок вокруг убитой медведицы, оглашая квартиру воем, пытаясь делать искусственное дыхание, не понимая, почему у мамы нет пульса и вообще ничего нет.

Так что вот какое дело... После похорон на песчаном полупустом кладбище (мама! Где Сорбонна, где отец, где отныне твоя могила...) — после похорон оцепеневшей Ирине Михайловне надо было решать что-то с Сонечкой. Были, были ясли от комбината, да черт бы их побрал, эти ясли. Ребенка жалко.

РАССКАЗ

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

ЛЮБКА

Тут предложила услуги соседка Кондакова. Она работала телефонисткой на почтамте, дежурила через двое суток на третьи и готова была посидеть с ребенком. Недешево, конечно, за бесплатно дураки сидят. Но выхода не было. В дни дежурств Кондаковой Ирина Михайловна приносила Сонечку в санчасть, и та ползала в ординаторской сама по себе, заползала в углы, доверчиво оставляя там лужи.

Нет, с Сонечкой надо было что-то решать. Да и по хозяйству ничего не успевала Ирина Михайловна. В доме стало запущено, под шкафом пыль каталась. Мама, мама...

Словом, необходим был человек в доме. Где, спрашивается, в этом городишке взять человека?

Из года в год комбинат заглатывал, перемалывал, переваривал сотни заключенных из близрасположенного лагеря, пленных японцев, ну и, конечно, вольнонаемных рабочих.

Любка была вольнонаемной...

* * *

Вечером она явилась все в той же линялой кофте — ни чемодана, ни узелка. От нее веяло гордой бездомностью. Привалилась плечом к стенке в коридоре и сказала:

— Я сегодня к ребенку не подойду. Здесь, в прихожей, лягу. Киньте какое старое одеяло на пол.

Недоумевающая Ирина Михайловна подчинилась. Как выяснилось в дальнейшем, Любка умела распределять интонацию во фразе так, что это исключало вопросы и уточнения. И жест еще делала рукой, легкий, отсылающий, мол, а слов не надо...

Наутро, в воскресенье, Любка поднялась рано, потребовала керосину и часа три, запершись в ванной, мылась.

— Вшей выводит,— злорадно догадалась Кондакова. Уплывали от нее нянькины денежки. Она стояла у своего примуса, бодро помешивая ложкой кисель, и ждала событий. Кондакова была невеста среднепожилого возраста, с круглыми глазками цвета молочного тумана, с выщипанными, как куриная гузка, надбровьями.

Наконец, Любка вышла, голая и парная, спросила чистую одежду и, пока Ирина Михайловна копалась в шкафу, подбирая что-нибудь из своего скудного гардероба, Любка, обмотанная полотенцем, непринужденно тетешкалась на кухне с Сонечкой. Кондакова делала вид, будто мешает в кастрюле кисель, и косилась на Любкины босые, мраморной красоты ноги, пытаясь прочесть наколку. Прочесть было нелегко, и Кондакова щурилась и клонилась к полу. Когда от любопытства она совсем загнулась коромыслом, Любка вдруг подняла ногу и ткнула ступню к лицу Кондаковой.

— На. Читай, близорукая,— предложила она многообещающим голосом. Кондакова подхватила кастрюлю и унеслась в свою комнату, где скрывалась до вечера.

А Любка облачилась в мятое клетчатое платье, сшитое когда-то лучшей ташкентской портнихой для выпускного бала, и долго возилась у печки, не без удовольствия ворочая кочергой в огне топки поживившую зеленую кофту.

* * *

Она сразу взвалила на себя всю работу по дому. Скребла, стирала, кипятила, варила, возилась с малышкой самозабвенно. Ирина Михайловна переживала, пыталась придержать ее. Куда там! Когда Ирина Михайловна возвращалась из санчасти, дом оказывался прибранным, обед приготовлен и укрыт старым маминым платком, ребенок накормлен и угомонен. Всего за два-три дня жизнь Ирины Михайловны задышала теплым, ухоженным бытом.

Недели через две, прихватив Любкин паспорт, она пошла в отделение милиции прописывать домработницу.

Майор Степан Семеныч как в паспорт глянул, так откинулся в кресло и даже не сразу говорить начал, только тряс перед Ириной Михайловной раскрытым Любкиным паспортом.

— Ирина Михайловна! Что вы делаете?! — наконец, крикнул майор.— Она же главарь банды, эта Любка, недавно срок отбыла! — И бросил паспорт на стол.— А если она вас обворует?!

Ирина Михайловна села, повертела в руках Любкин, вполне обычный на вид, паспорт. Девчоночьим жестом оправив юбку на коленях, Ирина Михайловна деликатно, пальчиком подвинула Любкин паспорт к майору и сказала виновато:

— Ну, обворует — я к вам приду...

Дома, в коридоре Ирина Михайловна разделась, на цыпочках прокралась к своей двери и приоткрыла ее. В комнате пели, тихо, заунывно. Любка сидела в темноте, спиною к двери и мерно колыхала коляску. Узкий луч света из коридора полоснул ее меж лопаток и упал к ногам. Коляска кряхтела, потрескивала — кузов ее сплел из ивовых прутьев пленный японец Такэтори, которого Ирина Михайловна выходила после перитонита. Коляска поскрипывала, и Любка влажным горловым звуком тянула странную колыбельную, приноравливая ее ритм к этому шороху и скрипу:

Чужой дя-а-дька обеща-ал
Моей ма-а-ме матерья-ал,
Он обма-а-нет мать твою-у,
Баю-ба-а-юшки, баю-у...

Ирина Михайловна прикрыла дверь и почему-то все на цыпочках пошла в кухню. Там за своим столом сидела Кондакова и понуро тянула чай из пиалы вприкуску с желтым узбекским сахаром.

— Совсем меня с кухни потеснила! — пожаловалась она Ирине Михайловне.— Целый день жарит-парит, ресторанное меню готовит... Бандитка!

Ирина Михайловна устало подумала, что Кондакова, пожалуй, никогда еще не была так близка к истине. Раскутала кастрюлю, сняла крышку и замерла, блаженно вдыхая аромат горячего горохового супа.

* * *

Словом не обмолвились ни та, ни другая. Будто Любкина биография началась в кабинете медкомиссии. Хотя на человека, скрывающего свое прошлое, Любка похожа не была.

— Вы, Ринмихална, денег в шкафу, в белье, не держите,— посоветовала однажды.— Нельзя так простодушно жить.

Ирина Михайловна растерялась, вспыхнула, возмутилась: неужели Любка в шкафу рылась?

— Я не рылась,— добавила Любка, словно услышав ее мысли.— Заметила, когда вы Кондаковой одалживали... А шкаф, да еще в белье,— первое для домушника место. С него начинают.

— Да какие у меня деньги, Люба!

— Тем более,— возразила та строго.

* * *

Незаметно выяснилось, что в жизни Любка разбирается не в пример лучше Ирины Михайловны и уж гораздо толковее обращается с деньгами. Само собой получилось, что на рынок выгодней посылать Любку.

Как-то прибежала, запыхавшись, бросила в коридоре кошелку с картошкой.

— Ринмихална! Гоните-ка восемьдесят рублей! Там старуха два стула продает! Сдохнуть можно! Графские! Ножки гнутые, лакированные!

— Люба, у нас же до зарплаты всего сотня осталась...

— Не жмитесь, выкрутимся!

...А стулья и вправду оказались чудом из прошлой, дореволюционной еще жизни — с нежной шелковой обивкой, по лиловому полю кремовые цветочки завиваются, осколок какого-нибудь гамбсовского гарнитура, неведомо какою судьбой занесенный в захолустье азиатского городка.

За вечер Любка сшила на них чехлы, протирала каждый день особой тряпкой изящные гнутые ножки и называла стулья не иначе как «мебель» («Какая мебель! — с нежностью.— Даром, даром..!»)

Аванс и получку Ирина Михайловна отдавала теперь Любке с огромным облегчением, как раньше — маме. Не надо было рассчитывать и раскладывать по полочкам, а потом, как бывало, тянуть последнюю тридцатку. Рассчитывала теперь Любка. И увлеченно — присядет на краешек стула, разбросает перед собою веером на столе небогатую получку Ирины Михайловны и, сосредоточенно шепча, долго передвигает туда-сюда бумажки, словно пасьянс раскладывает. И обязательно выгадает, спрячет десятку-другую в толстенный том «Гинекология и акушерство», а в конце месяца торжественно выложит перед Ириной Михайловной:

— Занавески покупаем.

— Люба, может, лучше боты?

— Боты в другой раз. Сейчас занавески. Живем, как голые, у всех на виду.

С пальто выдающийся случай был. Поскольку явилась Любка к Ирине Михайловне буквально в чем мать родила, а ростом и комплекцией они не очень различались, многое из вещей Ирины Михайловны перешло к Любке. Возникли бреши в гардеробе. Кое-что, конечно, можно было надевать по очереди, но надвигались холода, шел октябрь, и, например, без пальто, пусть демисезонного, никак не получалось выкрутиться.

Месяца два Любка вкладывала в «Гинекологию и акушерство» сэкономленные бумажки, томительно ожидала зарплату Ирины Михайловны... Наконец, сухо объявила, что пальто, пожалуй, можно подыскивать. Тут и всплыла Кондакова со своею нутриевой шубой. Ирина Михайловна померила, погляделась в длинное зеркало кондаковского шифоньера, долго размышлять ей показалось неловким, и решила покупать. Но в тот момент, когда она уже и деньги отсчитывать собралась, грянула Любка, вернувшаяся из очередного похода на воскресный базар.

— Люба, вот шубу у Екатерины Федоровны покупаем,— сообщила Ирина Михайловна,— совсем недорого.

Свалив в коридоре кошелки, Любка отерла руки и твердо вошла к Кондаковой. Молча стянула с плеч Ирины Михайловны шубу, раскинула на руках, пощупала, дунула на мех.

— А вы, Ирина Михайловна, всегда теперь у домработницы спрашиваетесь позволения на покупки? — едко осведомилась Кондакова.

Любка вдруг ухватила горстью мех, рванула несильно — и оказалась у нее под пальцами проплешина в шубе, а на пол полетели длинные волоски.

Кондакова скандально взвизгнула и кинулась на Любку. Но та как-то ненарочно и слегка выставила локоть, и Кондакова, напоровшись на него, крякнула и осела на кровать. Любка и краем глаза на нее не взглянула.

— Ну, что ж вы, Ринмихална, как ребенок, в самом деле! — проговорила она, и досада слышалась в ее голосе, и жалость, и странная какая-то ласка.— Любая сволота вас облапошит... Шуба эта была когда-то шубой, не спорю... А сейчас в ней только чертовы поминки справлять или вон обед греть...

Она вздохнула, скинула шубу на голову опавшей Кондаковой и вышла из комнаты.

— Значит, так,— сказала она, легким движением вытягивая из руки Ирины Михайловны тощую стопку сотенных.— Обед под платком. Там голубцы и борщ.

...Вернулась она поздно, полководцем вернулась, одержавшим блестящую победу, усталым полководцем, увешанным трофеями.

— Ну вот, — проговорила Любка удовлетворенно, развязывая узел на тюке из цветастой линялой тряпки.— Это не шуба, конечно, но вещь приличная.— И вытянула темно-синее драповое с голубой атласной подкладкой, с масляннисто переливающимся цигейковым воротником пальто.— Совсем новое. Примерьте.

Ирина Михайловна всплеснула руками, накинула пальто поверх халатика, оскальзываясь пальцами, застегнула пуговицы. Пальто сидело, как родное, как давняя, на твоих плечах обношенная вещь. Любка ползала на корточках, обдергивая подол.

Ирина Михайловна оглядела подол, рукава... Магазинной бирки не было видно... Вдруг страшная мысль поразила ее.

— Люба! — воскликнула она, в ужасе округлив глаза.— Откуда?!

Любка холодновато взглянула на нее снизу, усмехнулась горькой такой усмешечкой.

— Да что это вы, Ирина Михайловна! Чтоб я в ваш дом легавых притащила?! Да век мне!..— и осеклась вдруг, успокоилась.— Не бойтесь, носите. Это честное пальто... Тут к одному зеку жена из Ленинграда приехала, у тетки Раи комнату сняла... Она приехала, а он уже доходит... ну, она давай все с себя снимать. Кольцо продала, сережки, пальто вот... Я не торговалась, до копейки отдала...— и встрепенулась: — Но оно и стоит! Вон овчина какая... играет-то!..

* * *

Осень прошла тихо, незаметно. Любка по-прежнему была грозно-справедлива в стычках с Кондаковой. За осень Любка отогрелась, подкормилась, расправила плечи, налившиеся бархатным теплом; выяснилось, что овал лица у Любки от природы округлый, подбородок крутой, губы насмешливые. Выяснилось, что Любка, в сущности, совсем молоденькая девушка. И, пожалуй, лишь трезвый до жестокости взгляд серых глаз не позволял заподозрить в Любке идиллических намерений.

Осенью пошла девочка, отцепив пальчики от ивовых прутьев коляски, поковыляла на круглых ногах, тихо радуясь своему открытию. Осенью она и заговорила.

— Па-адла,— выпевая гласные, сообщила она как-то вечером изумленной матери.

— Правда, золотой мой,— энергично отозвалась Любка,— падла Кондакова.

— Дей-мо-о,— добавила малышка, и в нежно-шепелявой детской транскрипции этого слова слышалось нечто испанское, нечто романтически-звучное, пригодное, пожалуй, и для названия каравеллы...

Осенью Сонечка болела воспалением легких. Любка это событие пережила как личную свою вину, ночами вскакивала послушать, дышит ли девочка, когда Ирина Михайловна делала укол, металась из угла в угол под густой Сонечкин рев. А один раз твердо, но вежливо сказала Кондаковой:

— У ребенка пневмония. Убедительно прошу в доме не курить... а то прибью.

В один из этих дней Ирина Михайловна, задержавшись в санчасти, опоздала к вечернему уколу.

Открыв ей, Любка спокойно заметила:

— Ну, что вы запыхались, Ринмихална? Я уже все сделала.

— Что все?! — Ирина Михайловна застыла в одном ботике.

— Что... укол! Да чего вы вскинулись-то? Я по

всем правилам: кипятила, как вы, и с ваткой ампулу сломала. Она и не плакала даже,— и не без гордости добавила: — А у вас, между прочим, всегда плачет.

* * *

Зимой, как обычно, подвалило работы — обморожения, эпидемии гриппа. Санчасть была полнехонька, лежали даже в коридорах.

Жесткий, с песочком ветер продраивал лицо до красной мякоти, трепал колкие, хвойные от инея ветки. Крыши по утрам отливали алюминием.

Хотелось снега — нежно-пушистого, облачного снега. Но январь проходил пустым, сухим и холодным.

Утром, до обхода, медсестра Лена спросила вибрирующим шепотом:

— Ирина Михайловна! Вы «Правду» читали?

И сразу Ирина Михайловна ощутила прилив тошноты и спазм острого кишечного страха. Такого рода страх, сводящий внутренности, впервые испытала она пятнадцатилетней девочкой в ночь, когда забрали отца.

— Банду раскрыли, заговор врачей...— шептала Лена, оглядываясь на двери ординаторской.— Неужели «Правды» не читали? Статья «Убийцы в белых халатах»... Отравители...

— Нам «Правду» вечером приносят...— сказала Ирина Михайловна белыми губами. В животе было больно и пусто, непонятно даже, как эта пустота могла так болеть.

— Перечников уже объявил: в три общее собрание всего персонала.

Главврач Перечников эти собрания проводил обычно вяловато, без гражданского темперамента. Но тут случай особый. Тут ужас профессиональной, белой окраски шелестел над головами небольшого коллектива медсанчасти. Рядом с Ириной Михайловной сидел фельдшер Коля Рожков. У него жена должна была родить с минуты на минуту — вторые сутки лежала в предродовой. Коля сидел с каменным лицом и мелко-мелко похлестывал по пляшущему своему колену свернутой в трубочку «Правдой». Ирине Михайловне хотелось попросить у Коли газету, но что-то останавливало ее. Потом все равно зачитали.

Читала председатель месткома Мосельцова — педиатр, пышноволосая яркая блондинка. Поговаривали, что у нее роман с главврачом Перечниковым. Это казалось невероятным: Перечников был сутулым скучным человеком с нелепым лицом, напоминающим штанину галифе — одутловатые щеки, собранные внизу в длинный подбородок.

Мосельцова читала выразительно. После каждой фамилии врача-убийцы интонацией ставила восклицательный знак и делала небольшую, но значительную паузу, и тогда Ирине Михайловне казалось, что все смотрят в ее сторону.

В заключение Перечников промямлил обычное — о нарастающей борьбе классов, о бдительности каждого сознательного гражданина, о профессиональном долге врача, и Коля, уронив на пол газету, расталкивая всех, кинулся в родилку.

Ирина Михайловна дождалась, пока конференц-зал (небольшая комната, заставленная сколоченными в ряд фанерными стульями) опустеет, подобрала с пола «Правду», расправила и заметалась взглядом по страницам. Сердце барахталось в мутной пучине страха.

— Вам что-то неясно, Ирина Михайловна?

В дверях стояла Мосельцова. Она красила губы, с удовольствием всматриваясь в маленькое круглое зеркальце. Вымазала верхнюю губу о нижнюю, вытянула их бубликом — выражение лица стало детски-трогательным, сюсюкающим.

Напряжением воли заставив себя еще несколько мгновений молча рассматривать колеблющийся в руках газетный лист, Ирина Михайловна наконец свернула его и сунула в карман халата.

— Нет,— сказала она.— Вы были очень убедительны...

Мосельцова улыбнулась почти доброжелательно.

— Может, какая-то фамилия знакомой показалась? У вас ведь, если не ошибаюсь, семья московская, врачебная?

Ирина Михайловна подалась к ней бледным внимательным лицом. Это проклятое, виноватое от природы выражение глаз! Как, как заставить себя быть непроницаемой! Мама умела оборвать таких, как Мосельцова, одним словом...

— Вы не ошибаетесь,— тихо проговорила Ирина Михайловна.— Но моя семья последние лет двадцать жила в Ташкенте.

Она прошла в дверях мимо Мосельцовой, и та сказала в спину:

— А вы напрасно не пользуетесь губной помадой... Это бы как-то расцветило вас...

Когда Ирина Михайловна возвращалась домой, ветер вдруг унялся и пошел снег. Снежинки летели так тихо, так редко и потерянно, что казались случайно упущенными где-то в ведомстве небесной канцелярии; одна тщилась догнать другую, другая — третью, и потому чудилось, что в стылом воздухе витает одиночество и напрасно прожитая жизнь...

Дома, едва отперев дверь, она услышала из кухни торжествующий голос Кондаковой. Секунды было достаточно, чтобы узнать текст той статьи, довольно, впрочем, своеобразно окрашенной неправильными ударениями.

Ирина Михайловна стояла в темноте коридора, в пальто, в ботах, слушая победный голос Кондаковой, ненужно громкий в их квартире.

Любка домывала в комнате пол, заткнув подол платья за пояс, мелькая в сумерках высокими, античной стройности ногами.

— А... Ринмихална...— растерянно пробормотала она, разогнувшись.— Куда вы в ботах по чистому!.. Стойте...— Она поставила табурет у двери, и Ирина Михайловна села, как подломилась.

— Слыхали — на кухне? Старая курва сама себе доклад делает... Орет, чтоб мне слышно было... как по третьему кругу запоет, пойду на примус сажать...

Она крепко отжала тряпку и шлепнула у ног Ирины Михайловны.

— Нате. Вытирайте.

— Люба...— медленно проговорила Ирина Михайловна мерзлым голосом, жестким настолько, что больно было говорить...— Люба... Вам, вероятно, следует уйти... от нас с Сонечкой...

Любка выпрямилась, одернула юбку, нехорошо сощурив глаза:

— Да? Это куда же? Чем не угодила-то? А? Ринмихална?

— Дело не в том, Люба... Может быть, вы не знали... У меня ведь фамилия из тех же, что эти врачи... отравители...

— Да какие там еще отравители?! — грубо воскликнула Любка.— Вы-то, Ринмихална, вы-то в своем уме?!

— Тихо, тихо, Люба!

— Мне уж вы не пойте, я не Кондакова, я за жизнь таких отравителей ох сколько навидалась!

— Да погодите же, не в этом дело!...— Ирина Михайловна страдальчески поморщилась.— Я говорю сейчас о том, что, может, со мной вам... небезопасно...

Любка еще мгновение смотрела на нее, не понимая, и вдруг захохотала — бесшабашно весело, шлепая себя по коленям, по щекам, по животу:

— Мне! Мне опасно! Ой, не могу... Насмешили, Ринмихална...— Она искренне веселилась.— Значит, не вам с моей уголовной рожей, а мне — с вами... Ну дожились... Ну, умора...— И не сразу успокоилась.

Из кухни победно гремел голос Кондаковой — она заходила на третий круг.

— Репродуктором сделалась. Пойду на стенку повешу, чтоб ей задницей до точки дотянуться.

— Люба, умоляю!..

Но Любка настойчиво и вежливо придержала дверь, не пуская Ирину Михайловну.

— Вам туда не стоит, Ринмихална.— Движения мягкие, голос вкрадчивый, на жестком лице окаменевшие скулы.— Да не бойтесь, не забью.

Вышла и плотно прикрыла за собою дверь.

Через минуту голос на кухне оборвался и наступила тишина — звонкая и такая прозрачная, что слышно стало, как сопит в коляске Сонечка.

* * *

Утром, во время обхода, Хабибуллин из третьей палаты, сцепщик Хабибуллин, сдавленный и переломанный вагонами, вытянутый Ириной Михайловной с того света, Хабибуллин, называющий Ирину Михайловну «девочка-доктор» и не забывающий при этом добавить «дай ей бог здоровья», сцепщик Хабибуллин заявил, что с сегодняшнего дня не желает подставляться шпионским наймитам для опытов над людьми. Ни уколов, ни капельницы делать не даст, так и запомните.

Медсестра Лена, как стояла со штативом в руках и с бутылью физраствора, так и обмерла.

— Кому? — переспросила Ирина Михайловна, чувствуя на лице пульсирующий румянец.— Кому подставляться, Ренат Абгарович, най-митам?

Палата — пятнадцать коек тяжелых и среднетяжелых — зловеще примолкла, глядя кто куда. Румянец медленно сползал со щек Ирины Михайловны. Она спросила тихо и внятно:

— Кто еще отказывается лечиться у шпионского наймита?

Молчали, только бухгалтер стройконторы Дрынишин на крайней у двери койки шевельнулся и тенорком:

— А что же, ждать, пока перетравите всех, к чертям собачьим?..

Ирина Михайловна вышла из палаты и по коридору, заставленному койками, побежала в ординаторскую, страстно надеясь, что сейчас, во время обхода, там пусто и, значит, можно выплакаться над умывальником и умыться холодной водой. Но шагов за десять услышала голоса, одновременно возбужденные и придавленные:

—...дело в профессиональной этике!

— Бросьте сиропить, какая там этика! — Это был голос Мосельцовой.— Вот погодите, состряпают больные бумагу за рядом подписей да пошлют куда следует, и вы с вашей профессиональной этикой... Весь коллектив пострадает из-за одной паршивой овцы...

Ирина Михайловна повернулась и пошла прочь.

Пальто осталось в ординаторской. Черт с ним, с пальто! До дома минут десять бегом.

В их пустынном переулке плавал тот редкий, пасмурно спокойный, теплый свет, какой бывает обычно в просторной комнате с высокими окнами. Узкое, длинное небо над переулком казалось серым, давно не мытым стеклом огромной теплицы.

И тут за спиной истошно крикнули: «И-р-р-ра-а-а!!» Мученический вопль полоснул ее, отбросил к стене дома взрывной волной боли. Это был папин голос.

Колени ее мелко дрожали, пот побежал по спине. Не в силах глотнуть воздуха парализованно открытым ртом, она обернулась: на углу переулка трое рабочих в черных ватниках ремонтировали дом. Тот, что внизу, еще раз зычно крикнул: «Вир-ра!» — и те, на крыше, взялись за тросы и потянули корыто вверх.

Ирина Михайловна постояла еще с минуту на подсекающихся ногах, наконец побрела к дому.

Любка открыла и ахнула:

— Пальто стырили?!

Ирина Михайловна мотнула головой, хотела что-то сказать, но Любка вдруг накренилась вместе с полом, задребезжала, как холодец, и, обморочно закатив глаза, Ирина Михайловна повалилась на Любку окоченевшим телом...

Весь вечер она лежала, заботливо придавленная двумя одеялами и сверху еще старым маминым пальто, дрожала и слушала, как за окном ветер треплет бельевую веревку, и прищепки трещат кастаньетами. Поэтому не сразу различила стук в окно — тихий, деликатный. Она вскочила и бросилась к окну: на присыпанной снежком земле топтался Перечников и что-то говорил через стекло. Она толкнула форточку и услышала: «...на два слова...»

Стоял так Перечников, наверное, минут уже десять, потому что слой крупного сыпучего снежка был оттоптан до черноты. С локтя его свисала длинная крупнодырчатая авоська с каким-то синим тюком. Ирина Михайловна накинула на плечи мамин платок, выскочила и обежала барак:

— Федор Николаевич, что случилось?

— Да ничего, не пугайтесь...— пробормотал он, бросая окурок.— Вы, Ирина Михайловна, не пугайтесь. Вы пальто в ординаторской забыли, я принес... Так как... холода... и... Тут разговор у меня с вами некоторый... Черт, даже не знаю, с какого конца...

Лицо его под теплой ушанкой выглядело совсем нелепо, одутловатые щеки рдели на морозе, нос пошмыгивал. То и дело он оборачивался на мусорную свалку у забора, там длинными синими тенями носились коты.

— Пальтишко у вас легкое такое... Ну, чтоб уж долго вас на холоде не держать...— Он достал платок, затеребил нос.— Вы у нас не доработали по распределению год, кажется, с копейками?.. Так вот, Ирина Михайловна, давайте-ка мы изобретем какое-нибудь уважительное состояние здоровья и тихо-мирно, по собственному желанию отпустим вас в Ташкент, в столицу, из этой нашей Тмутаракани... Постойте-ка, наденьте пальто же, господи!

Ирина Михайловна смотрела на Перечникова, видела его красную замерзшую руку, комкавшую платок. Пришел тайком, вызвал к мусорке «на два слова», пальто принес в авоське нелепым свертком. Сочувствует он ей, что ли?

Она вытянула из авоськи мятое пальто, надела его.

— Видите ли, Федор Михайлович, в Ташкент мне ехать незачем. У меня там, кроме дряхлой тетки, никого. И в Ташкенте сейчас вакханалия почище, чем у нас. Бывают времена, когда в Тмутаракани легче, чем в столицах... Я понимаю, что персонаж с моей фамилией вам сейчас крайне неудобен...

— Ирина Михайловна, голубчик, — Перечников даже застонал.— Умоляю, только не надо пошлостей! Меня-то уж вам незачем обижать. Я всегда... с большим уважением... по моему мнению, вы прекрасный диагност, это, знаете ли, от Бога... Ну, что делать, раз такие времена!..

Он бормотал, схватив ее руку своей жесткой застывшей рукой:

— Пришли, ввалились в кабинет... Коллективное, понимаете ли, заявление. Изволь реагировать... разбираться... Мосельцова какой-то бред несет... Тошнит, но изволь...

«Ну вот, а говорили, что с Мосельцовой у него роман»,— рассеянно подумалось Ирине Михайловне.

— Не пренебрегайте опасностью, Ирина Михайловна... Не пренебрегайте... Ведь я по меньшей мере уволить вас обязан!

— Увольняйте,— сказала она.— Мне отсюда бежать некуда.

Минут пять еще Перечников говорил что-то виновато-настойчивым тоном. Поняв, что она не слушает, заглянул в ее глаза, вдруг поразившие его неконкретной, вневременной тоской, махнул рукой и пошел.

Но, отойдя шагов на десять, вдруг вернулся торопливо и вполголоса спросил:

— К Исмаилову в стройконтору пойдете уборщицей? Попробую договориться?

— Пойду,— ответила она безразличными губами.

Перечников слегка подволакивал левую ногу, словно тащил за собой тяжелое ядро черной тени. Ирина Михайловна глядела, как тащит он по снегу свою съеженную тень, и не могла понять: что, собственно, смешного находила она прежде в этом человеке?

Вернувшись в дом, она долго молчала, слушая уже ставшую привычной колыбельную, потом сказала задумчиво:

— Если со мною что-то случится, Люба, отвезите Сонечку в Ташкент, к моей тетке.

— Чужой дя-а-дька обеща-ал
Моей ма-аме матерья-ал...

— Еще чего, повезу я ребенка хрен знает кому...— буркнула Любка.— Как-нибудь уж... сама не калечная...

Он обма-анет мать твою-у...
Баю-ба-аюшки-баю-у...

В эту ночь сумбурным шепотом с самодельного топчана в углу комнаты Любка в подробностях рассказала свою жизнь. Последняя преграда между ними, возведенная воспитанием, образованием, жизнью, рухнула.

Своих настоящих родителей Любка помнила смутно, смазанно, как на давнем любительском снимке, знала только, что семью их раскулачили и выслали в Сибирь, что по дороге от голода умерли двое старших, братья Андрей и Мишка, а двухлетнюю Любку отчаявшаяся мать отдала на станции под Семипалатинском чете профессиональных воров — бездетной Катьке приглянулась синеглазенькая прозрачная девчонка, и за нее отвалили раскулаченным буханку хлеба, три селедки, головку чеснока и большой кусок мыла.

Так Любка была спасена и обречена.

Уже через три года она артистически проникала в форточки, шныряла на вокзалах: «Тетенька, я потерялась, хочу в туалет...» — и за спиной сердобольной тетеньки уплывали сумки и чемоданы; клянчила в поездах.

Справедливости ради следует заметить, что и стареющая Катька, и виртуоз-домушник Штыря по-своему любили девчонку, не обижали («Пальцем не тронули!» — с гордостью уточнила Любка) и время от времени, спохватываясь, даже посылали в школу. Но характер у Любки вырисовывался лютый, никто ей был не указ и не начальник.

Поэтому, когда Штырю однажды после длительной пьянки хватила кондрашка, Любка спокойно и властно взяла «дело» на себя. И ей подчинились и Канава, и Чекушка, и Котик с Пыльным.

— Потому, что я башковитая,— объясняла Любка страстным шепотом.— У меня ж в голове сразу весь план «дела», чтоб толково и чисто, а они что?

Когда, наконец, она умолкла, Ирина Михайловна приподнялась на локте и сказала в сгущенную темноту угла, где на топчане лежала Любка, главарь банды:

— Вы человек талантливый, Люба, сильный. Вот переживем, бог даст, весь этот бред, уедем в Ташкент, определю вас в вечернюю школу. А потом — в медучилище, у меня там сокурсница работает... Я из вас сделаю...— чуть было не сорвалось «человека», она запнулась, покраснела в темноте и сказала твердо:— медсестру.

Исмаилов уборщицей взял. Но не Ирину Михайловну, а... Любку. Та, узнав, кем устраивается после увольнения Ирина Михайловна, разразилась дома настоящей бурей.

— Шваброй шкрябать?! — грозно вскрикивала она перед растерянной Ириной Михайловной.— Той кудлатой суке тряпки под ноги расстилать?!

— Люба, при чем тут Мосельцова, это же стройконтора, совсем другое здание.

— Та чтоб я сдохла, если хоть раз, хоть где, вас с ведром увидят!

Любка была страшна, возражений не слушала, искрила глазами.

Она пошла сама к Исмаилову, дело было вмиг улажено, и вскоре Любка влилась в коллектив стройконторы.

* * *

Теперь Ирина Михайловна сидела дома, жарила картошку и с сиротливым нетерпением ждала Любку домой.

Дважды за эти недели к окну в темноте прокрадывался Перечников и молча, ловко, как волейбольный мяч в корзину, всбрасывал в форточку скомканные двадцатипятирублевки. Ирина Михайловна пыталась вернуть их тем же путем, но Перечников, выпучив глаза и смешно отмахиваясь ладонями, торопливо удалялся, волоча за собою по снегу съеженную черную тень.

К марту скудный снег сошел, но холодный ветер так же неумолчно трещал за окном прищепками, гнул и ломал прутики тополей на пустыре. Дни стояли голые, весенне-сквозные, неприютные дни...

Вечером приходила вымотанная Любка, набрасывалась на пережаренную или полусырую картошку, рассказывала вполголоса:

— Радиоточку не выключают дня три уже. Как сводку о здоровье передают — все обмирают, и такая тишина — слыхать, как по бумаге ластик шуршит.

Ирина Михайловна слушала, нервно переплетя тонкие, врачебные — с коротко и кругло подстриженными ногтями — пальцы.

В одну из таких минут Любка, вдруг перестав жевать, спросила, глядя ей в глаза:

— Ринмихална! А вы все молчите, молчите... Вы же врач... Ну, скажите: неужели выживет?

Ирина Михайловна даже дернулась, метнула затравленный взгляд на дверь комнаты Кондаковой и, тоже глядя Любке в глаза, отчеканила шепотом:

— Не болтайте-ка, Любовь Никитична!

Как-то днем Ирина Михайловна уложила Сонечку и села штопать чулки. Вдруг грохнула входная дверь, пробежали по коридору, ворвалась в комнату Любка. Ирина Михайловна вскинула на нее глаза, ставшие вдруг сухими, проваленными, страшными.

Любка молчала, сжав кулаки, глядя перед собою со странным выражением вдохновенной ненависти. Так, может быть, смотрит кровник, только что убивший заклятого врага семьи.

— Боже мой...— прошептала Ирина Михайловна.

— Подох! — коротко выдохнула Любка.

Ирина Михайловна швырнула чулки и заплакала. Любка кинулась к ней, стиснула в свирепых объятиях.

— Люба... нехорошо...— шептала, всхлипывая, Ирина Михайловна,— нельзя так... говорить...

— Можно, можно! — торжествующе грозно повторяла Любка.— Подох, подох! Сдох рябой!

...Весь этот вечер в своей комнате тягуче рыдала Кондакова. Вышла на минуту в кухню — чайник вскипятить — опухшая, старая, со смазанными бровями.

— Ну, надо же,— сказала Любка не без уважения,— как горевать умеет... Ринмихална, я что думаю: а ведь многие, пожалуй, по стране сегодня вот так-то воют?..

— Многие, Люба,— серьезно ответила Ирина Михайловна.

* * *

К концу апреля нахлынуло из пустыни тепло, песок просох от дождей, вихрился на ветру воронками, сбивал алые трепещущие лепестки маков на саманных крышах домишек. Млели на солнце крохотные серые ящерки.

Ирина Михайловна была восстановлена на работе в санчасти, Любка — в своих кухонных правах.

К концу апреля она заскучала. Утром, на Первомай, причесавшись под гремящие отовсюду марши, она сказала:

— Ринмихална, дайте денег. Пойду погуляю.

Ирина Михайловна пожала плечами — где в этом городишке Любка собирается «гулять»! — но деньги отдала почти все. Гуляйте, Любовь Никитична.

Любка ушла и пропала.

День прошел — нет Любки, два — нет, три... Ирина Михайловна извелась, но в милицию не заявляла. Любка не одобрила бы этого шага.

Поздним вечером на третьи сутки — Ирина Михайловна уже легла и даже беспокойно задремала, в дверь легонько стукнули. Сквозь дрему узнавшая легкий этот стук Ирина Михайловна вскочила, босая, пробежала по коридору, отворила дверь и ахнула. На пороге, мерцая лунным испитым лицом, стояла Любка, в немыслимо шикарном, с блестками платье, только что, казалось, содранном с опереточной примадонны. Глубокий, как обморок, вырез клином сходился на животе, стиснутая с боков грудь выпирала в центре грудной клетки двумя литыми полукружьями.

Млечный Путь вздымался над шальной Любкиной башкой и упирался в бесконечность. Темное азийское небо тяжело провисало, колыхаясь и клубясь бесчисленными мирами звезд...

Надо всем этим вдруг почудились Ирине Михайловне драматические переливы меццо-сопрано, что-нибудь такое из «Риголетто», что ли... Вся картина казалась продолжением сна. И в этом лунном, зыбком, знобком сне Любка торжественно и полно отвесила ошалевшей Ирине Михайловне земной поклон и сказала звучным трезвым голосом:

— Ирина Михайловна! Спасибо вам за все... Держали меня, грели, шкаф не запирали, «вы» говорили. Я вас до смерти не забуду... А сейчас дайте мой паспорт, я уйду...

И по-своему так рукой махнула, мол, а слов не надо...

Ирина Михайловна, сдавленным сердцем чуя, что та погибла, все еще лунатически двигаясь, достала из шкафа Любкин паспорт, протянула. Любка поцеловала спящую Сонечку и вышла на порог. На нижней ступеньке крыльца она цепко взяла Ирину Михайловну за плечи, молча, долго смотрела на нее, прощаясь. Вдруг они подались друг к другу, обнялись, Ирина Михайловна заплакала. Любка повернулась и пошла.

— Люба! — дрожащим голосом окликнула Ирина Михайловна. Ее колотил озноб:— Любовь Никитична!

Любка обернулась, опереточно переливаясь в темноте блестками:

— А дом теперь можете совсем не запирать. За ним мои ребята приглядывают... И не ищите меня, Христа ради.

Ночь текла, не останавливаясь ни на мгновение. Невесть откуда взявшееся меццо-сопрано с тоской оплакивало эту жизнь, эту темень, этот городок — нелепый нарост на краю пустыни, людей, зачем-то живущих здесь...

Любка сгинула во тьме теплой ночи. В тот год ей исполнилось двадцать три. Хозяйка ее была чуть старше.

Словом, Любка «села». Добрейший майор Степан Семеныч не без укоризны в голосе сообщил совершенно убитой всею историей Ирине Михайловне, что Любка со товарищи обокрали в Ташкенте академический театр оперы и балета (вот оно, платье-то с блестками! Вот они, пророческие трели меццо-сопрано!).

— Короче, ужас... Вот как вы рисковали-то, Ирина Михална... Страшно подумать, какой опасности вы подвергали себя и своего ребенка...

Сонечку пришлось определить в ясли. Впрочем, Ирина Михайловна недолго задержалась в городишке. Отработала оставшиеся год с копейками и уехала в Ташкент. Тетка еще жива была, приняла, прописала.

Появились у Ирины Михайловны бежевый китайский плащ в талию, губная помада, пудреница, духи «Красная Москва». Жизнь постепенно приобретала вкус, смысл и краски...

* * *

Лет через семь Ирину Михайловну разыскал Перечников, приехавший в Ташкент на курсы повышения квалификации. Ирина Михайловна тогда уже заведовала терапевтическим отделением крупной инфекционной больницы.

Перечников не изменился и опять показался ей немножко смешным, особенно, когда откашливался в кулак,— тогда щеки его надувались и еще больше напоминали штанину галифе. Он долго подробно рассказывал о городке, который разросся (не узнаете!), об укрупненной санчасти, о знакомых... Он говорил, и все это представлялось Ирине Михайловне таким далеким, захолустным, чужим, словно и не было там прожито три тяжелейших года.

Уже обувая в прихожей новые китайские туфли, Перечников спохватился и достал сложенную вдвое, махровую на сгибе поздравительную открытку.

— Чуть не забыл! Держу года четыре, специально для повода увидеться... Вот пришла на адрес санчасти. Там ничего особенного. Поздравление...

Ирина Михайловна взяла в руки мятую открытку, и вдруг приблизилось, налетело, навалилось все: сухие холодные ветры, кастаньетное щелканье прищепок за окном и —

Чужой дя-адька обеща-ал
Моей ма-аме матерья-ал...

«Дорогие Ирина Михайловна и Сонечка! — написано было крупно, размашисто и — что удивило — грамотно.— Поздравляем вас с праздником Восьмого марта, желаем...» — ну и так далее, вполне, как положено, со здоровьем, счастьем, со всем необходимым человеку. И подпись: Люба и Валентин... Ни адреса, ни намека, где искать. Что за характер!

Весь вечер Ирина Михайловна слонялась по дому сама не своя. Взялась гладить тюк белья, недели две ожидающего своей очереди. Катала тяжелый утюг по глади пододеяльника, вспоминала, вспоминала: скрип ивовой колыбели, сплетенной японцем Такэтори, лысеющую кондаковскую шубу... Подумала: надо в каникулы съездить с Соней на мамину могилу. Соня два раза спрашивала из-под одеяла:

— Мам, ты чего?

— Ничего...

Скрип коляски, черное азийское небо над двумя девочками, беззаведно обнявшимися у края ночи, на нижней ступени крыльца.

Чужой дя-адька обеща-ал...
Моей ма-аме матерья-ал...

Что за характер! Ни адреса, ни намека, где искать...

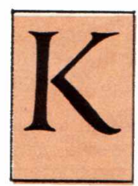
Он обма-анет мать твою-у...
Баю-ба-аюшки-баю-у...
Баю-ба-аюшки-баю-у...

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ КУСТОДИЕВ

1878—1927

Когда произносят имя Бориса Михайловича Кустодиева, в памяти зрителей немедленно возникают картины бурных и красочных празднеств — гуляний, масленец, ярмарок, балаганов, словом, сверкающего, радостного мира душевной свободы и веселья, расцвеченного красками национально-народной фантазии.

Это вполне справедливо. Кустодиев был несравненным мастером праздничных образов, и его художественно-поэтические открытия в этой области завораживают своим блеском и великолепием.

Но, во-первых, не так-то они просты и однолинейны, эти кустодиевские праздники, и встречающиеся порой попытки истолковать их в духе плоского, сусального раешника необоснованны и неверны. Во-вторых, художник вовсе не ограничивался однопланово-праздничной тематикой. И чтобы понять всю масштабность, парадоксальность и богатство оттенков ее трактовки автором, надо знать диапазон его творчества.

Поистине он огромен. Кустодиев был прекрасным скульптором-портретистом, выдающимся графиком-иллюстратором, автором театральных декораций и костюмов (в том числе для знаменитого спектакля «Блоха» по мотивам Н. Лескова во МХАТ-II), карикатуристом, создателем обложек, плакатов, эскизов оформления...

А в живописи, которая оставалась все-таки основным делом его творчества, он выступал как портретист, пейзажист, новеллист, сказочник и бог весть кто еще, ибо художник никогда не почитал чинных границ отдельных жанров, как угодно варьировал и смешивал их, так что иные из его композиций напрочь вырываются из привычных искусствоведческих жанровых определений. И все это изобильно, щедро, многослойно, перехлестывает берега, наконец, просто поражает своим количеством. Кто бы мог подумать, что наследие, один перечень которого занимает пухлый том, оставил художник, не проживший и полувека, тяжко заболевший сравнительно молодым человеком, а последние одиннадцать лет прикованный из-за паралича ног к креслу-каталке. Заметим, что и в эти годы творческая плодовитость художника ничуть не ослабела,— он работает чрезвычайно много и на высокой ноте вдохновения. Праздник в душе побеждал печальную немощь тела, придав биографии мастера подвижнический ореол.

Важно понять и оценить интеллектуальную силу, проницательность Кустодиева. Самым убедительным, красноречивым их доказательством могут послужить, конечно, портреты мастера. Он зарекомендовал себя в этом жанре с молодых лет. Чего уж убедительней: в 1901—1903 годах, работая над огромной композицией «Заседание Государственного совета 7 мая 1901 года», сам И. Е. Репин, учеником которого в Академии художеств был Кустодиев, привлекает его (и И. С. Куликова) к исполнению этюдов, а затем и части портретов в окончательном варианте полотна. Конечно, в этом случае Кустодиев шел по стопам своего великого наставника, но делал это несмованно, с личной интонацией — достаточно взглянуть на такие этюды цикла, как, например, «Н. И. Бобриков», «К. П. Мансуров», «Н. П. Игнатьев», написанные широкой кистью и с острой характерностью. Конечно, самый тип заказа принуждал художника к известной светскости и сдержанности. Впрочем, делая наброски к «Заседанию...», Кустодиев был, что называется, «себе на уме», ибо через несколько лет, в 1905 году, исполняет злейшие карикатуры на свои недавние «модели» (Н. П. Игнатьева, С. Ю. Витте). В портретах, выполненных художником практически одновременно с теми этюдами,— «И. Билибин», 1901, «А. Варфоломеев», 1902, «Ю. Кустодиева», 1903,— видно, что к репинскому живописному блеску и цельности видения Кустодиев добавляет свое особо интимное отношение к человеку и вместе с тем способность увидеть скрытые, затаенные черты, которые порой оказываются важнее всего прочего. Так, в громоздком, массивном «Варфоломееве» подмечена внутренняя трещинка, неуверенность в себе, в «Билибине» — артистическая броскость и эффектность, в портрете жены Юлии Евстафьевны есть удивительное сочетание жертвенности характера и сильной, крепкой воли.

Кустодиев никогда не строит своих портретов «в лоб», прямолинейно, не выделяет нечто такое, что просто бьет в глаза. Чаще всего он идет к главному через косвенное, внешне случайное. Так достигается свободная и богатая оттенками жизненная непосредственность. Насколько она безгранична у мастера, хорошо видно на примере эскиза группового портрета участников знаменитого объединения «Мир искусства» (1916—1920). Вокруг уставленного яствами стола собрались двенадцать художников, и в каждом из них автор отыскал живую и неповторимую черточку: И. Грабарь полон кипучей энергии, не замирающей в нем и при дружеском застолье; сидящий рядом Н. Рерих задумчив, погружен во внутреннее созерцание; А. Бенуа что-то горячо доказывает; К. Сомов насторожен; И. Билибин, не в силах сдержать охвативших его чувств, поднялся, намереваясь произнести тост, и его идея — «друзья, прекрасен наш союз» — центральная в композиции, которая включает еще несколько оригинальных и неповторимых характеров.

В большой серии полотен Кустодиев разработал особую систему портрета, когда изображение человека сопоставляется с характерной средой его жизни. В этих картинах существуют как бы два параллельных зрительных ряда, которые в конечном счете строят целостный образ.

Так, могучий, грузный, странно смешавший в своем облике черты курносого русского мужика и загадочного античного Пана, поэт Максимилиан Волошин изображен на фоне любимого им Коктебеля, легендой и преданием которого он стал. Это, однако, не иллюстративно-географическая деталь, но некая ипостась духовного мира поэта. Торжественные облака в высоких небесах, горные пики, желтеющая песчаная равнина — все это созвучно самому строю волошинских стихов.

Подобный прием употребляется Кустодиевым многократно и в разных вариациях. На принципе слияния двух тематических линий построен и наиболее известный из автопортретов Б. Кустодиева, который он исполнил в 1912 году для галереи Уффици во Флоренции (где еще с XVIII века собирают самоизображения знаменитых мастеров). Художник в этой картине словно бы встречается с миром старой Руси, ее церквями, башнями, снегами, с давним, но живым прошлым.

Однако самым ярким достижением в разработанном им жанре двухплановых портретных композиций бесспорно является знаменитый «Ф. И. Шаляпин» (1921, есть авторское повторение 1922 г.). Прославленный русский артист изображен тут во всю высоту полотна. Так поступали еще мастера итальянского Возрождения, стремясь придать личности человека героический ореол. Здесь, в сущности, та же идея, но если живописцы Ренессанса показывали все окружающее как пьедестал величия своих персонажей, то Кустодиев, напротив, хочет сделать Шаляпина символом той жизни, которая бурно и пестро живет в фоновой части полотна. В ней бушует «широкая масленица», захлестнувшая своим гуляньем какой-то старый, с устойчивыми, коренными традициями русский город. Приближается весна, звонкая синева небес распростерлась над огромной панорамой гуляющих толп, каруселей, стремительных повозок лихачей, изобильных базаров, балаганов с шумными зазывалами, хмельных плясунов, словом, над всем этим простодушным и добрым, хотя и озорным весельем.

Федор Шаляпин, как бы горделива и монументальна ни была его поза, не превознесен над волнующейся и многокрасочной национальной стихией, а как бы выплеснут ею из своих недр, служит ее могучим и прекрасным воплощением. Именно эта стихия с ее перехлестывающей через край жизненной энергией, с блистательной россыпью красок, яростной душевной силой и таинственной устремленностью в неведомое породила талант певца, его сценическое воображение и самую философию жизни. И недаром Шаляпин в композиции принадлежит не только портретно-символическому первому плану, но и жизни города: в глубине видна афиша с объявлением о концерте певца, рядом с ней стоят две дочери Шаляпина и его заботливый помощник Исай Дворищин. Этой деталью для артиста создается естественный переход в среду городского праздника — он там незримо присутствует и составляет такую же ее неотъемлемую часть, как все эти церкви, трактиры, карусели. Конечно же, свободное и открытое гулянье «широкой масленицы» чувствует в артисте, бывшем волжском грузчике, родственную душу и своего даровитейшего выразителя.

...Вот теперь — через Шаляпина, через другие портреты, через тонкий интеллектуализм и концепционную последовательность художника — мы вновь подходим к его «праздникам». Они не просто забавны и развлекательны, не только тешат непритязательный взгляд, но содержат глубокие внутренние идеи, связанные с характерными для русского народа чертами мировосприятия и национального самосознания.

В молодые годы Б. Кустодиев сравнительно недолго работал как жанрист старой традиции. В соответствии с ней (хотя и введя некоторые непривычные оттенки) художник выполнил свою конкурсную картину в Академии художеств «Базар» (1901—1903), первое из кустодиевских повествований о народной жизни. Хотя в нем немало метких наблюдений и чувствуется отличное знание деревенского быта, «Базар» еще принадлежит эстетике прошлого столетия: это подробный перечислительный рассказ, достаточно тусклый и по настроению, и по колориту. И вдруг, как неожиданное и кардинальное приобщение к новому поэтическому видению жизни, появляются кустодиевские «Ярмарки»

1906 и 1908 годов. Первое, что бросается в глаза, когда вглядываешься в эти картины,— в них ничего не происходит. Нет ни драматических сценок, ни купли-продажи, ни чего-то нравоучительного. Эта перестановка акцента на момент созерцания решительно отличает кустодиевские «Ярмарки» от жанров прошлого столетия. Здесь вообще не столько живут, сколько любуются жизнью. Красочны одежды, завлекателен разноликий товар, светлые дни стоят над деревнями. Во всех взаимоотношениях царит добрый, приветливый лад. Изображенные тут люди мирно беседуют, спокойно размышляют, не зная трудностей, тягот и противоречий.

Но позвольте, спросит строгий критик, воспитанный на прямом жизнеподобии, разве так жила русская деревня в начале нынешнего века? Разве она не страдала от поборов и эксплуатации, не знала мучительного труда от зари до зари, не стремилась избавиться от векового гнета?

Конечно, страдала и, конечно, стремилась. И Кустодиев превосходно это знал. Он отнюдь не отличался социальной глухотой — достаточно напомнить его сатирическую графику эпохи 1905 года, картины «Манифестация» и «Первомайская демонстрация» 1906 года или некоторые произведения послеоктябрьских лет.

Но в «Ярмарках», а позже в различных «праздниках», Кустодиев вовсе не делает зарисовки с натуры — глубоко ошибается тот, кто на такой манер воспринимает его полотна. На самом деле в них запечатлелся народный идеал «хорошей жизни», и такого рода идеальные структуры художник построил в сценах, похожих на счастливые, безоблачные сновидения.

В этом разгадка. Внешняя достоверность во всех подобных картинах обманчива. Отдельные конкретные детали Кустодиев и впрямь пишет «похоже» (впрочем, многое преобразуя согласно общему замыслу). Но они включаются в воображаемый мир красоты и радости, созданный национальной фантазией.

Понятно, что и вся стилистика Кустодиева служит такой цели. Сновидение не требует последовательной реальности. Оно все подчиняет своему интонационному строю. Само собой, ему родственна декоративность, которая свободно и щедро расцвечивает впечатления. Кустодиев писал об этом весьма решительно: «Если меня что привлекает, так это декоративность. Композиция и картина, написанная не натурально и грубо вещественно, а условно,— красива... Ведь все мои картины — сплошная иллюзия. Мои картины я никогда не пишу с натуры, это все плод моего воображения, фантазии».

В таком убежденном отходе от «натуральности» и стремлении к «условности», «иллюзии» — характерные качества стилистики Кустодиева, делающие его мастером XX века.

Но если так, то каковы законы, особенности, примечательные черты этого мечтательного кустодиевского мира, его тайны, его поэтика? Как в этом мире соотносится реальное и воображаемое, натура и фантазия?

Прежде всего заметим, что произведения праздничной романтики, созданные Кустодиевым, явственно делятся на две основные группы. Одна — это зрелища массового свойства, бесконечные «гулянья», «катания», «хороводы», «деревенские праздники», праздники в зимнюю и летнюю пору, «балаганы», «масленицы». Вторая — полотна с одним или несколькими персонажами, изображенными в обстановке счастливой полноты жизни; это также свободные вариации на темы праздничного идеала бытия, имеющие глубокие народно-национальные корни (таковы многочисленные «купчихи», «красавицы», «русские Венеры» и т. д.).

Каждая из таких картин — это замкнутый мир в себе, отделенный от прозаизма повседневности и исполненный упоенно-счастливых, безоблачных настроений.

Вот известнейшая «Масленица» Б. Кустодиева, написанная в 1916 году. Не надо искать топографического сходства с каким-нибудь из городов России. Это вся она тут и показана с ее далекими полями, высокими небесами, заснеженными деревьями, причудливыми изгибами дорог, лепящимися домишками, массивами храмов и вздымающихся к небесам колоколен, толпами на улицах и тишиной сиротливых задворков. Примечательно, что художник отказывается от первопланного принципа «Ярмарок» и строит композицию с огромной глубиной, охватывающей нескончаемые просторы. Так складывается масштабность, всеобщность образа.

На переднем плане — разукрашенные повозки с развеселыми ездоками, мчащиеся во весь опор. Если мысленно продолжить их движение, повозки обязательно должны передавить друг друга. Даже и в этой крохотной детали сказывается свойственное мастеру пренебрежение к жизнеподобию. Не нужно ничего тут измерять мерками внешней достоверности, все надо брать на веру, ибо это не жанровая зарисовка, а праздничный сон, в котором может

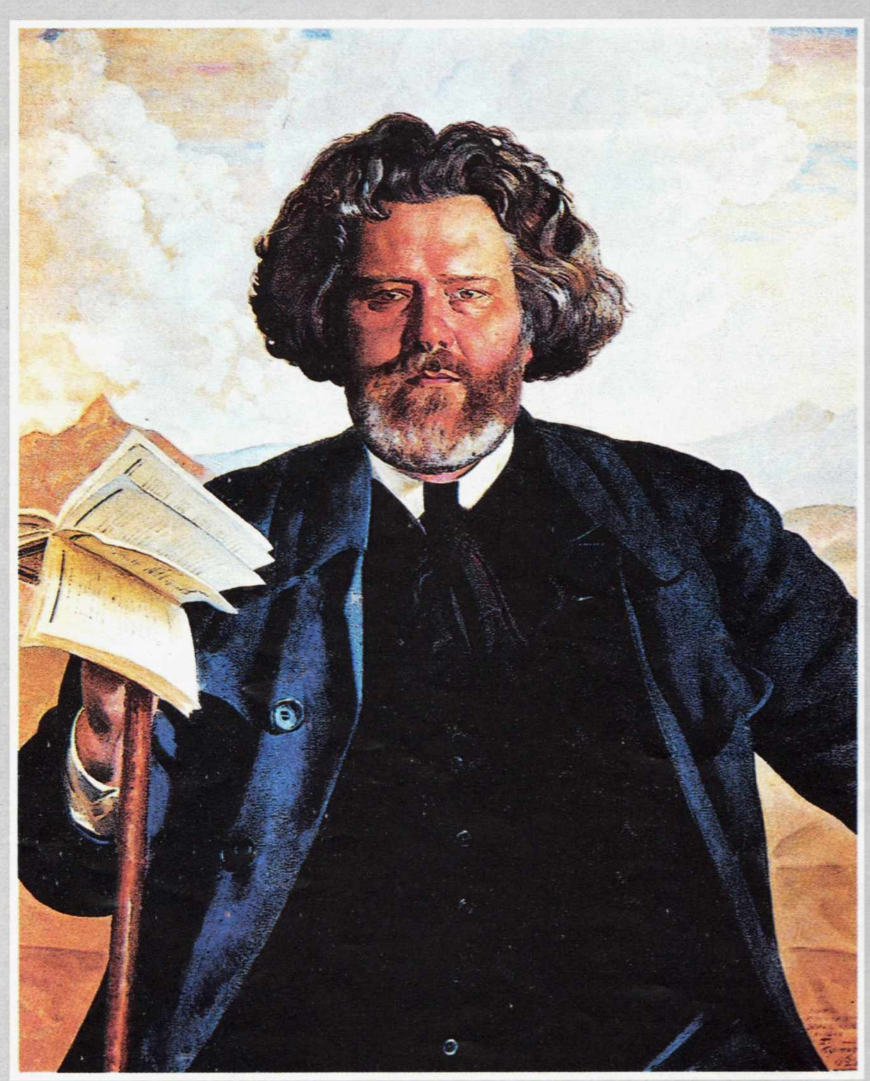

КУПЧИХА. 1914-1915.

ПОРТРЕТ Ф. И. ШАЛЯПИНА. 1921.

ПОРТРЕТ М. А. ВОЛОШИНА. 1924.

КРАСАВИЦА. 1915.

быть что угодно и как угодно. Конечно, эти малиновые облака слишком уж размашисты, здания и храмы поставлены в неправдоподобной близости друг от друга, запряженная парой лошадей повозка в центре неправдоподобно велика рядом с другими и т. д. Что ж из того? Важно, что каждая из деталей принадлежит русскому праздничному миру, а как они сопоставлены и объединены — совсем неважно, ибо тут действуют «правила чуда». Конечно, художник ничего не делает зря. Почему центральная повозка в «Масленице» так резко увеличена сравнительно с другими? А в силу той же образной логики, какая подсказывала средневековому иконописцу увеличи-

вать размеры важнейших по значению (а не по физическим масштабам) фигур. Интересы образа не считаются здесь с житейской реальностью. Ведь в этой повозке, ее нарядности, быстроте, лихости — душа праздника, его веселье и энергия. Всем прочим можно просто пренебречь.

Было бы конфузным использованием лежащего на поверхности сравнения вспоминать, глядя на «Масленицу», гоголевскую птицу-тройку. Обойдемся без этой банальной аналогии, но обратим внимание на то, о чем часто как-то забывают: в «Мертвых душах» восторженный монолог о Руси, которая «что бойкая необгонимая тройка» несется, приходит на ум удирающему от погони плуту. Восторг и смех, пафос и ирония составляют у Гоголя частое, даже постоянное сцепление. И в этом смысле Кустодиев, которого обычно сравнивают из-за его интереса к купеческому миру с Островским, близок к гоголевской традиции. Во всех своих «масленицах» и «гуляньях» художник неизменно шутлив, и это не только отзвуки веселья внутри изображенных праздников, но еще и, так сказать, смех отношения, уже чисто авторский. Кустодиев не скрывает ни дурашливость и простоватость многих своих персонажей, ни провинциальную преувеличенность в жизни русских заштатных городков. И не возводит это в некую норму прекрасного, а именно посмеивается над подобными чертами. Впрочем, посмеивается любовно и добродушно, как-то естественно включая такие качества в свой праздничный, сверкающий мир.

При этом все-таки в «гуляньях», «масленицах», «хороводах» Кустодиева более всего звучит иной, идущий от самих участников действия смех. Это смех праздничной свободы, отбрасывающей все виды регламентаций и ограничений.

Надо услышать и понять лукаво-насмешливую интонацию художника при изображении им «купчих» и «красавиц». Конечно, когда смотришь, например, на знаменитую «Красавицу» 1915 года, то сразу по-

ЯРМАРКА. 1906.

МАСЛЕНИЦА. 1916.

нимаешь, что художник насмешливо улыбался, воссоздавая в картине и безнадежный провинциализм этих цветастых ковриков и обоев, и чудовищную пышность атласного одеяла, и грузность мебели, и, наконец, сказочную грандиозность нагой богини купеческого Олимпа, нарочито усаженную в позу классических Венер и Данай. Но смех смехом, а все-таки надо всем в картине царствует искреннее любование этим роскошеством изобильной, блистающей плоти, откровенной, цветущей чувственности. Так же, как и в других «красавицах» и «купчихах», где всего сильнее чистое и доброе представление о «хорошей жизни», мечты о которой возвышаются у Кустодиева надо всем остальным. Мало того, эту «хорошую жизнь», показываемую со сказочным великолепием и замечательной живописной щедростью, художник нередко возводит в перл творения. Разве не величава, например, «Купчиха» 1914—1915 годов, показанная на фоне приволжского города? Статная, гордая, полная достоинства, она воспринимается как национальный тип красоты.

Конечно же, и в этом образе есть оттенок праздничной романтики и даже известной сказочности. Но ведь это самая суть кустодиевского мировосприятия.

Оно сохранило все свои характерные особенности и после Октябрьской революции. Художник и ее воспринял в сказочно-фольклорном ключе, хотя и с некоторыми новациями и отклонениями от обычных для него схем. Наиболее выразительный пример этого — картина «Большевик» (1919—1920). Кустодиев говорил в связи с ней своему биографу В. Воинову, что его «привлекла к себе мысль выразить в большой картине чувство стихийного в большевизме». Всю жизнь мастер видел стихийность в народных празднествах. Теперь он стремится в этом ключе истолковать грандиозные исторические события.

Вновь изображен русский городской пейзаж, который служит метафорой всей России в целом. Дни революции. Улицы заполнены толпой, много солдат и матросов. Впрочем, никакого конкретного действия нет, это лишь сценический «задник» для главного: надо всей беспокойной массой народа, над городским ландшафтом высится огромная — выше домов и церкви, не говоря уж про толпу,— фигура широко шагающего сурового бородача с яростным взором. Он сжимает древко красного знамени, чье разметавшееся огромной, длинной лентой полотнище вьется надо всем городом, надо всей Русью...

Как трактовать этот образ? Конечно, можно говорить — это и делают обычно — про то, что «большевик» тут напоминает былинного богатыря, сказочного героя и в нем, стало быть, воплотилась устремленная к свободе народная воля.

Но как-то слишком уж жестковат и мрачен для сказки такого вида богатырь. Он внушает сложные чувства — восхищенное удивление смешивается с тревогой. Не слишком ли он, этот воспаленный бородач, готов шагать через толпы и через судьбы, не заботясь о том, как чувствует себя при его неистовом марше людская мелюзга? Не намеревается ли он навязывать силой свою фанатичную волю, тащить в рай за шкирку, ни с кем и ни с чем не считаясь? Не примешивается ли тут к очистительной стихии свободы бунт «бесмысленный и беспощадный», если использовать пушкинскую формулу?

Фольклор мудр, и опора на него порой приводит к результатам и выводам, удивляющим самого автора. Кустодиев, вовсе не стремясь к этому, откликнулся в своей картине на сложные и драматичные противоречия великой эпохи.

Это, однако, не программа, а однократный выход на реальные исторические просторы. Художник хотел выразить «чувство стихийного», а оно ведь непредсказуемо.

Но в других произведениях революционных лет мастер полностью отдается карнавально-праздничной образности. Восторженными чувствами полна картина Кустодиева «Праздник в честь II конгресса Коминтерна на площади Урицкого» (1921). А в «Ночном празднике на Неве» (1920—1923) — огромный, пылающий отсветами торжественных фейерверков небосвод, быстрое и таинственное мерцание огней в сумраке ночи. Сказочно-романтическое начало тут все побеждает, надо всем торжествует.

А когда художника попросили сделать эскизы праздничного оформления Ружейной площади в Петрограде к 7 ноября 1918 года, он написал семь панно — типы людей труда,— где изображены цветущие парни и девушки, чьи пригожие лица и плавно изгибающиеся фигуры заключены в медальоны и окружены пышными натюрмортными аксессуарами: это современные разновидности пасторалей в национально-праздничном духе, совершенно далекие от забот и тревог времени.

Во многих других произведениях последних лет жизни Кустодиев целиком во власти воспоминаний и мечтательных идиллий. Вновь и вновь перед воображением больного, измученного недугом художника возникали праздничные видения русских гуляний, маслениц, купеческих чаепитий и спокойных, ласковых пейзажей на Волге.

Борис Кустодиев умер счастливым.

Александр КАМЕНСКИЙ

■

Перестройка вернула нам многие славные имена. Тем не менее невозможно сразу всех вернуть из забвения. Помочь в этом большом, таком необходимом нам всем деле — цель моего письма.

В периодической печати последних месяцев подробно рассказывалось о заседании Союза писателей, на котором шельмовали, травили большого русского поэта Бориса Пастернака. В связи с этим были названы имена членов СП, которые оказали посильное, пусть и пассивное, сопротивление этому позорному акту, не явившись на судилище, или воздержавшись от голосования. Но даже им сегодня — честь и хвала! Так не пора ли обнародовать имена тех, кто активно выступил в защиту избиваемых, тем более что жизнь некоторых из них оказалась сломанной и до сих пор они не восстановлены в своих правах.

Я говорю о Феликсе Светове.

В 1966 году этот литературный критик, член Союза писателей, сотрудничавший в журнале «Новый мир», подписал протест против судебного преследования ныне реабилитированных писателей Даниэля и Синявского. За отказ снять свою подпись под этим протестом он получил строгий выговор. В 1980 году Светов протестовал против травли академика А. Д. Сахарова и не снял своей подписи, несмотря на настойчивые требования сделать это. Результат — исключение из Союза писателей. А те, для кого членство оказалось выше чести, и поныне носят это звание. Светов же до сего дня не восстановлен в членстве СП. А ведь мог бы, как многие другие, просто снять свою подпись и жить, не зная «хлопот». К слову сказать, он до сих пор работает в учреждении ночным сторожем.

Очень надеюсь, что и это имя будет публично названо в числе тех, кто активно противостоял беззаконию и произволу, и что и ему будет воздано должное.

Рут МАЛЕЦ,
участник Великой Отечественной войны (диктор-переводчик),
персональный пенсионер ГДР,
Берлин

■

В еженедельнике «Ветеран» № 18 за 1989 год напечатано Открытое письмо главным редакторам журналов «Юность» — А. Дементьеву и «Огонек» — В. Коротичу, в котором авторы выразили свое резко отрицательное отношение к публикации в этих журналах повести-сатиры В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». «От имени членов клуба «Золотая Звезда», объединяющего 72 Героя Советского Союза и 16 полных кавалеров ордена Славы», письмо подписано шестью Героями Советского Союза в звании от подполковника и выше.

Я не Герой, не генерал, не полковник, а всего-навсего бывший солдат (правда, в конце войны дослужился до сержанта), и мне не совсем удобно возражать таким заслуженным людям, но я все-таки осмеливаюсь это сделать. Тем более что и я имею прямое отношение к ветеранам войны.

Внимательно перечитывая Открытое письмо, я пришел к твердому убеждению, что его авторы начисто отвергают возможность существования в нашей литературе сатиры, без чего, как известно, полнокровной жизнью не может жить ни одна литература, ибо сатира — это ее неотъемлемая составная часть.

В повести «бывшего советского литератора В. Войновича» они увидели только «цинизм», «издевательство». И даже «злобу ко всему советскому, ко всему русскому».

Достается от авторов письма и редакторам А. Дементьеву и В. Коротичу... Они, оказывается, «не отдают себе отчета в том, что это кощунство» (иными словами, еще не доросли до понимания того, в чем преуспели авторы письма), что с их «редакторского благословения оскорбляется память народа, память павших героев».

Оставим в стороне это явное оскорбление редакторов и стремление приклеить им определенные ярлыки. Замечу лишь, что подобная оценка сатирических произведений уж слишком напоминает сталинско-ждановскую расправу с журналами «Звезда» и «Ленинград», с их редколлегиями, что послужило началом тотального избиения представителей литературы и искусства.

О роли сатиры в жизни общества, о ее законном месте в художественной литературе не говорю. Есть ли смысл вступать в дискуссию с оппонентом, который нуждается в обыкновенной консультации?

В. СЕМЕНОВ,
инвалид Отечественной войны,
член КПСС с 1943 года

■

Мы глубоко благодарны сотрудникам тбилисского издательства «Мерани». В начале февраля этого года мы обратились к ним с просьбой выслать в наш адрес сборник произведений Н. С. Гумилева, выпущенный этим издательством и практически недоступный в Москве.

В нашей домашней библиотеке — большая коллекция прижизненных и посмертных изданий Н. С. Гумилева, его автографов и воспоминаний о нем. Поэтому понятно наше желание получить и тбилисский сборник. Честно говоря, мы не рассчитывали ни на получение книги, ни даже на ответ издательства. Надежда на это стала казаться еще более беспочвенной после страшных событий 9 апреля в Тбилиси. Трудно описать, с каким волнением и благодарностью мы получили 30 апреля книгу, присланную нам издательством.

Такой отклик на нашу просьбу представляется нам проявлением искреннего чувства дружбы. Мы написали в издательство «Мерани» письмо, в котором попытались передать свою глубочайшую благодарность. Однако нам кажется, что этот случай не носит сугубо частного характера и о нем нужно знать широчайшей аудитории журнала.

А. К. СТАНЮКОВИЧ,
Е. Л. СТАНЮКОВИЧ
Москва

■

Пишу эти строки с чувством невыносимой горечи. После запрета на свободное посещение Новодевичьего кладбища, появились платные «экскурсии». А с ними и очередной ажиотаж, с бойкими призывами по радио посетить именитые могилы, с перечислением имен!

Ведут такие «экскурсии» люди, не всегда обладающие элементарным чувством такта.

Могила — слово святое. И прикасаться к нему следует осторожно. Тяга людей поклониться известным людям весьма понятна. Но, если уж мы пришли в этом вопросе к такой оскорбительной в своей сути форме, как «экскурсия», и не воспитали тех, кто имеет право прикасаться к дорогим именам и могилам, пусть водят эти экскурсии по старому кладбищу, не обращаясь к свежим могилам, над которыми скорбят родные и близкие, и которым невыносимо видеть вокруг скопление случайных, любопытных лиц.

Ну неужели нельзя понять, что такие толпы здесь неуместны? Что у близких, пришедших убрать дорогую могилу, над которой еще и надгробие не поставлено, сердце дрожит от отчаяния, и всякие реплики, как и полное равнодушие «пробегающих мимо», кажутся надругательством над дорогой памятью. Ну почему мы стали так равнодушны к почившим, так черствы к их родным? Неужели навсегда ушло от нас слово «сострадание»?

Т. ЕРЕМЕЕВА,
народная артистка РСФСР

Тов.Капица!

Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного, - думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них.

Что касается книги Л.Гумилевского "Русские инженеры", то она очень интересна и будет издана в скором времени.

И. Сталин.

4.IV.46г.

П. Л. Капица. Фото 1937 года.

АЗБУКА ГЛАСНОСТИ

УЧЕНЫЙ И ВЛАСТЬ

КАК АКАДЕМИКУ П. Л. КАПИЦЕ ПЕРЕКРЫВАЛИ КИСЛОРОД

В начале сентября 1934 года Петр Леонидович Капица, директор Мондовской лаборатории при Кембриджском университете, член Лондонского Королевского общества и тогда еще только член-корреспондент АН СССР, приехал в Ленинград, чтобы повидать родных и друзей и принять участие в Международном конгрессе, посвященном 100-летию со дня рождения Д. И. Менделеева. Это было его шестое посещение родной страны, с тех пор как в 1921 году он начал работать в Англии у знаменитого Резерфорда в кавендишской лаборатории.

25 сентября ему позвонили в Ленинград из Совета Народных Комиссаров и попросили срочно приехать в Москву. Заместитель Председателя СНК В. И. Межлаук сообщил ученому, что на этот раз поехать в Англию он не сможет. Это решение Политбюро... Так Капица впервые столкнулся вплотную с Государственной Властью.

Анна Алексеевна, его жена, одна уехала в Кембридж к малолетним сыновьям Сергею и Андрею, Петр Леонидович остался. Продолжать исследования в области сильных магнитных полей и низких температур, которые он вел в Кембридже, ученый теперь не мог: для этого требуются сложнейшее оборудование и работники очень высокой квалификации. Ни того, ни другого пока нет в стране. И будущий Нобелевский лауреат решается... в знак протеста прекратить исследования в области физики. Это был вызов Власти, началом борьбы, которая продолжалась всю долгую жизнь академика Капицы. Он боролся не за себя — за достоинство Ученого, за Науку.

Тогда, в 1934-м, Власть уступила. В середине декабря Советское правительство обещает Капице купить все научное оборудование его кембриджской лаборатории. В. М. Молотов подписывает постановление СНК СССР о строительстве в Москве Института физических проблем. Несколько дней спустя газеты сообщат, что директором нового института назначен профессор П. Л. Капица.

12 февраля 1937 года, на следующий день после того, как в Ленинграде был арестован молодой талантливый физик-теоретик В. А. Фок, Капица отправляет письмо Сталину. «Такое обращение с Фоком,— писал он Сталину,— вызывает как у нас, так и у западных ученых внутреннюю реакцию, подобную, например, (реакции) на изгнание Эйнштейна из Германии».

Поразительно, но после этого вызывающего письма Фок был немедленно освобожден! Ученый выиграл у Власти и второй раунд...

Рассказывают, что однажды на Красной площади Сталин попросил показать ему Капицу. Хотел увидеть того, кто, судя по письмам, его не боялся. Но встретиться с ученым лицом к лицу не пожелал...

Начинается новый этап в жизни Капицы, его работа над решением чрезвычайно важной для науки и промышленности «кислородной проблемы». И здесь Власть в полном смысле слова «перекрывает» кислород ученому. Письма Капицы, которые печатаются в этом номере, показывают весь трагизм его положения. Но и в этот, труднейший период своей жизни, проигрывая в неравной борьбе, он все-таки не отступает...

После того как американцы сбросили на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы, в нашей стране создан «Специальный комитет», который возглавил Берия. В состав этого комитета включен и Капица. Вот так он попадает под непосредственное начало человека, с которым «сработаться» был просто органически неспособен, но с которым постоянно его сталкивала жизнь.

22 августа 1945 года начальник Глававтогена М. К. Суков отправляет на имя Сталина донос на Капицу. Приводим две цитаты из этого «документа»:

«Система деятельности Главкислорода имеет явно капиталистический оттенок, не позволяющий развития новых идей, предложений и широкого технического обсуждения общественностью... Академик Капица в отдельных весьма важных государственных заданиях и обязательствах, которые он на себя берет, обманывает и вводит в заблуждение правительство, заведомо зная невыполнимость данных им обещаний...»

На одном из ближайших заседаний Бюро СНК СССР Берия, который был председателем Бюро, зачитывает выдержки из письма-доноса Сукова и предлагает назначить его... заместителем Капицы! Поистине иезуитское решение.

3 октября Капица пишет Сталину о «недопустимости» отношения Берии к ученым и просит освободить его от работы в Специальном комитете по атомной бомбе. Именно с этого письма ученого Власти мы начинаем публикацию подборки писем П. Л. Капицы.

Сталин, естественно, познакомил Берию с «полезной критикой» Капицы и сделал это, по всей вероятности, с большим удовольствием. С одной стороны, «подставил» непокорного ученого, с другой — напомнил Берии, кто «хозяин».

Несколько дней спустя, как рассказал Петр Леонидович, ему в институт позвонил Берия. «Товарищ Сталин показал мне ваше письмо,— сказал он.— Надо поговорить. Приезжайте». «Мне с вами говорить не о чем,— сказал

Капица.— Если вам нужно со мной поговорить, то приезжайте ко мне в институт». И повесил трубку. И Берия приехал! И привез с собой великолепный подарок — богато инкрустированную тульскую двустволку.

Много лет спустя, уже после смерти Сталина и ареста Берии, генерал А. В. Хрулев рассказал Петру Леонидовичу о разговоре Сталина с Берией, случайным свидетелем которого он оказался. Берия требовал ареста Капицы, а Сталин ему сказал: «Я его тебе (!) сниму, но ты его не трогай».

14 мая 1946 года, то есть через месяц всего и десять дней после «хорошего» письма Капице (фотокопию мы приводим), Сталин подписывает постановление Совмина СССР о проверке работы Главкислорода. В состав комиссии он включает всех основных оппонентов Капицы, а также министров М. Г. Первухина и В. А. Малышева, которым, повидимому, и поручалось «снять» Капицу.

Так Сталин сдержал свое обещание Берии — «за невыполнение решений Правительства о развитии кислородной промышленности в СССР, неиспользование существующей передовой техники в области кислорода за границей, а также неиспользование предложений советских специалистов» он снял Капицу с должности начальника Главкислорода и с должности директора основанного им Института физических проблем.

Начальником Главкислорода был назначен М. К. Суков, директором Института физических проблем — член-корреспондент АН СССР А. П. Александров.

Потрясенный случившимся, лишенный института, своих учеников и сотрудников, Капица заболел... Он и его семья в любой момент ждали ареста или «несчастного случая»...

Но вернемся в 1945 год, ко времени, когда ученый пишет Сталину подробное письмо о взаимоотношениях Власти и Науки.

И. В. Сталину
3 октября 1945 г., Москва

Товарищ Сталин!

Подписанное Вами постановление СНК от 29 сентября о Главкислороде разбиралось около полгода. (...) За это время оно прошло семь комиссий и три заседания Бюро СНК...

За эти полгода так и не подыскали производственной базы, и это отложили еще на два месяца. Трудно сомневаться, что такое отношение к кислородной проблеме явно доказывает, что для нас она еще не созрела. Нам надо еще подрасти культурно, и хотя бы руководящие товарищи, ответственные за утверждение этих решений, верили в эту проблему и понимали, что наш собственный прогресс может быть только во внедрении достижений нашей собственной науки, а не в том, чтобы копировать технику других стран.

В процессе выработки постановления о передаче Главкислороду Глававтогена НКТМ были большие трения с Суковым, который до сих пор тормозил развитие турбокислородного метода. Суков написал Вам, как секретарю ЦК, письмо, которое стало довольно широко известно, например, его цитировал тов. Берия на заседании Бюро СНК. Это письмо содержит ряд клеветнических обвинений личного характера по отношению ко мне. Меня очень удивляет, что ряд товарищей не видят в этом ничего необычного, и тов. Берия настаивает, чтобы Суков был моим заместителем по главку. Я же считаю, что Сукова надо привлечь к ответственности за клевету, о чем я написал в ЦК на имя тов. Маленкова (копию письма прилагаю).

Изложенное ясно показывает, что товарища Берия мало заботит репутация наших ученых (твое, дескать, дело изобретать, исследовать, а зачем тебе репутация). Теперь, столкнувшись с тов. Берия по Особому Комитету, я особенно ясно почувствовал недопустимость его отношения к ученым.

Когда он меня привлекал к работе, он просто приказал своему секретарю вызвать меня к себе. (Когда Витте, министр финансов, привлекал Менделеева к работе в Палате Мер и Весов, он сам приехал к Дмитрию Ивановичу.) 28 сентября я был у тов. Берия в кабинете, когда он решил, что пора кончать разговор, он сунул мне руку, говоря: «Ну, до свидания». Ведь это не только мелочи, а знаки внешних проявлений уважения к человеку, к ученому. Внешними проявлениями мы передаем друг другу мысли.

Тут сразу возникает вопрос, определяется ли положение гражданина в стране только его политическим весом? Ведь было время, когда рядом с императором стоял патриарх, тогда церковь была носителем культуры. Церковь отживает, патриархи вышли в тираж, но в стране без идейных руководителей не обойтись. Даже в области общественных наук, как ни велики идеи Маркса, все же они должны развиваться и расти. (...)

Рано или поздно у нас придется поднять ученых до «патриарших» чинов. Это будет нужно, так как без этого не заставишь ученых всегда служить стране с энтузиазмом. Ведь покупать у нас таких людей нечем. Это капиталистическая Америка может, а мы нет. Без этого патриаршего положения ученого страна самостоятельно культурно расти не может, это еще Бэкон заметил в своей «Новой Атлантиде». Поэтому уже пора товарищам типа тов. Берия начинать учиться уважению к ученым.

Все это заставляет меня ясно почувствовать, что пока еще не настало время в нашей стране для тесного и плодотворного сотрудничества политических сил с учеными. Кислородная проблема на сегодня у нас — это утопия.

Я уверен, что пока я больше пользы принесу как своей стране, так и людям, если отдам все свои силы непосредственно научной работе, ею я и решил всецело заняться. Ведь эту работу я люблю и за нее я заслужил уважение у людей.

Поэтому прошу Вас, чтобы вы дали согласие на мое освобождение от всех назначений по СНК, кроме моей работы в Академии наук.

Одним словом: быть одним из «патриархов», видно, еще рано, так лучше пока что в монахах посидеть.

В Главкислороде тов. Гамов с успехом будет выполнять мои функции, а в Особом Комитете тов. Берия будет спокойнее. Конечно, как и до сих пор, своими научными знаниями я всегда буду стараться помогать своей стране.

Ваш П. Капица

И. В. Сталину
25 ноября 1945, Москва

Товарищ Сталин!

Почти четыре месяца я заседаю и активно принимаю участие в работе Особого Комитета и Технического совета по атомной бомбе (АБ).

В этом письме я решил подробно Вам изложить мои соображения об организации этой работы у нас и также просить Вас еще раз освободить меня от участия в ней.

В организации работы по АБ, мне кажется, есть много ненормального. Во всяком случае, то, что делается сейчас, не есть кратчайший и наиболее дешевый путь к ее созданию. (...)

Правильная организация всех этих вопросов возможна только при одном условии, которого нет, но, не создав его, мы не решим проблемы АБ быстро и вообще самостоятельно, может быть, совсем не решим. Это условие — необходимо больше доверия между учеными и государственными деятелями. Это у нас старая история, пережитки революции. Война в значительной мере сгладила эту ненормальность, и если она осталась сейчас, то только потому, что недостаточно воспитывается чувство уважения к ученому и науке.

Правда, участие ученых в проблемах нашего народного хозяйства, обороны всегда было большим и важным, но ученый мог оказывать помощь, оставаясь в стороне, консультациями и решением тех или иных предложенных ему задач. Надо отметить, что, к большому сожалению, это было связано с тем, что наша промышленность и вооружение развивались на основе улучшения существующих конструкций. Например, Яковлев, Туполев, Лавочкин — крупнейшие конструкторы, но они все же совершенствовали уже существующий тип самолетов. Новые типы самолетов, как турбореактивные, потребовали бы другой тип конструктора, более творческий и смелый.

Таким людям у нас в Союзе мало раздолья. Поэтому техника, освоенная на принципиально новых идеях, как АБ, Фау-2, радиолокация, газовая турбина и пр., у нас в Союзе или слабо, или совсем не двигается.

Моя турбокислородная установка, это принципиально новое начинание, только тогда пошла, когда я, [что] совсем не естественно для ученого, стал начальником главка. Только этим назначением мне было дано доверие и влияние, которое и позволило мне быстро осуществить кислородную установку. Это, конечно, ненормальность и нелепость. Меня сильно тяготила власть, и я примирился с новым положением только потому, что была война и пришлось делать все, что только можно, чтобы добиться успеха.

Жизнь показала, что заставить себя слушаться я мог только как Капица — начальник главка при СНК, а не как Капица — ученый с мировым именем. Наше культурное воспитание еще недостаточно, чтобы поставить Капицу-ученого выше Капицы-начальника... Так происходит и теперь при решениях проблем АБ. Мнения ученых часто принимаются со скептицизмом, и за спиной делают по-своему.

Особый комитет должен научить товарищей верить ученым, а ученых, в свою очередь, это заставит больше чувствовать свою ответственность, но этого пока еще нет. Это можно только сделать, если возложить ответственность на ученых и товарищей из Особого Комитета в одинаковой мере. А это возможно только тогда, когда... наука и ученый будут всеми приниматься как основная сила, а не подсобная, как это теперь.

Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это не плохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо. (...)

Я ему прямо говорю: «Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах»,— на что он мне возражает, что я ничего в людях не понимаю. Вообще наши диалоги не особенно любезны. Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт. Ведь, например, не надо самому быть художником, чтобы понимать толк в картинах.

Наши гениальные купцы-меценаты Третьяковы, Щукин и пр., ведь они прекрасно разбирались в картинах и видели больших художников раньше других; они не были художниками, но изучали искусство. (...)

У меня с Берия совсем ничего не получается. Его отношение к ученым, как я уже писал, мне совсем не по нутру. Например, он хотел меня видеть, за эти две недели он назначал мне прием 9 раз — и день и час, но разговор так и не состоялся, так как он его все отменял, по-видимому, он это делал, чтобы меня как-то дразнить, не могу же я предположить, что он так не умеет располагать своим временем, что на протяжении двух недель не мог сообразить, когда у него есть свободное время. (...)

Следует, чтобы все руководящие товарищи, подобные Берия, дали почувствовать своим подчиненным, что ученые в этом деле ведущая, а не подсобная сила.

Стоит только послушать рассуждения о науке некоторых товарищей на заседаниях Техсовета. Их приходится часто слушать из вежливости и сдерживать улыбку, так они бывают наивны. Они воображают, что, познав, что дважды два четыре, они уже постигли все глубины математики и могут делать авторитетные суждения. Это и есть первопричина того неуважения к науке, которое надо искоренить и которое мешает работать.

При создавшихся условиях работы я никакой пользы от своего присутствия в Особом Комитете и в Техническом совете не вижу. Товарищи Алиханов, Иоффе, Курчатов так же и даже более компетентны, чем я, и меня прекрасно заменят по всем вопросам, связанным с АБ.

Поэтому мое дальнейшее пребывание в Особом Комитете и Техсовете, Вы сами видите, ни к чему и меня только сильно угнетает, а это мешает моей научной работе. Поскольку я участник этого дела, я, естественно, чувствую ответственность за него, но повернуть его на свой лад мне не под силу. Да это и невозможно, так как тов. Берия, как и большинство товарищей, с моими возражениями не согласен. Быть слепым исполнителем я не могу, так как я уже вырос из этого положения.

С тов. Берия у меня отношения все хуже и хуже, и он, несомненно, будет доволен моим уходом. Дружное согласие (без генеральского духа) для этой творческой работы необходимо и только возможно на равных началах. Его нет. Работать с такими настроениями все равно я не умею. Я ведь с самого начала просил, чтобы меня не привлекали к этому делу, так как заранее предполагал, во что оно у нас выродится.

Поэтому прошу Вас еще раз, и очень настоятельно, освободить меня от участия в Особом Комитете и Техническом совете. Я рассчитываю на Ваше согласие, так как знаю, что насилие над желанием ученого не согласуется с Вашими установками

Ваш П. Капица

P. S. У нас в институте пошла турбокислородная установка на газ. Ее уже несколько раз пускали, она уже дает 5% расчетного количества. (...)

Таким образом, все мои векселя стране и правительству по кислороду уплачиваются сполна, и я все больше и больше буду настаивать, чтобы меня освободили от Главкислорода и дали возможность всецело вернуться к моей научной работе.

P. P. S. Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему бы все это сказал, да увидеться с ним очень хлопотно.

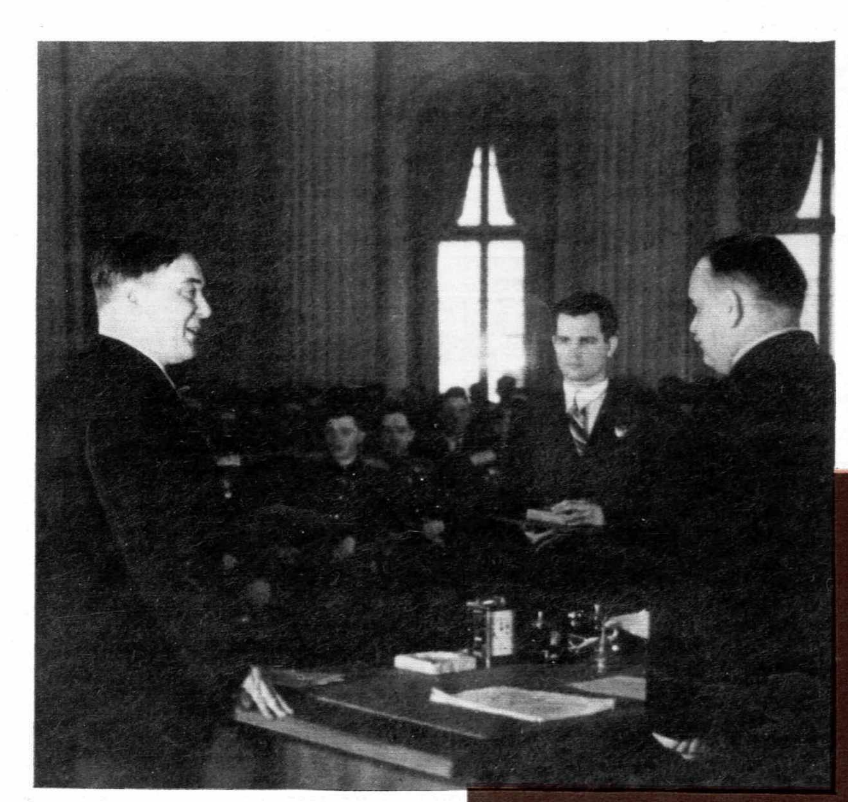
П. К.

И. В. Сталину
2 января 1946, Москва

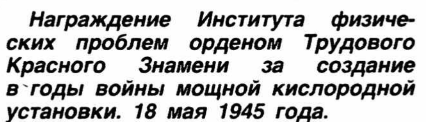
Товарищ Сталин!

Мне думается, что я поступаю правильно, обращая Ваше внимание на прилагаемую книгу Гумилевского «Русские инженеры».

История этой книги такова. Гумилевский написал ряд книг об иностранных инженерах: Лавале, Парсонсе, Дизеле и др. Книги были хорошие и оригиналь-

Под неусыпным взглядом Берии...

Награждение Института физических проблем орденом Трудового Красного Знамени за создание в годы войны мощной кислородной установки. 18 мая 1945 года.

ные, я ему сказал, что надо бы писать и о наших талантах в технике, которых немало, но мы их мало знаем. Он это сделал, и получилась эта интересная и увлекательная книга. Интересно в этой книге то, что, кроме картины достижений отдельных людей, как бы сама собой получается еще общая картина развития нашей передовой техники за многие столетия.

Мы, по-видимому, мало представляем себе, какой большой кладезь творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. В особенности сильны были наши строители. (...)

Обычно мешали нашей технической пионерской работе развиваться и влиять на мировую технику организационные недостатки. Многие из этих недостатков существуют и по сей день, и один из главных — это недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ведь излишняя скромность — это еще больший недостаток, чем излишняя самоуверенность.

Для того, чтобы закрепить победу и поднять наше культурное влияние за рубежом, необходимо осознать наши творческие силы и возможности.

Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом подымать нашу собственную оригинальную технику. Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель, и интенсификацию кислородом, и многое другое.

Успешно мы можем это делать только [тогда], когда будем верить (в) талант нашего инженера и ученого и уважать [его], и когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других, и на него можно смело положиться. Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел проглотить.

Этому важному делу помогает эта книга, и вот почему я имею смелость обратить Ваше внимание на нее. (...)

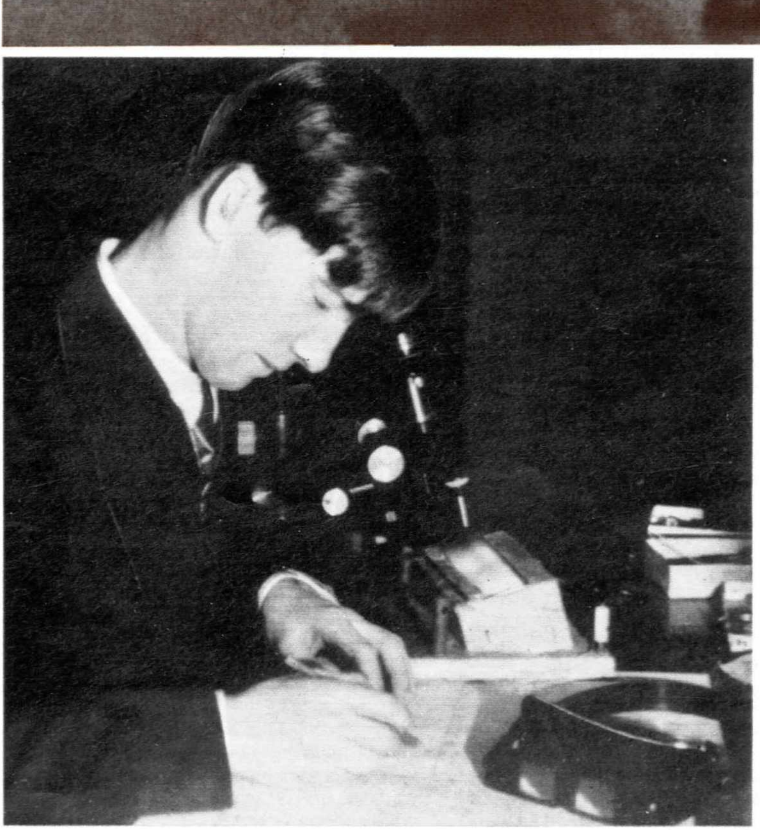
Ваш П. Капица

P. S. Прилагаю манускрипт, присланный мне автором на просмотр.

И. В. Сталину
13 апреля 1946, Москва

Товарищ Сталин!

Недели две тому назад я написал

тов. Берия, что нами разработан турбинный метод получения газообразного кислорода, по-моему, открывающий возможности получения кислорода в тех больших количествах, которых требуют домны. ...Разработав и изучив этот новый тип установки, мы в основном завершаем последний этап кислородной проблемы.

Я просил назначить комиссию, которая объективно оценит достигнутое. Это не только нужно для меня лично, но так же важно для участников этой работы, чтобы дать им почувствовать, что они не зря старались.

Я лично думаю, что мы шагнули вперед дальше всех других. Конечно, можно еще многое улучшать, но достигнутое уже открывает возможность внедрения кислорода в металлургию в большом масштабе. Сейчас дальнейшее уже больше зависит от организационных мер руководства, чем от творческой работы ученого. (...)

Все эти годы в «хате-лаборатории» на Николиной Горе отцу помогал его сын Сергей. Фото 1953 года.

Но вот, казалось бы, что наше руководство должно было бы порадоваться и скорее оценить достигнутое. Не переоцениваем ли мы в порыве увлечения нашу работу? Но этого нет. Тов. Сабурову, председателю комиссии, я звонил 4 раза за последние дни, просил скорее начать работу комиссии, также просил меня принять, чтобы его предварительно ознакомить с работой. Он говорит, что не может этим заняться, так как занят квартальным планом.

Товарищ Сталин, трудно воевать за новое и выигрывать сражения без ощущения общей радости. Пожалуй, вообще так побеждать нельзя, ведь армия развалится.

Видно, тов. Сабурова не увлекает эта задача, поэтому, пожалуйста, попросите его быстро выполнить возложенное на него Бюро Совета Министров, как (на) председателя комиссии, поручение, чтобы не терять лишнего дня.

Ваш П. Капица

P. S. Спасибо за Ваше хорошее письмо, я был ему очень рад.

И. В. Сталину
29 апреля 1946, Москва

Товарищ Сталин!

Прошел срок, установленный Вами для комиссии тов. Сабурова по отзыву о турбинном методе получения газообразного кислорода. Так потерян месяц в темпах развития этих работ.

Если во время войны штаб так же канителил бы с принятием плана сражения, то все понимали бы, что это является преступным промедлением. Но почему же наши товарищи не могут понять, что в войне за «новую технику» тоже недопустимо драться с прохладцей?

Очевидно, что при таком вялом подходе «новую технику» будут завоевывать другие, те, которые попроворнее. Необходимо, чтобы руководящие товарищи осознали, что один из главнейших принципов всякой успешной борьбы, где бы она ни происходила — на арене, в лаборатории, на фронте и т. д.— это «быстрота и натиск» и связанная с ними смелость и решительность. Если двигаться вялыми темпами, то все наши стремления для завоевания «новой техники» останутся только на бумаге, а мы будем обречены на подражательное развитие.

Еще раз прошу Вас помочь и не допускать дальнейшей просрочки постановления Совета Министров.

П. Капица

P. S. Простите за настойчивость, но пока я чувствую на себе ответственность, я иначе не могу. Тов. Сабурову я звоню ежедневно.

И. В. Сталину
19 мая 1946, Москва

Товарищ Сталин!

Назначенная Вами 13 апреля комиссия, по существу, закончила свою работу по обследованию моего кислородного метода. Отзыв экспертов был благоприятный. Комиссия его приняла. Пристрастность заключения в мою пользу предположить трудно, так как в подборе членов комиссии я не участвовал, эксперты подобраны были не мной и работали они не у меня. Я думал, что этим вопрос уже исчерпан.

Но совсем неожиданным для меня Вашим новым постановлением от 14 мая расширяются задачи комиссии и включаются в нее профессора Герш, Гельперин и Усюкин, т. е. в комиссии специалисты по кислороду представлены только людьми, явно враждебными направлению моей работы. Эти трое — обиженные мною (...), так как я не хотел их привлечь к нашей работе. Делал я это потому, что считаю их не только не сделавших ничего значительного, а, наоборот, беспринципными и вредными людьми, любящими ловить рыбу в мутной воде. Мои попытки вызвать их на открытую дискуссию в Техническом совете Главкислорода не были успешными, они либо молчали, либо не приходили, ведь их научный багаж очень ограничен. Их основной метод действия — за спиной писать письма членам правительства, используя в основном те колебания и сомнения, которых при новизне вопроса всегда много. (...)

Привлечение этих людей как судей моей деятельности нельзя рассматривать как объективное, это просто оскорбительно для меня. Так можно было поступить только тогда, когда хотелось бы затруднить и погубить мои работы и подорвать мой авторитет.

Я всегда сочувствовал общественному контролю, и все правительственные комиссии, включая и эту (а их уже было три), были назначены по моей просьбе. Но до сих пор спрашивали мое мнение о вопросах для обсуждения и составе комиссии. Теперь этого не было сделано и на заседание новой комиссии меня даже не позвали. Даже преступнику дают право отвести присяжных, и он имеет право присутствовать на суде. Ведь это явно враждебное отношение. Чем я заслужил его? (...)

П. Капица

P. S. Конечно, идти против фактов трудно, и я надеюсь, что большинство членов комиссии признает достигнутое, но все же объективного заключения от такой комиссии ожидать нельзя, особенно по вопросам оценки перспектив.

В результате пункта «д» Вашего постановления уже сейчас в Главке и в Институте работают совконтролеры и общее настроение удрученное. Пишу об этом Вам, так как все это вредит и тормозит нашу работу. Хотелось бы также, чтобы товарищу Сабурову объяснили, что новое научное достижение, как бы оно ни было оценено, не есть преступление, а ученый — не преступник и требует иного с собой обращения.

Н. С. Хрущеву
22 сентября 1955,
Николина Гора

Лично

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

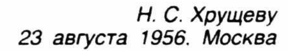
Я посылаю Вам копии некоторых писем, написанных мною товарищу Сталину десять лет тому назад.

Они отражают ту ненормальную обстановку, которая тогда существовала для научной работы и которая и сейчас еще полностью не изжита, и поэтому может быть эти письма представят для Вас некоторый интерес.

Обращаю Ваше внимание на письмо от 25 ноября 1945 г., в котором я вторично прошу освободить меня от работы по атомной бомбе, после чего меня и освободили (21 декабря). Из этого письма совершенно ясно, что единственной причиной, заставившей меня отказаться от этой работы, [было] невыносимое отношение Берия к науке и ученым. Мне думается, что моя тогдашняя критика нашего начального хода развития атомных работ была в дальнейшем учтена и оказала пользу. Так что все нарекания на меня, что я, дескать, пацифист и потому отказался от работы по атомной бомбе, ни на чем не основаны. Хотя я лично не вижу, почему следует вменять в вину человеку, если он по своим убеждениям отказывается делать оружие разрушения и убийства? Во время войны я активно участвовал в наших оборонных работах, так как считаю, что человеку естественно и правильно защищать свою страну от агрессии извне. Что касается моей борьбы с Берия, я не только считаю ее правильной, но и небесполезной.

Среди копий писем я послал некоторые из тех, которые освещают вопрос о кислородной проблеме и тот путь, который избрал Берия, чтобы погубить ее. Это может представить интерес, поскольку сейчас ЦК пересматривает прежнее решение Совета Министров по кислородной проблеме. (...)

Уважающий Вас П. Капица.

Н. С. Хрущеву
23 августа 1956, Москва

Лично

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Мне думается, что я вправе поставить вопрос о моральных условиях, которые нужны для успешной научной работы...

Без чувства, что его ценят, ему доверяют, его работой интересуются, любой творческий работник, будь то ученый, писатель или художник, интенсивно и смело работать не может. Я согласен с высказыванием тех историков, которые показывают, что уровень науки и искусства в стране главным образом определяется отношением окружения к ведущим творческим работникам. Этим, например, Тэн объясняет то, что в эпоху Возрождения в Италии появилась целая плеяда гениальных художников, равной которой мир до сих пор не знает. Действительно, можно ли себе представить, например, музыканта, совершенствующего и развивающего свою игру, если бы ему приходилось выступать только перед аудиторией глухонемых?

То, что «доброго отношения» в моем случае сейчас нет, видно из ряда фактов.

Сейчас Калькуттский университет присудил мне золотую медаль имени Сарвадикари, по-видимому, это наиболее крупная научная награда в Индии. Я должен был ехать в Калькутту получать ее на торжественном заседании 1 сентября. Кроме того, ряд научных учреждений Индии приглашает меня в Бомбей и Дели. Меня в Индию не пустили. Такого же рода недоверие проявилось в следующем. Недавно в Москву приезжали английские ученые, среди них ряд моих старых друзей по Кембриджскому университету, где я проработал 13 лет. Естественно, что я приглашал их к себе на дом. После этого меня специально вызвал к себе Президент Академии наук академик Несмеянов и в присутствии академика Топчиева сказал мне, чтобы я не общался с иностранными учеными без присутствия третьего лица. Простите за резкость, но от этого разговора у меня остался тяжелый осадок. Мне как бы представилось, что я разговаривал не с товарищами-учеными, а с жандармскими офицерами.

Следующий факт еще обиднее. У нас в Президиуме Академии наук только один физик (Курчатов), но в то же время 3 химика и 3 математика. Мы считаем такое положение ненормальным, так как в данное время физика играет ведущую роль и поглощает наибольшие материальные средства. С этим согласен и Несмеянов, поэтому было решено увеличить число физиков в Президиуме. Отделение физико-математических наук выдвинуло меня как кандидата для выборов в Президиум. Когда Несмеянов обратился по этому вопросу в ЦК (говорят, к тов. Суслову), то ему сказали: «воздержаться» от того, чтобы меня выбирать, и выборов не было.

Приведу еще следующий случай. Еще в 1949 г. меня уволили с должности заведующего кафедрой в университете за то, что я не был на заседаниях, посвященных 70-летию Сталина. Процедура увольнения была настолько любопытна, что я посылаю Вам копию письма академика Христиановича, объясняющего причину увольнения, а также приказ об увольнении, подписанный тогдашним ректором МГУ (Несмеяновым). Недавно академик Петровский, ректор МГУ, по-видимому, хотел загладить эту историю, и когда мы с ним виделись, то он предложил, что на первых порах сделают меня членом ученого совета МГУ. Но из этого ничего не вышло. Министерство высшего образования отказалось утвердить мою кандидатуру.

Но самое для меня угнетающее — это история с кислородом. Своим постановлением от 17 августа 1946 г. Совет

Министров осудил мои работы по кислороду [и меня] как ученого, так и начальника Главкислорода. Меня тогда отовсюду сняли и по сей день я отстранен от «кислородных дел». (...)

Даже в те годы, когда я был отстранен от большой научной работы, я продолжал чувствовать, что широкая научная общественность высоко оценивает мои достижения. Не только мои работы вошли в учебники у нас и за границей, но нет крупной страны, где моя научная деятельность не была бы отмечена тем, что я выбран почетным академиком или доктором, либо я получил медаль. Это объективно доказывает, что мои научные работы ценят. Конечно, в нормальных условиях вся эта внешняя сторона служит больше для удовлетворения личного самолюбия, но в том положении, в котором я тогда находился, это являлось источником уверенности в собственной правоте и помогало сохранять бодрость духа.

В жизни, при проведении новых идей всегда нужна точка опоры — ею для меня являлась научная общественность.

Но представьте себе, что мои работы по кислороду были бы секретными и не были бы широко известны ни у нас, ни за границей, ведь тогда я был бы практически лишен возможности опираться на общественное мнение и этим доказать свою правоту. (...)

Я пишу Вам так подробно, чтобы привлечь Ваше внимание к этому вопросу, так как он касается не только меня, но и ряда наших выдающихся творческих работников, не работающих в полную силу из-за отсутствия доброго отношения к ним. Мне думается, что это одна из важнейших причин, почему мы все больше теряем лидерство в науке и в искусстве.

Атмосфера доброжелательства для развития любого вида творчества важнее всех материальных благ.

Уважающий Вас П. Капица

Теперь, когда письма ученого прочитаны, предоставим слово сыну Петра Леонидовича, непосредственному свидетелю тех трудных лет, участнику работ в знаменитой теперь Избе физических проблем, тоже известному физику профессору Сергею Петровичу Капице.

По прошествии более чем 40 лет нелегко обращаться к событиям, происходящим тогда в нашей семье.

Первые полгода Петр Леонидович был в глубоком расстройстве и тяжело болел. Однако затем он вновь начал работать, работать в любых условиях, последовательно и неуклонно добиваясь всего необходимого. Ведь физику-экспериментатору нужно много больше, чем теоретику, или математику. У отца отняли институт, установки, те самые, что при организации института ему выслал из Англии Резерфорд. У него отняли всех его сотрудников. В избе-лаборатории помогали лишь мы с братом Андреем. Я был тогда студентом Московского авиационного института.

Могущественный противник отца — Берия — пользовался различными приемами своего ведомства, чтобы следить за ним. Трудно было иногда отвязаться от ощущения опасности, возможности роковой «случайности». Напоминанием о такой случайности была страшная смерть Михоэлса в начале 1948 года. Незадолго до отъезда в Минск он позвонил отцу, пришел как бы попрощаться. По-видимому, предчувствовал свою гибель.

Берия, для того чтобы нанести еще один укол отцу, постановил основанный им Институт назвать именем С. И. Вавилова. Несмотря на очевидную для всех нелепость и оскорбительное для памяти того же Сергея Ивановича Вавилова, это решение до сих пор не пересмотрено.

В те годы, бросив курить, каждый день отец совершал регулярные прогулки либо с Анной Алексеевной, которая всегда во всем его поддерживала, либо со мной: мы практически в то время никогда не оставляли его одного, боялись за него. Упорядоченный и интеллектуально напряженный образ жизни, несомненно, сохранил здоровье отцу. Судьба же его коллег, работавших над бомбой, была другой. Возглавлявшие тогда крупнейшие ядерные институты И. В. Курчатов умер 57 лет, а А. И. Алиханов 66 лет. И не от радиации, как это иногда представляют, а от болезни сердца, доведенные до инфаркта в первую очередь режимом и обращением с ними шефа «проблемы». Пожалуй, только один отец посмел тогда сопротивляться всесильному Берии.

В течение длительных прогулок по живописнейшим местам Подмосковья мы с отцом говорили о многом. Наиболее существенны были рассуждения о науке и обществе, науке и власти, мысли, которые сформировали и мое отношение к этим вопросам, которые не могут не беспокоить нас и сегодня. Более того, можно думать, что в их решении есть ключ к нашему будущему. Сможем ли мы найти силы создать условия и привлечь наши лучшие умы и таланты к действенному развитию науки и промышленности, к воссозданию попранной совести и культуры нашей страны? Это надо делать гораздо глубже и решительнее, особенно в области науки, чем то, как это происходит. Нельзя не видеть, что нынешняя пассивность может оттолкнуть, даже вытолкнуть из страны те силы, людей, которые более всего способны поднять нас из того глубокого прорыва, в который мы скатились. Надо четко понимать, что сегодня моральное состояние творческой прослойки, в первую очередь ее молодых сил, требует гораздо больше внимания и поддержки, чем когда бы то ни было. Состояние это — самое тяжелое наследие прошлого...

Прошлое нельзя переписать заново. Вот почему история всегда привлекала отца. Из прошлого он черпал аналогии, примеры для иллюстрации настоящего и указания на пути в будущем.

Поэтому и сегодня таким успехом пользуется его сборник научной публицистики «Эксперимент. Теория. Практика». Когда эта книга только должна была впервые выйти, она называлась «Теория. Эксперимент. Практика». Я тогда обратил внимание отца на эту последовательность слов, противоречащую его жизненным и научным принципам. Заголовок был изменен.

Два зачина — от опыта или теории на глубоком уровне отражают два подхода к миру. Для нашей страны примат теории над опытом, практикой, особенно в социальной, так и в технической и научной сферах стал поистине роковым и источником наших многих бед. Преодоление стереотипа есть, быть может, важнейшая задача перестройки нашего мышления.

Первенство дела, практики у Петра Леонидовича было неоспоримым. И сегодня его переписка, пришедшая к нам из другого времени, другой, как мы надеемся, навсегда ушедшей эпохи, была обращена и к будущему, к нашему времени и созвучна его теперешним проблемам. Поэтому ныне эта некогда секретная переписка, послания ученого тирану, как сказали бы в старину, могут и должны быть прочитаны народом, а не только теми, кто узурпировал некогда власть над нами. Быть может, здесь есть урок историческому оптимизму, который нам сегодня так нужен.

Материал подготовили Ванда БЕЛЕЦКАЯ и Павел РУБИНИН. Публикация писем Павла Рубинина. Фото из архива А. А. Капицы — жены ученого.

ПРОШУ СЛОВА!

Юрий ИДАШКИН

В последние три-четыре года у нас много говорят и пишут о покаянии. Но примечательно, что покаяния чаще всего требуют от других, а те, от кого требуют покаяться, как правило, реагируют весьма агрессивно и, увы, не без некоторых резонов вопрошают: «А судьи кто?..» Вот и меня в свое время Н. Иванова печатно упрекнула в том, что я, «октябристский» критик 60-х годов, теперь приветствовал выход в свет романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Да, непоследовательность налицо.

Но если четверть века назад я отстаивал неверные взгляды, должен ли я сегодня быть последовательным, или обязан от них отказаться?

Разумеется, вопрос этот носит риторический характер. А ведь существенной частью современного литературоведения стал целеустремленный поиск цитат, как бы лишающих того или иного автора морального права на изменение не только частных оценок и мнений, но и концептуального взгляда на идеологические, политические и литературные проблемы. Не принимается во внимание даже срок давности. Но речь идет не об уголовной, а о моральной ответственности, возразят мне. Да, конечно. Но в отличие от уголовной моральная ответственность требует непременного признания обвиняемого. Иначе получается ситуация, которую можно было бы назвать комической, если бы она не затрагивала болевые точки. Я имею в виду очень серьезные моральные обвинения, выдвигаемые в адрес В. Солоухина, и его реакцию на них. Он непоколебимо убежден в своей правоте, а от него добиваются покаяния и уверяют, что ему же самому станет легче. Да не тяжело ему вовсе, и не стремится он ни к какому облегчению!.. То, что Е. Евтушенко, Г. Поженяну и Б. Сарнову представляется морально недопустимым, В. Солоухину кажется нормой поведения. И их попытки добиться его морального осуждения оказываются лишь мнением одной из сторон в споре. Потому что единомышленники В. Солоухина считают его героем сегодняшнего «сопротивления».

Когда я работал в «Литературной России», ныне широко известный отставной военный прокурор Шеховцов прислал в редакцию пространную статью (в которой, кстати, обильно цитировались высказывания С. С. Смирнова), где пытался доказать, что публикация «Доктора Живаго» за рубежом и присуждение роману Нобелевской премии — тщательно спланированная акция империалистических разведок. Исходя из наших знаний о жизни и деятельности С. С. Смирнова, мы можем предположить, что он сегодня обязательно испытал бы потребность в покаянии. А почему В. Солоухин должен каяться в том, что он сам виной не считает, а Шеховцов покаяться за доблесть?

Читая «уличающие» цитаты, я думаю, есть ли на свете более строгий моральный судья, чем человек сам себе. Раза два-три я встречал в печати цитаты из моих старых, четвертьвековой давности статей с соответствующей, конечно, современной оценкой. Откровенно скажу, я не усмотрел в этих цитатах криминала большего, чем я сам за собой знаю, который моим критикам и известен-то быть не может.

Начну издалека. Еще в раннем детстве я подружился со своим сверстником Лешей Гринштейном. Семнадцати лет он трагически погиб, а я продолжал часто бывать у его неутешных родителей — академика АМН СССР А. М. Гринштейна и профессора Н. А. Поповой. В 1952 году я прочитал в «Правде», что эти люди оказались «убийцами в белых халатах». В то, что Нина Алексеевна и Александр Михайлович кого-то могут убить, я, конечно, не поверил. Но бессонными ночами ломал голову: на какой же чудовищно хитроумной провокации агенты ЦРУ и «Джойнт дистрибьюшн комити» подловили и вовлекли в сотрудничество этих прекрасных людей. Вот на этот мой грех нет и не будет никакого срока давности...

И когда я думаю о прожитой жизни, меня мучит совесть — не по поводу десятка статей, которые были лишь закономерным следствием. Чего? Фанатизма в детстве и юности. Конформизма и охотно усвоенных стереотипов в зрелости. Знаю, что многие возмутятся. Как же можно так о святом?! Ведь десятки миллионов людей... Вот мне и стыдно, что я был среди тех десятков миллионов, которые бездумно верили и даже, утратив цель, как все фанатики, удваивали усилия, а не среди тех, пусть не миллионов, но, как теперь выясняется, тысяч, которые поняли чудовищную суть сталинщины, ее антиленинский, контрреволюционный характер. Нет, я вовсе не виню тех, кто, как и я, не понимал. Но как мне совестно, что я не сумел, не смог понять...

Впрочем, до Двадцатого съезда это было и впрямь очень сложно. Хотя, повторяю, были же люди, которые поняли. А у меня и в мыслях не было... Но после Двадцатого-то съезда? Тогда уж можно было сделать соответствующие выводы! Нет, я не сделал. Да, ужасался, да, возмущался тем, что деликатно именовалось «деформациями социализма» или еще более деликатно — «нарушениями социалистической законности». (Это я теперь понимаю, что нарушать можно только то, что есть. А чего нет — как нарушать...)

И мало того, что не сделал необходимых выводов. Так еще внутренне сопротивлялся прочитанному и услышанному. Цеплялся за малейшие поводы для сомнений, благо основания для них Н. С. Хрущев давал щедро. Своей непоследовательностью, шараханьями, взаимоисключающими формулировками...

Да и раздражало многое в Хрущеве и его политике. И вызывающее бескультурье, и нелепая страсть к славословиям, наградам, бесконечным речам (если бы знать тогда, **что** или, вернее, **кто** нас ждет...).

Впрочем, все это только фон. А в основе моих тогдашних умонастроений лежала тревога по поводу того, что на волне Двадцатого съезда поднимут (уже подняли!) головы различные враги социализма.

Сейчас удивляюсь: ну как же я мог не задуматься глубже, не понять, не выбрать верный путь. Ведь, несмотря на все метания Хрущева, существовала линия XX—XXII съездов партии и не в оппозицию мне следовало идти, не в подполье, а просто расстаться с обветшавшими догмами, додумать до логического конца те мысли, которые, что таить, время от времени приходили в голову. Но я их гнал. Привычнее, удобнее наконец, было думать, как прежде. Как большинство, которое, ко-

Идашкин Юрий Владимирович, кандидат психологических наук, член СП СССР. В 1962—1974 гг.— ответственный секретарь, член редколлегии ж. «Октябрь». В 1975—1980 гг.— работник госинспекции по качеству изданий Госкомиздата СССР. В 1980—1987 гг.— главный редактор «В мире книг». В 1987—1989 гг.— зам. главного редактора еженедельника «Литературная Россия». Автор десяти книг, в том числе — трех монографий о творчестве Юрия Бондарева.

ПРАВО НА ПОКАЯНИЕ

На исповедальнях в римском соборе Святого Петра надписи «английский», «французский», «немецкий», «испанский» — языки, на которых у испытывающих потребность облегчить душу примут исповедь. Но, наверное, в исповеди важнее, чтобы слово было не понято, а произнесено. Конечно, если исповедующийся хочет облегчить душу, а не участь. Участь — это уже по части суда мирского. Но те, кто ищет помощи у адвоката, обычно к исповеди не торопятся...

нечно же, всегда и во всем право. Да и в редакции «Октября», куда в значительной мере по воле случая, благодаря личному знакомству с В. А. Кочетовым, я попал в 1962 году, царила атмосфера, вовсе не стимулировавшая сомнения.

Ныне и «Новый мир», и «Октябрь» чаще всего поминаются в печати как символы. И в этом, конечно, есть резон. Но думаю, что в свое время будет предпринято объективное литературоведческое исследование, которое покажет, что двух красок маловато для характеристики тогдашней литературной борьбы и ее лидеров. Безусловно, заслуживает непредвзятого анализа фигура Всеволода Кочетова, человека, даже по свидетельству многих его непримиримых оппонентов, честного, искреннего, убежденного и, добавлю, поскольку близко знал его, совсем не столь однолинейного, как принято считать.

Я уже имел случай кратко высказаться на эту тему («Искусство кино» № 7, 1988). Возможно, напишу об «Октябре» шестидесятых и В. Кочетове и подробнее. Сейчас же хочу лишь напомнить о том, что Кочетов, несмотря на уговоры, отказался подписать пресловутое «письмо одиннадцати», которое, как полагают, сыграло роковую роль в судьбе «Нового мира» и А. Т. Твардовского. Уточню, что не сделал этого Кочетов не потому, что изменил свое отношение к «Новому миру», а потому, что, как он сказал, это письмо «выходит далеко за рамки литературной полемики».

Сейчас много говорят и пишут о соотношении общей и индивидуальной ответственности. Применительно не к уголовной, а к моральной ответственности, я думаю, так: каждый несет не только прямую ответственность за то, что сделал лично, но и за то, что явилось плодом коллективных усилий. И я полностью признаю себя ответственным за все публикации «Октября» в то время, когда был членом его редколлегии. Мера и степень личного участия в той или иной публикации, даже запротоколированные возражения против отдельных из них не имеют значения. Только выход из редколлегии в знак протеста снимает эту ответственность. А я в отставку не подавал...

Я акцентирую внимание на этом не только для того, чтобы внести полную ясность в свою позицию, но и чтобы побудить к размышлениям некоторых уважаемых писателей, чьи фамилии стоят сегодня на изданиях, за которые уже сейчас должно быть стыдно, а станет еще стыднее. Нравственного алиби у них не будет.

Легко ли отказываться от заблуждений? Нет. И главное препятствие не интеллектуального, а чисто эмоционального характера. Все чаще слышишь и читаешь: «Так что же, если все, что теперь стало известно, правда — значит, я зря жизнь прожил?!» Ну, во-первых, смысл жизни в ней самой, а если думать иначе, то полное удовлетворение от прожитой жизни могут получить лишь несколько десятков гениев. А, во-вторых, какого ответа ждут задающие такой вопрос? Поскольку признать, что жизнь прожита зря, негуманно, отменим наши сегодняшние знания, вернем Сталину, а затем и Брежневу их прежние титулы и станем вымирать от голода, нищеты и болезней, но в состоянии глубокого морального удовлетворения?..

И все же я по собственному опыту знаю, как то и дело взыгрывают обиды, как трудно смириться с сознанием того, что многие были проницательнее, тверже, смелее. Да и те, кто сурово требует покаяния, не очень-то спешат с отпущением грехов. В уже упомянутом письме в редакцию журнала «Искусство кино», оспаривая некоторые искажения фактов, я признал ошибочность своих прошлых взглядов, попытавшись объяснить их перемену горькими прозрениями в тяжкий период застоя. Но в редакционном послесловии мне было указано: «литераторы, которым нет нужды хлопотать, чтобы их читатели уяснили разницу между изменой убеждениям и изменением убеждений, выглядят, по нашему мнению, как-то привлекательнее». Надо ли разъяснять, что провоцируют на спор подобные формулировки, какое вызывают острое желание укрыться за редутами прежних ложных представлений и оттуда вести заградительный огонь — благо многие из поучающих не так уж неуязвимы. Ведь как ни «хлопочи», все равно останешься «человеком второго сорта». Разумеется, покаяние совершается не для включения в наградные списки. Но никто не вправе щелкать бичом в исповедальне. Я сужу себя сам и никого не призываю следовать моему примеру. А все же не воздерживаются ли некоторые от признания прежних ошибок, страшась высокомерного обвинения в «непривлекательности»?

О качествах своего характера судить нелегко. Вроде бы особой храбростью не отличался, но и труса как будто не праздновал. Помнится, на борту самолета, который чуть не попал в катастрофу, не испугался. Может быть, не успел? А вот омерзительный, до слабости в сердце испуг мгновенно испытал, когда в бытность работником Госкомиздата СССР позвали меня в приемную председателя к «вертушке» — телефону правительственной связи,— и я услышал: «С вами говорит Воронцов, помощник Михаила Андреевича Суслова...», а затем длиннющую тираду, в которой было немало непечатных выражений. Оказалось, что одна из моих служебных записок с критикой «Сельского календаря» крепко задела материальные интересы помощника нашего главного идеолога. Не ограничиваясь бесконечными переизданиями сборников афоризмов известных деятелей науки, литературы и искусства, над которыми он ставил свою фамилию и получал не составительский, а авторский гонорар, доктор филологических наук Воронцов, как оказалось, подрабатывал и в редакции «Сельского календаря»... Испугался я не зря. Если бы не корректное, но весьма решительное заступничество тогдашнего председателя Госкомиздата СССР Б. И. Стукалина, стать бы мне безработным.

Зато, когда в прошлом году мне позвонил председатель правления Союза писателей РСФСР, главный редактор всесоюзного сатирического журнала «Фитиль», действительный член Академии педагогических наук СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР С. В. Михалков и начал примерно в тех же выражениях, что и Воронцов, выговаривать за подписанную мною в печать статью, я уже не испугался. Другие времена? Но если тогда, в 1975 году, я испугался не зря, то нынче зря не испугался. Ибо, несмотря на другие времена, С. В. Михалков совместно с Ю. В. Бондаревым и отставным контр-адмиралом Зиминым, который всерьез вознамерился командовать российской литературой, сделали то, что в разгар застоя не решился сделать влиятельный помощник всемогущего Суслова: удалили меня из редакции «Литературной России», даже не озаботившись приисканием какой-либо законной формулировки*. Они уверены, что инерции созданной Сталиным командно-бюрократической машины на их век хватит.

Но, конечно, уволили меня не в отместку за невольно доставленное С. В. Михалкову неудобство. Дело значительно серьезнее. На нескольких заседаниях секретариата правления СП РСФСР, в том числе на широко известном рязанском, неоднократно высказывалась мысль, что СП РСФСР (разумеется, не союз в целом, не сотни писателей, ведущих в городах и городках российской глубинки изнурительную борьбу с бедностью и произволом, равнодушием и хамством, а звездоносные руководители) не имеет «органа быстрого реагирования». Ибо единственный еженедельник, который мог бы выполнять эту функцию,— «Литературная Россия» — со всей очевидностью обнаружил нежелание стать «истребителем-перехватчиком». Не буду напоминать читателям «Огонька» историю изгнания из «Литературной России» ее главного редактора Михаила Колосова: она еще свежа. Вслед за ним настал и мой черед. Конечно, второй заместитель главного редактора не имеет реальных возможностей определять линию газеты. И с этой точки зрения мое выдворение из редакции, да еще с грубейшим нарушением закона, казалось необязательным. Но только на первый взгляд. Ведь рассуждения Юрия Бондарева о плюрализме, с которыми он выступил перед избирателями (см. «Огонек» № 15), в действительности имеют своей целью защитить лишь право Нины Андреевой на ее статью и его, Юрия Бондарева, право требовать возвращения Волгограду не исконного названия — Царицын, а имени Сталина. Терпеть же инакомыслящих, несогласных с его и его единомышленников взглядами сегодняшний Юрий Бондарев категорически не желает.

Характерно, что вся работа секретариата СП РСФСР ведется в обстановке почти полного единогласия. Страсти кипят на пленумах и заседаниях секретариатов СП СССР, Московской писательской организации, но полистайте стенограммы заседаний секретариата СП РСФСР: в дружных семьях не встретишь подобного единодушия. Надо ли разъяснять, какая большая организационная работа должна в наше бурное время скрываться за этим согласием? Нельзя не отдать должное и той энергии, которую при всей своей занятости общественными делами и творческой работой отдает Юрий Бондарев подготовке литературной смены. Для этого он не жалеет ни времени, ни сил. И скоро, надо полагать, на выездных заседаниях секретариата СП РСФСР зазвучат новые, уверенные молодые голоса, которые надежно защитят демократию, гласность, плюрализм от «Огонька», «Книжного обозрения», «Недели»...

Меня, автора многих статей и трех книг о творчестве Юрия Бондарева, часто спрашивают: что случилось с популярным писателем? У меня нет ответа на этот вопрос. Но существуют десятки различных причин, по которым писатель в разные периоды своей жизни входит в согласие или вступает в идейно-нравственное противоречие со своими же собственными книгами. Юрий Бондарев не первый и, уж во всяком случае, не единственный. Важно подчеркнуть, что избиратели Волгограда и Саратова голосовали не против автора «Тишины», «Горячего снега», «Родственников», «Выбора», а против общественного деятеля. А вопрос, почему Юрий Бондарев и некоторые другие писатели двинулись в годы перестройки назад, конечно, остается.

И когда я слышу, как Иван Стаднюк в ответ на упреки по поводу апологии сталинизма, содержащейся в романе «1941 год», возмущается: «разве не я написал „Люди не ангелы"?» — меня охватывает недоумение. Существуют два произведения, написанных в разное время. В одном автор обнаруживает понимание сути сталинщины, а в другом — нежелание ее отобразить. И Михаил Алексеев любит вспоминать о трудном пути к читателю тех своих произведений, где вскрывается антинародная суть сталинской аграрной политики. Честь ему и хвала за них. Но выставлять их в качестве прикрытия неприглядных своих общественных и редакторских поступков как тогдашнего, так и нынешнего времени не стоит...

Оглядываюсь назад, в уже далекие шестидесятые. Вспоминаю долгие беседы в редакции «Октября», встречи с авторами, выступления перед читателями. Это ведь не просто страница моей биографии, это важный урок жизни. Сегодня я не могу не сопоставлять, не сравнивать, не анализировать. Многие руководители СП РСФСР, редакторы и авторы журналов «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» часто и громко, как и мы в «Октябре» когда-то, говорят о своем патриотизме, о готовности защитить Отечество от врагов внешних и внутренних, пекутся об интересах народа. Нет никаких оснований сомневаться в их благих намерениях. Но любовь к Отечеству не может быть профессией. Она должна стать стимулом деятельности, созидательной, конструктивной. «Никогда» и «как бы чего не вышло» не могут сейчас спасти страну...

Когда-то мы в «Октябре» опасались жупела контрреволюции и антисоветизма, подрыва основ Советской власти и размывания ее идейной платформы. А выходит, вложили свою лепту в утверждение режима, принесшего неисчислимые беды стране, народу и не в воображении, а на деле отобравшего власть у Советов, бросившего тень и на идеологию, и на практику социализма. И сколько ни отмежевывайся сегодня от Брежнева, Суслова, Черненко, каждый из нас обязан сурово спросить себя: а не помогал ли им утвердиться и ты сам?

Не может быть места никаким личным амбициям, никакому самолюбию, когда речь идет об уроках прошлого. Мы потеряли право на новую ошибку: нам уже нечем будет платить за нее. Я не столь наивен, чтобы надеяться в чем-то убедить единомышленников Нины Андреевой. Но пусть мои заметки побудят к размышлениям тех, кто еще не сделал выбора.

* Секретариат правления СП СССР признал постановление секретариата правления СП РСФСР об освобождении Ю. В. Идашкина от обязанностей заместителя главного редактора еженедельника «Литературная Россия» нарушающим трудовое законодательство и предложил это постановление отменить.

ПОД ЭТОЙ РУБРИКОЙ ЖУРНАЛ НАЧИНАЕТ ПУБЛИКОВАТЬ РЕТРОСПЕКТИВУ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИЙ, СНИМКОВ ИЗ ЛИЧНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ, ФОТОВЕРНИСАЖЕЙ ИЗВЕСТНЫХ И МАЛОИЗВЕСТНЫХ ФОТОГРАФОВ.
СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИНОФОТОДОКУМЕНТОВ СССР.

КРУШЕНИЕ ЦАРСКОГО ПОЕЗДА

Альберт ЮСЬКИН

Среди дореволюционных документов, хранящихся в Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР (ЦГАКФД СССР) имеется фотоальбом «Крушение царского поезда». На снимках, сделанных харьковским фотомастером А. Иваницким, зафиксирована картина ужасного разрушения: остатки вагонов, исковерканные железные фермы, вырванные двери, разбитые шпалы, изогнутые рельсы.

С какими событиями связаны эти фотографии? Об этом рассказывает в своих воспоминаниях выдающийся юрист, талантливый писатель-мемуарист А. Ф. Кони, возглавлявший следственную комиссию по делу о крушении.

17 октября 1888 года Россию облетела внезапная весть: «Царский поезд, в котором вся семья Александра III возвращалась из Ливадии в Санкт-Петербург, потерпел крушение недалеко от небольшой станции Борки под Харьковом». Семья монарха по счастливой случайности осталась жива. Из царского сопровождения на месте катастрофы погибло 19 человек, 14 человек были тяжело ранены.

От неминуемой гибели царскую семью спасло невероятное: амортизационные тележки, на которых крепилась коробка вагона, от удара, громоздясь одна на другую, составили пирамиду. Падающая крыша одним концом уперлась в эту случайно возникшую опору, и, «не дойдя до земли 2½ аршина, образовала с полом треугольное отверстие, из которого и вышли все, обреченные на смерть, изорванные, испачканные, но целые».

В обществе поползли слухи, что крушение поезда — дело рук революционеров. В памяти были еще живы события недавнего прошлого — убийство народовольцами царя Александра II в 1881 году, покушение на жизнь Александра III в 1887 году.

Однако по мере работы следственной комиссии становилось ясно, что истинная причина трагедии никак не связана с политическими обстоятельствами. «Министр внутренних дел,— как пишет Кони,— со своей стороны нашел, что дело не представляет ни малейшего намека на политическое преступление».

Вместе с тем следствие установило многочисленные факты нарушения железнодорожных правил.

Как это ни парадоксально, но грубейшие нарушения правил производились по личному указанию лиц, ответственных за безопасность движения царского поезда: министра путей сообщения К. Н. Посьета, главного инспектора железных дорог К. Г. Шернваля, начальника личной охраны царя генерал-адъютанта П. А. Черевина.

Министр Посьет, угождая сановным лицам, желающим ехать в свите царя, давал распоряжения на присоединение дополнительных вагонов. Он не возражал и когда Черевин требовал от машинистов держать максимальную скорость в пути.

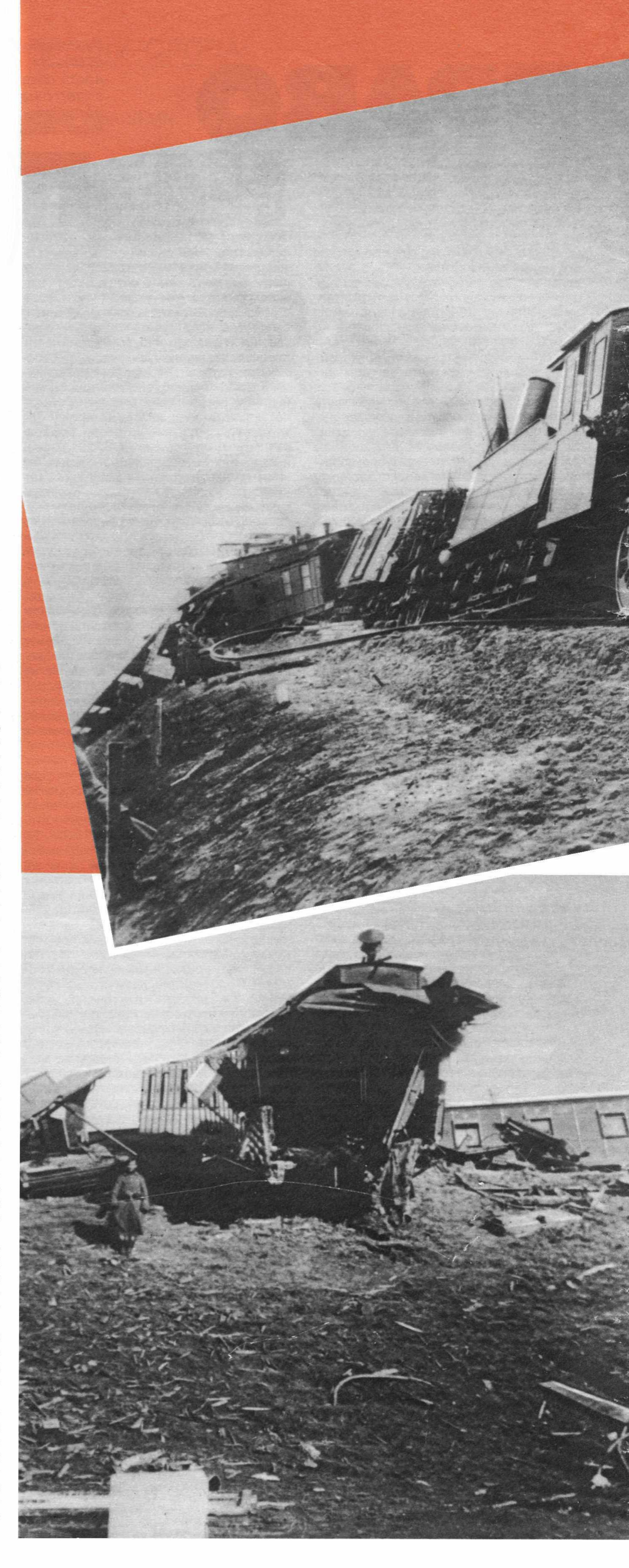
Народная мудрость гласит: «Где тонко, там и рвется». Участок дороги Тарановка — Борки, где разыгралась трагедия, был поспешно уложен летом 1886 года и к осени 1888 года находился в аварийном состоянии. Таким образом, перегруженный царский поезд несся на громадной скорости по неисправному пути.

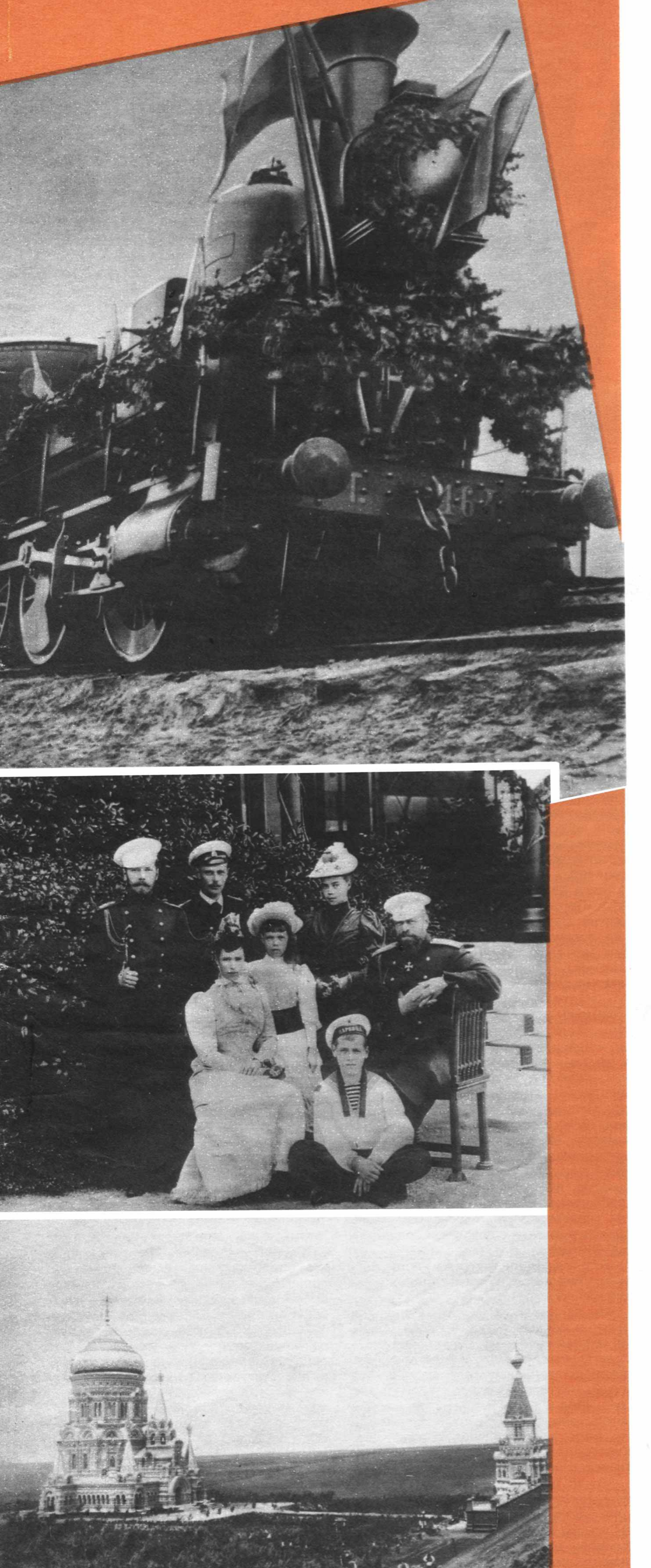
Постепенно в ходе следствия все яснее вырисовывалась картина хищнической эксплуатации железной дороги представителями управления акционерного общества. Следственная комиссия вскрыла массу злоупотреблений: с целью получения прибыли технологические правила при строительстве дороги нарушались, шпалы делались из бросового дерева, вместо песка для насыпи использовался шлак.

Чистый доход Курско-Харьковско-Азовской дороги с 337 тыс. руб. в 1880 году увеличился до 5,5 миллиона в 1887 году, а заложниками в этой гонке за «золотым тельцом» были перевозимые пассажиры.

Правительственный инспектор Н. А. Кронеберг всячески пытался оградить государственную казну от грабежа и злоупотреблений зарвавшихся предпринимателей.

Со временем Кронеберг, «видя полное отсутствие поддержки со стороны министерства и наглое торжество правления», махнул на все рукой и сделал вывод, что «один в поле не воин». Завершилась его многотрудная борьба примечательным фактом: «министр Посьет выдал дороге похвальный аттестат».

Следственная комиссия министерства юстиции закончила свою работу в середине ноября. Вся Россия с нетерпением ждала разъяснений о крушении в Борках. Газетные сообщения муссировали различные версии и догадки. В светском обществе прошел слух, что могут быть неприятности у сановных лиц. Заключение следствия с большой заинтересованностью ожидал и царь.

И никто не мог предположить, сколь решительный шаг готовился сделать председатель комиссии А. Ф. Кони. «19 ноября я получил телеграмму министра юстиции Манасеина,— пишет Кони,— которою он вызывал меня в Петербург для представления государю личных объяснений по делу... Я решился при этом раскрыть перед государем всю доступную мне картину беззастенчивых хищений и злоупотреблений железнодорожного мира». На основании материалов следствия Кони собирался привлечь к ответственности коррумпированную группу крупных предпринимателей и чиновников этого ведомства вплоть до министра Посьета.

Привлечь к уголовной ответственности министра? В условиях царского самодержавия эта мысль звучала невероятно. За всю историю России еще не было подобного прецедента. Да и российский суд не обладал правом привлечения к ответственности лиц столь высокого ранга. Но Кони не терял надежды.

Царь принял А. Кони в одной из своих комнат Аничкова дворца. В течение часа Кони знакомил государя с выводами комиссии и в заключение сказал: «Если характеризовать все происшествие одним словом, ...то можно сказать, что оно представляет сплошное неисполнение всеми своего долга».

Потрясенный услышанным, Александр III воскликнул: «Что же это такое? А что же делала инспекция? Как же вы тогда все это объясняете?» После продолжительной паузы последовал ответ: «Бюрократическим устройством наших центральных управлений, стоящих очень далеко от действительной жизни и ее потребностей и погруженных в канцелярское делопроизводство. Так было и здесь: в то время как инспектор Кронеберг, возмущенный наглым грабежом казны, бился на месте, как пульс живого организма, его лихорадочное биение, долетая в Петербург в виде официальной бумаги... ждало своей очереди и медленно, переходя по инстанциям, бездушно и формально перерабатывалось мертвым канцелярским механизмом. То, что на месте было криком наболевшей души честного человека, обращалось на Фонтанке в переписку за №, которая ни о чем не вопила».

Выражая мнение о необходимости привлечь к ответственности членов правления дороги, Кони сказал: «Не скрою от Вашего Величества, что возложение ответственности на правление вызовет горячие возражения, так как до сих пор считалось, что за железнодорожные несчастья ответствуют обыкновенно лишь низшие чины железнодорожного управления, вроде стрелочников, сторожей и т. п., между тем как те, кто извлекает выгоду из крайнего истощения служащих и от допущения гибельных беспорядков, остаются всегда в стороне, получая громадные оклады и нередко посмеиваясь над правосудием... Этому надо положить предел...»

Он также разъяснил царю, что привлечение сановных лиц — генерал-адъютантов Посьета и Черевина, барона Шернваля — выходит за пределы полномочий суда, и добавил: «Думаю, однако, что без привлечения этих лиц... дело представится в крайне одностороннем виде и может вызвать толки, несогласные с достоинством нелицемерного правосудия». «Да, конечно,— прервал его Александр III,— все, кто виновен, должны подлежать ответственности, невзирая на их положение. Это должно быть сделано... Мне теперь все ясно, желаю Вам успеха в этом трудном деле».

Решительная поддержка царя способствовала активным действиям органов юстиции. В декабре по инициативе Кони Харьковская прокуратура привлекла к ответственности председателя правления дороги барона О. Ф. Гана, «хищника, доведшего дорогу до истощения из личных выгод», и несколько членов правления. На общество это произвело чрезвычайное впечатление. «Когда молва о привлечении Гана распространилась за пределы Харькова, во всех правлениях частных дорог забили тревогу... Стали доказывать, что это противоречит «всем законам божьим и человеческим». В разных местах стали вопить «...о нарушении священных прав господ железнодорожных заправил».

На Кони начали оказывать массированное давление.

По Высочайшему указанию министр юстиции в феврале 1889 года внес в Государственный совет Представление о порядке привлечения к ответственности и предания суду министров. В России такой законодательный акт появился впервые.

Для спасения от судебной кары министра Посьета и его помощника Шернваля в ход был пущен полный набор казуистики и бюрократических проволочек. После многих заседаний особое присутствие Государственного совета приняло решение отказаться от направления дела в Верховный суд, а «сделать выговор Посьету и Шернвалю без внесения его в формуляр». Высшие чиновники государственной власти не посчитались с желанием царя «наказать виновных».

Выслушав доклад министра юстиции о состоявшемся решении, Александр III сказал: «Как выговор, и только? И это все? Удивляюсь!.. Но пусть будет так...» По всей видимости, государь ясно понимал пределы своей «самодержавной власти».

Интересна аргументация царских сановников, с помощью которой они добились выгодного для себя решения. Так, на одном из заседаний выступил министр внутренних дел граф Д. А. Толстой. Не отрицая вины Посьета, он сказал: «Однако можно ли допустить привлечение министра к судебной за это ответственности?... Министр стоит так высоко в глазах общества и имеет такую обширную область влияния, что колебать авторитет этого звания публичным разбирательством и оглаской... представляется крайне опасным». Далее с большим волнением он прочитал выдержку из книги историка Карамзина: «Пусть государь награждает достойных своею милостью, в противном случае удаляет недостойных без шума тихо и скромно».

Данное пожелание было исполнено. Министр путей сообщения К. Н. Посьет был отстранен от должности, но «отделался простым выговором и назначением в члены Государственного совета с сохранением своего министерского оклада».

Потерпев фиаско в борьбе за справедливое решение, Кони понял, что опять под суд отдадут только «мелкую сошку».

При новой встрече с царем Кони сказал следующее: «Будет грустно, если все дело канет в вечность без ознакомления общества со всеми открытыми злоупотреблениями, так как иначе все будет продолжаться по-старому, а в обществе начнут ходить вымыслы и легенды очень нежелательные». «Нет,— сказал государь,— этого не будет, я прикажу напечатать подробный обзор дела... Ваш большой труд не пропадет даром».

Но, несмотря на волю монарха, никакого правительственного сообщения в печати сделано не было.

Прошли годы... В степи на месте крушения, в память «чудесного избавления Царской семьи» был построен храм (скит). И как жаль, что внешний облик храма в Борках сохранился только в архивных документах.

КОМУ НУЖЕН НАШ «АВАНГАРД»?

Василий ПУШКАРЕВ

...Уезжая в начале 1927 года в Берлин — на собственную выставку,— Казимир Малевич взял с собой картины, гуаши, рисунки, архитектоны, теоретические таблицы, некоторые рукописи, что и составило экспозицию. В Варшаве, где остановился Малевич по пути в Берлин, по определению самого Малевича, выставка была «крохотная», она состояла из нескольких (около 30) картин и теоретических таблиц К. С. Малевича, М. В. Матюшина и П. А. Мансурова, а сам Малевич был там всего около трех недель.

Несмотря на это, выставка имела огромный успех. Из Варшавы Малевич писал Матюшину в конце марта: «Дорогой Миша, демонстрировал твои таблицы, равно и свои. И то и другое производит сильный интерес. Эх, вот отношение замечательное. Слава льется как дождь...»

В Берлине выставка была развернута полностью. На ней были показаны по крайней мере 70 картин (около трети которых — супрематизм), рисунки и архитектоны. Выставка не имела самостоятельного каталога. До ее закрытия Малевич был отозван из Берлина и возвратиться уже не имел возможности: его просто не пустили. Выставка была оставлена на попечение архитектора Гуго Херинга и его жены, русской по происхождению. С этих пор началась почти детективная история мытарств картин Малевича по разным местам и у разных хранителей, история продаж некоторых из них и исчезновения большого числа значительных работ.

В 1935—1936 годах изрядно потрепанная коллекция картин Малевича вернулась к Гуго Херингу, первому ее хранителю, и оставалась у него до 1958 года. В 1958 году музей Стеделийк в Амстердаме приобрел у Гуго Херинга 36 картин и гуашей, 15 рисунков и 18 так называемых «таблиц». Это составляет примерно половину того, что входило в берлинскую экспозицию. 18 картин исчезли (по новым данным — 21), 11 попали в коллекции музеев (7 — в Нью-Йоркский музей современного искусства, 1 — в музей Гуггенгейма в Нью-Йорке, 1 — в Йельский университет, 2 — в Кунстмузеум в Базеле) и 8 — в различные частные коллекции.

В начале 70-х годов, будучи директором Государственного Русского музея, я обратился в Министерство культуры СССР и в Инюрколлегию с тем, чтобы вернуть эти произведения на родину. Такая возможность была. Перед этим удалось вернуть из Швеции несколько картин Петрова-Водкина, в том числе «Купание красного коня», застрявших там с выставкой со времени первой империалистической войны 1914 года.

Министерство культуры СССР откликнулось письмом в Инюрколлегию с просьбой возбудить ходатайство о возврате из Голландии произведений Малевича, указывая на их большую ценность. В письме сообщалось: «Достаточно сказать, что супрематический рисунок на Лондонском аукционе был продан за 1200 фунтов стерлингов». Тогда это казалось баснословно дорого!

Инюрколлегия вела переписку с Русским музеем и советским посольством в Голландии. Русский музей не мог представить никаких конкретных сведений о произведениях Малевича, отправленных на выставку в Берлин. Каталога этой выставки не было, также никаких документальных подтверждений, сколько произведений и на каких условиях Малевич оставил Херингу.

Введенные в права наследства — вдова художника, его дочь, сестра и внучка — также не обладали конкретными документальными сведениями для возбуждения иска о возврате картин Малевича. Кроме того, вдова, запуганная постоянной травлей за «формализм Малевича», наотрез отказалась как-либо участвовать в этом деле. Дочь Уна хотя и проявляла некоторый интерес, но тоже уклонилась от предъявления иска на том основании, что в Амстердаме картины Малевича показывают в экспозиции, а у нас они все равно в запасниках.

Не надо забывать, что сам Малевич и его искусство постоянно подвергались гонениям. А в 1937 году перед вновь назначенным заведующим отделом советского искусства Русского музея Я. П. Пастернаком руководящими органами была поставлена задача «ликвидировать последствия вредительства и устранить произведения Малевича из музея».

Запуганы были не только вдова Малевича и его родственники, запуганы были художники, ценившие творчество Малевича или учившиеся у него.

Ученица Малевича А. А. Лепорская, известная художница-фарфористка, имела рисунки Малевича. Парижский визитер, хорошо владеющий русским языком, обманным путем забрал, а вернее, выкрал у нее 10 рисунков и укатил с ними из Ленинграда в Париж. Анна Александровна не только не заявила о пропаже, но боялась даже заикнуться об этом, чтобы не стало известно, что она хранила у себя рисунки «отъявленного формалиста».

В этих условиях возбуждение ходатайства о возврате произведений Малевича на родину возможно было только на правительственном уровне, чего, конечно, никто не пытался делать.

Таким образом, вопрос о возврате картин отпал, и в Амстердаме, в музее Стеделийк, оказалась самая значительная коллекция произведений Малевича за границей. Музей гордится этим «уникальным приобретением» и считает коллекцию картин Малевича одним из значительных достоинств своего собрания.

В 1972 году Арманд Хаммер подарил Эрмитажу женский портрет работы Гойи. Министерство культуры СССР, в свою очередь, решило подарить Хаммеру Малевича. Тем более что в разговоре с министром Хаммер довольно прозрачно «намекнул», что он давно и страстно желал иметь в своей коллекции картину Малевича.

Где ее взять? Конечно, в Русском музее! Начальник ИЗО Министерства культуры СССР Г. А. Тимошин позвонил мне в Ленинград и велел прислать картину Малевича в Москву. Я отказался это сделать. «Тогда будет приказ!» — пригрозил он. «Приказ будет выполнять другой директор»,— ответил я. Основным мотивом моего отказа было то обстоятельство, что картины Малевича были на временном хранении и не принадлежали Русскому музею. О тех же, которые принадлежали ему, я, конечно, умолчал.

Тогда Хаммеру подарили лучшую работу Третьяковской галереи «Динамический супрематизм» 1914 года. Приказ подписала Е. А. Фурцева. Картину для передачи получил заместитель начальника Управления изобразительных искусств и охраны памятников А. Г. Халтурин.

Хаммер обомлел от такого подарка, но ненадолго. Вскоре он продал картину «фабриканту шоколада из Аахена и ненасытному покупателю произведений искусства Петеру Людвигу». Хаммер просил миллион двести тысяч марок. Сторговались за один миллион марок. Для сравнения: тот же Людвиг в марте 1982 года приобретает у Союза художников СССР через салон или «Международную книгу» 84 картины 54 авторов, 10 скульптур 4 авторов, 147 графических работ 50 авторов, а всего 241 произведение в основном ныне здравствующих художников лишь за 500 000 марок. Вот так!

1975 год. В Англии у частного лица обнаруживаются важные для нас архивные письма.

Что за них дать? Опять Малевича. И опять обращаются в Русский музей. На сей раз начальник Управления изобразительных искусств и охраны памятников по телефону говорит мне, что ему (министерству, следовательно) для сравнения и атрибуционных изысканий нужны две лучшие работы Малевича. Ну, коль для сравнения и атрибуции, я согласился выдать работу «Супрематическая композиция».

Вышло по пословице — на всякого мудреца довольно простоты. Все лучшие работы Малевича, какие имеются в Русском музее, нами были изъяты из фондов, карточки на них вынуты из инвентарной картотеки, и все это было спрятано в особую комнату, на обшарпанной двери которой висели амбарный замок и табличка: «Ход на чердак».

Присланная мною работа Малевича не удовлетворила взыскательных запросов министерства. В Русский музей приезжает комиссия из двух человек с наказом — все проверить и отобрать лучшую работу. Комиссия приехала, «все» осмотрела, естественно, ничего лучше той картины, которую я отправил в Москву, и второй («Супрематическое построение цвета»), предназначенной к отправке, не нашла и увезла с собой эту «фанерку», как выражались тогда.

Однако и вторая картина Малевича была забракована. Лучшая вещь опять нашлась в Третьяковской галерее — это «Динамический супрематизм» (называемая также «Супрематизм № 57») 1916 года, которая и отправляется в частные руки в Англию в обмен на письма. В дальнейшем эта картина приобретается Тейт Галери за 2 миллиона марок.

Таким образом, две лучшие работы Малевича супрематического цикла Третьяковская галерея потеряла навсегда. Обе картины были получены галереей в 1929 году из Музея живописной культуры после его ликвидации. Обе они были известны и за рубежом, и не случайно наследники английского адресата архивных писем, менявшие их на картину Малевича, согласились именно на уникальную вещь из Третьяковской галереи.

Удивительна была процедура выдачи картин из ГТГ. Она запутана и завуалирована настолько, что нужен не один комиссар Мегрэ, чтобы ее распутать. Если это секрет, значит, знали, что творят недоброе.

Картину «Динамический супрематизм» галерея выдала, оказывается, не Хаммеру, а Министерству культуры СССР на постоянное хранение через его представителя, причем даже без сопроводительной доверенности. Еще более романтичной и замаскированной была выдача из ГТГ картины Малевича 1916 года. Во-первых, она выдана даже не Министерству культуры СССР для передачи владельцам архивных писем, а представителю воинской части, некоему товарищу Костырину, без указания какого-либо документа, удостоверяющего эту загадочную личность. Судя по акту (16. XII. 1975 года), произведение Малевича, находящееся в «удовлетворительном состоянии сохранности», именно Костырину «выдается постоянно со списанием с баланса ГТГ».

Иногда сотрудники Министерства культуры вдруг проявляли некоторую «сообразительность» и способность к «коммерческим делам». Так, в 1974 году коллекционер произведений искусства из Кёльна Вильгельм Хак предложил в Москве письмо Ленина.

Он желал получить за него картину Малевича. Однако министерство проявило сдержанность и в качестве «благоразумной цены» передало ему Кандинского 1913 года, и Хаку пришлось на этом «примириться». Абстрактная работа, которую русский художник написал в свой мюнхенский период, украшает недавно открытый музей Вильгельма Хака в Людвигсгафене.

Как же на деле проявилось это благоразумие? 13 февраля 1974 года за подписью заместителя министра культуры СССР В. И. Попова была послана правительственная телеграмма в Пермскую картинную галерею с просьбой «немедленно направить сопровождающим адрес министерства картину Кандинского». Протесты директора галереи и его сотрудников не увенчались успехом, и уже 21 февраля был издан приказ Министерства культуры СССР, который поручал Министерству культуры РСФСР «передать в постоянное пользование Всесоюзному производственному комбинату Министерства культуры СССР картину Кандинского «Фантазия» 1913 года и исключить из инвентаря», о чем и был направлен в Пермскую картинную галерею приказ Министерства культуры РСФСР за подписью Зайцева. Как видно, методика таких передач была отработана довольно тщательно и направлена на то, чтобы запутать следы таких передач.

Руководство Пермской галереи и ее сотрудники до сих пор так и не знают судьбы принадлежавшей им картины Кандинского. Мало этого, в актах выдачи, при исследованиях и заключениях института реставрации о том или ином произведении не указывался размер вещи, подписи, надписи и другие характерные признаки, кроме инвентарного номера.

Когда просматриваешь умышленно запутанные документы выдачи картин Малевича, не покидает чувство, что функционеры министерства из кожи лезли вон, чтобы «очистить» сокровищницу русского национального искусства от «формалистических» произведений.

Да и раньше не один десяток превосходных произведений советских художников 1920—1930-х годов был отправлен из Третьяковской галереи в Государственный архив художественных произведений, а проще — в Загорск, в неотапливаемую башню Троице-Сергиевой лавры — почти на верную гибель. Правда, многие из них позже пополнили коллекцию Русского музея в Ленинграде.

Итак, вся коллекция работ Малевича после смерти художника находилась в Русском музее на временном хранении. В 1976 году без особого труда мне удалось договориться о ее приобретении. Министерством культуры СССР была выделена символическая сумма денег близким художника. Вдова и на этот раз категорически отказалась получать какие-либо деньги и просила только об одном — оставить ее в покое. Тем не менее покупка состоялась. Дочь Уна пожелала оставить у себя три небольшие картины Малевича, главным образом семейного значения.

Теперь в Русском музее самая богатая коллекция произведений Малевича. К 12 имевшимся картинам прибавилось 88, и к 25 графическим произведениям прибавилось 11, в итоге — 136 произведений Малевича находится в Русском музее.

Но можем ли мы, наконец, сегодня оставаться спокойными за судьбу произведений наших художников 1920—1930-х годов? Конечно, нет! Недавно, в условиях демократии и гласности, но при изоляции Союза художников СССР и самоустранении Советского фонда культуры Министерства культуры СССР задумало и провело совместно с фирмой «Сотбиз» аукцион по продаже современного советского искусства и рисунков авангарда 1910—1932 годов. Начальник Управления изобразительных искусств и охраны памятников Генрих Попов утверждал, что там будут продаваться «почеркушки» таких художников, как Удальцова, Древин, Родченко, Степанова и других. (Достойно удивления, что не дошли до продажи «почеркушек» Малевича, Кандинского, Филонова!)

В общем прошедший аукцион современного советского искусства надо приветствовать. Он на многое открыл нам глаза и поставил много вопросов и проблем. Например, аукцион заставил задуматься над тем, почему все экспонаты русского авангарда, созданные вплоть до 1930-х годов, были проданы значительно дороже первоначально намеченных цен? Нам кажется, одной из причин этого является то, что мы недостаточно ценим и очень плохо знаем наше искусство этого периода в силу сложившегося и длительное время официально культивировавшегося отношения к нему как к формализму.

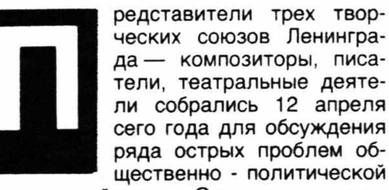
Мы недооцениваем искусство русского и советского авангарда. Только этой недооценкой и ослепленно-отрицательным к нему отношением, особенно лиц, руководящих искусством, можно объяснить, что в результате этого аукциона нанесен определенный ущерб национальному культурному достоянию. Мы утратили две композиции Удальцовой, превосходную вещь Степановой и два шедевра мирового значения Александра Родченко. Это «Композиция», 1916, и «Линия», 1920. Эта последняя при кажущейся простоте по своей напряженности и творческой энергии, заключенной в ней, вплотную приближается к лучшим вещам Казимира Малевича супрематического цикла.

«Московские новости» писали перед аукционом: «Но если музейные эксперты и искусствоведы посчитают, что национальному культурному достоянию будет нанесен ущерб, то продажу запретят». Во-первых, у нас нет органа, обладающего правом вето, а во-вторых, функционерам от искусства все равно доказать ничего невозможно, а власть — у них!

Попытка снять с продажи вещи Удальцовой, Древина, Родченко и не допустить их вывоза за границу как музейных ценностей была. Были написаны письма в Политбюро ЦК КПСС и в Министерство культуры СССР. В них председатель Союза художников СССР, руководители двух крупнейших музеев страны — Государственной Третьяковской галереи и Музея изобразительных искусств имени Пушкина, а также известные искусствоведы и музейные сотрудники выражали протест против распродажи с молотка произведений русско-советской живописи и графики и настаивали на снятии их с торгов. Однако на протесты специалистов никто не отреагировал. Удивительно живуч и сам волюнтаристский метод работы. Дело в том, что при Всесоюзном художественно-производственном объединении имени Вучетича Министерства культуры СССР, которое формировало состав произведений будущего аукциона, есть экспертный совет, в который входят художники, искусствоведы и музейные работники. Совету предъявляли современную часть аукциона и не показывали коллекционные произведения 1920-х годов, которые являются художественным наследием, не подлежащим вывозу за границу. В результате, кажется, нам «удалось» пополнить и без того богатый антиквариат Запада по крайней мере 15 превосходными художественными вещами русского и советского авангарда. Таким образом мы продолжили старую порочную практику, о которой уже не раз говорилось и на страницах «Огонька».

Сейчас в новой обстановке, в обстановке создания правового государства и возрождения народовластия, мы обязаны не допускать разбазаривания общенародного достояния. Произведения искусства, особенно попавшие в музейные собрания, становятся именно общенародным достоянием, и никто не имеет права распоряжаться ими по своему усмотрению.

ХОР, КОТОРЫЙ РЕЖЕТ СЛУХ

Представители трех творческих союзов Ленинграда — композиторы, писатели, театральные деятели собрались 12 апреля сего года для обсуждения ряда острых проблем общественно - политической и культурной жизни. Они выразили глубокую обеспокоенность ростом националистического движения в стране и в частности, в Ленинграде, консолидацией националистических сил, их агрессивным поведением, ширящейся устной и печатной пропагандой взглядов, которые противоречат Конституции СССР, государственным принципам равноправия и взаимоуважения всех народов нашей страны, всех граждан, независимо от их национальной принадлежности.

Так, во время кампании по выборам народных депутатов СССР активисты движения, именующего себя «Памятью», открыто и демонстративно оценивали кандидатов с точки зрения их еврейского или нееврейского происхождения. Они оскорбляли и провоцировали всякого, кто заявлял себя убежденным интернационалистом.

Участились попытки подвести «теоретическую» базу под это движение. Почти ежедневно печать и ТВ приносят новые факты солидаризации различных ультранационалистических групп, которые естественным образом смыкаются со всеми, кому не по душе демократизация общества, новое мышление, утверждение общечеловеческих принципов добра, доверия, справедливости.

Одним из характерных проявлений этих тенденций стали тревожные события, которые развернулись за последние месяцы в Ленинградской консерватории. Здесь в прославленном центре подготовки музыкальных кадров стали повседневными небывалые до сих пор проявления шовинизма, узко и примитивно понимаемого русского патриотизма, которые по существу отторгают от отечественной культуры многие ее завоевания и имена, разрушают традиции высокой духовности и подлинной интеллигентности. Идейные позиции руководства вуза публично формулируют и утверждают люди, не являющиеся музыкантами, авторитетными профессионалами.

Эта группа (М. Любомудров, В. Пархоменко, В. Молчанов и некоторые другие) развернула на страницах многотиражной газеты «Музыкальные кадры» и на собраниях рьяную борьбу с мифическими «русофобами», сопровождаемую грубыми оскорблениями оппонентов. В результате возник затяжной конфликт.

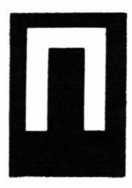
В знак протеста против невыносимой обстановки консерваторию покинул выдающийся дирижер, профессор Ю. Х. Темирканов. Вынуждены были уйти и другие уважаемые преподаватели.

Ответственность за возникший конфликт, за углубляющийся кризис несет администрация консерватории и прежде всего ее ректор В. Чернушенко. Руководствуясь непонятными соображениями, но вовсе не интересами музыкального искусства, он собрал вокруг себя людей, не отличающихся сколько-нибудь серьезными достижениями в науке и преподавании, зато известных националистическими взглядами, непомерными амбициями, конфликтностью.

Художественная интеллигенция города считает необходимым принять срочные меры, чтобы восстановить в консерватории условия для спокойной работы, оградить коллектив от политических инсинуаций, шельмования уважаемых людей, от опасных тенденций в развитии межнациональных отношений. Тех тенденций, которые уже принесли много горя советским людям в разных регионах страны. Описанная ситуация не носит частного, узко учрежденческого и сугубо профессионального характера, а вписывается в широкое, хорошо скоординированное, антикультурное движение. В удобный момент, сомкнувшись с антиперестроечными силами, используя политическую неискушенность определенных слоев населения, националистические группировки могут превратиться в серьезную угрозу для всего нашего общества.

В. АРРО,
председатель Правления ЛО
Союза писателей РСФСР,
А. ПЕТРОВ,
председатель Правления ЛО
Союза композиторов РСФСР,
В. СТРЖЕЛЬЧИК,
председатель Правления ЛО
Союза театральных деятелей РСФСР

Юрий ТЕМИРКАНОВ: ПОЧЕМУ Я УШЕЛ...

Прежде чем объяснить мотивы своего поступка, я хотел бы остановиться на проблеме, представляющейся мне чрезвычайно важной. Как это ни печально, но приходится признать, что в последние десятилетия общий уровень нашей культурной жизни, а в особенности культурной жизни Ленинграда, заметно упал. Может быть, это наивно, но я считаю, что одна из причин кроется в отношении к культуре, как к области нужной, но не очень важной. Не случайно руководство культурой подчас доверяется работникам, не справившимся со своими обязанностями на самых разных участках народного хозяйства. И сегодня мы сталкиваемся с тем, что культура, а точнее, ее отсутствие, мстит за отношение к себе как к чему-то третьестепенному в жизни.

Воистину прав Даниил Гранин, назвавший Ленинград великим городом с областной судьбой. Не возьмусь судить о широте приложения этого горького для каждого ленинградца определения, но как музыкант считаю, что город с таким оперным театром, с такой консерваторией, с такой филармонией не имеет права опускаться до уровня областного центра! Ленинград не может не иметь великой музыкальной судьбы под стать величию самого города.

Что же этому мешает? Прежде всего некомпетентность и верхоглядство ряда работников партийного и советского аппарата, отвечающих за состояние музыкальной жизни Ленинграда. Работая в филармонии, Кировском театре, консерватории, я всегда старался бороться с такими в принципе чуждыми культуре явлениями, как наушничание, подсиживание, сведение счетов, мелкое политиканство, не говоря уже о так называемых оргвыводах, опирающихся

на чье-то полуанонимное «высочайшее мнение» Так могу ли я сегодня проходить мимо безнравственных проявлений в нашей музыкальной среде, мириться с нарушениями элементарных этических норм и делать вид, что меня это не касается?

Вот уже несколько лет в консерватории царит атмосфера как нельзя более благоприятная для людей, стоящих на постыдных для советского интеллигента национально ограниченных позициях. Эти люди не стесняются отрицательно отзываться о целых народах, называя их представителей «инородцами». Виной тому — странная кадровая политика ректората, прикрывающегося плюрализмом, но тем не менее не считающегося ни с мнением общественных организаций, ни с доводами многих преподавателей и студентов в оценке тех или иных сотрудников или претендентов на те или иные должности.

И здесь я должен изложить хронику событий, предшествовавших моему уходу из консерватории. За этими событиями стоят явления общего порядка, волнующие меня чрезвычайно: национальная нетерпимость, даже агрессивность, резко ухудшившийся климат человеческого общения по причинам самым отвратительным и, говоря по совести, устрашающе неожиданным для русского, для советского общества, поскольку вас постоянно заставляют вспоминать о своей национальности. Для нормального человека это чудовищно.

Но вернусь к консерваторским событиям. В сентябре минувшего года группа профессоров консерватории, и я в том числе, обратилась в партийное бюро вуза с открытым письмом, в котором выразила возмущение келейно принятым решением ректората о приглашении на работу в научно-исследовательский сектор консерватории театроведа М. Н. Любомудрова, ранее работавшего в Институте театра, музыки и кинематографии, и решением Ученого совета этого института не рекомендованного к дальнейшему сотрудничеству. И вот человека, не имеющего ни малейшего отношения к музыкальному искусству, вопреки негативному мнению общественности, «втихую» зачисляют в консерваторский штат. Кому это было нужно? Что стояло за этим? Не близость ли откровенно шовинистических взглядов Любомудрова установкам некоторых руководителей консерватории?

Наше письмо было опубликовано в многотиражной консерваторской газете «Музыкальные кадры» с комментарием партбюро, не только признающим, что приглашение Любомудрова не было согласовано с партийной организацией, но и осуждающим практику принятия ответственных кадровых решений без учета общественного мнения. Казалось бы, все ясно, и можно ставить точку. Но не тут-то было. В ответ на наше письмо ректорат санкционировал публикацию в той же газете статьи Любомудрова, в которой, призвав на помощь все свое красноречие, он обвинил авторов письма и всех выступивших с осуждением его взглядов на отчетно-выборном партсобрании в политическом доносительстве, в попытках, как он пишет, «реанимировать сталинско-бериевскую атмосферу».

Если бы Любомудров выступил в любом другом издании, то я, пожалуй, и не среагировал бы на это. Появление же статьи в консерваторской газете означало, что ректорат разделяет позицию автора, оскорбительную, по сути дела, не только для его оппонентов, но и для всех преподавателей и студентов вуза.

Понятно, что в сложившейся ситуации я не мог оставаться среди профессоров консерватории и подал заявление об уходе. Этого требовали мои идейные убеждения и профессиональная честь. О чем я могу говорить со студентами, когда орган партбюро, профкома, комитета ВЛКСМ и ректората фактически назвал меня, как и моих коллег, «стукачом» и провокатором? Никогда ранее консерваторское руководство не поощряло подобных высказываний против своих профессоров. И если наш ректорат своими действиями подрывает консерваторские традиции, то я своим уходом их, убежден, поддерживаю. Человек должен беречь чувство собственного достоинства, и хотя в последние десятилетия часто бывало по-другому, я считаю, что впредь так быть не может и не должно. Нельзя молчать, когда люди, любящие разглагольствовать о традициях русской культуры, на деле попирают эти традиции, нарушают элементарные нормы чести.

Если кто-то думает, что мой уход из консерватории — каприз, прихоть, то смею заверить, что это далеко не так. И дело вовсе не в том, что по национальности я кабардинец, то есть по терминологии Любомудрова и его единомышленников «инородец». В моем решении нет национальной подоплеки. Будь я русским — поступил бы точно так же. Мой уход из консерватории — это выражение моей гражданской позиции, и свой поступок я считаю актом политического протеста.

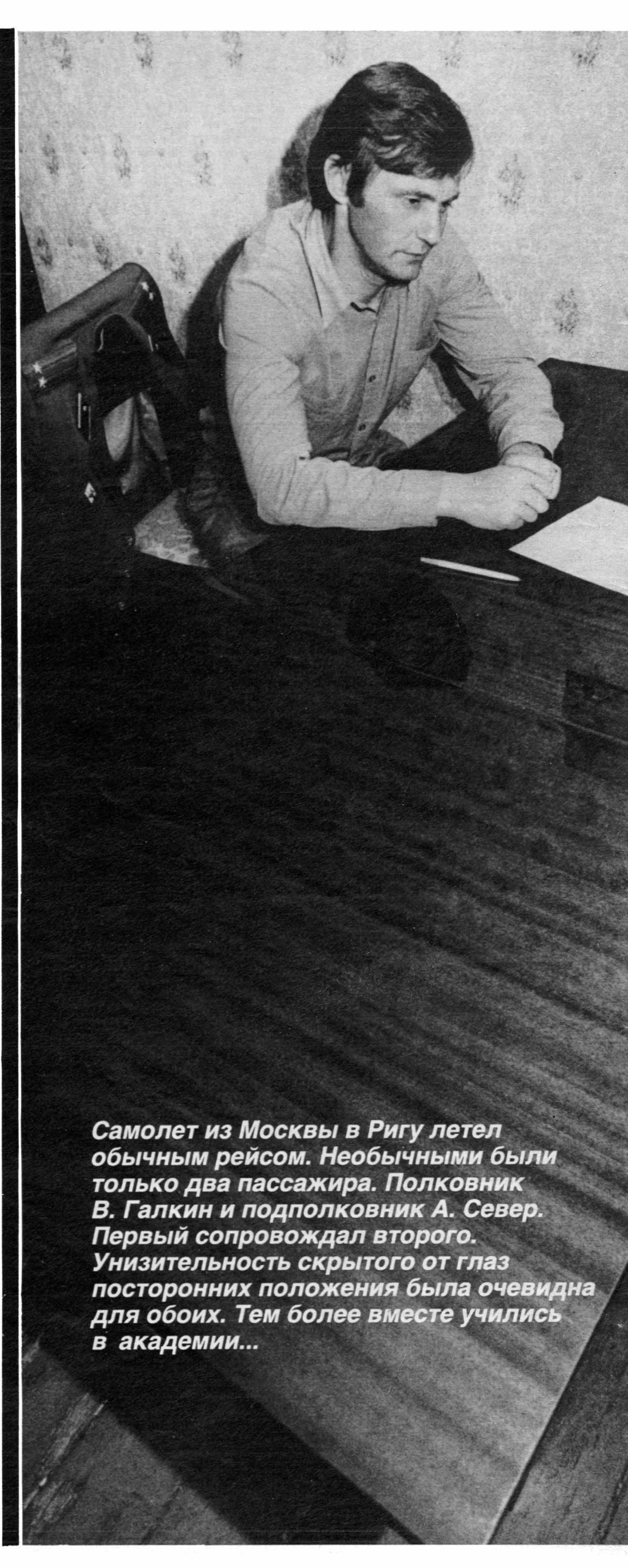
В самое последнее время события в нашей консерватории приобрели всесоюзный резонанс — журнал «Наш современник» (№ 2 за 1989 год) перепечатал наше письмо из консерваторской газеты, проведя оскорбительную для его авторов параллель с письмом писателей 1935 года, послужившим основанием для ареста поэта Павла Васильева. Уму непостижимо, как может журнал без каких бы то ни было оснований и аргументов бросаться подобными обвинениями?!

Ответ на этот отнюдь не риторический вопрос можно найти в статье Любомудрова, предваряющей безапелляционный вердикт «Нашего современника». Автору, а следовательно, и редколлегии мерещится организованный заговор неких таинственных сил, стремящихся исказить, а то и вообще уничтожить русскую культуру. Любомудров настолько напуган нарисованной им апокалипсической картиной тотальной агрессии против русской культуры, что, отбросив как ненужный хлам все суждения об интернационализме, содружестве народов, единстве советских людей, впрямую призывает к русификации (?!) русской культуры, к справедливому представительству «с учетом количества представителей той или иной национальности».

Предлагаемое введение некоей процентной нормы призвано, видимо, административно закрепить эдакий ласковый фашизм. Но откуда, скажите на милость, эта монополия на патриотизм, это стремление связать развитие русской культуры с деятельностью людей «чистых» по крови, это лишение представителей других народов возможности творить в сфере русского искусства и развивать его?! Никогда не смогу согласиться с этим. С проповедниками подобного разобщения и воинствующей русификации всех и вся мне не по пути.

Поверьте, мною движут не амбиции, а все те же соображения о чувстве собственного достоинства у советских музыкантов: солистов-оркестрантов, дирижеров. Мы его теряем! Мы терпим, когда театровед, ничего не смыслящий в нашем деле, устраивает нам злобный разнос; когда столичные чиновники мерят нас и наши проблемы масштабами лишь областного центра. Надо ли после этого удивляться, что нами руководят люди, совершенно несведущие в искусстве; что нам платят гонорары, о которых стыдно упоминать?

Не знаю, где здесь потеря достоинства в главном, а где — в мелочах. Честь не делится на части. Она либо присутствует в каждом человеке, либо нет. Зато знаю точно, что люди отдают дань высокого уважения только достойным. И мы, музыканты, нуждаемся в таком уважении, ибо служим не чиновникам, а народу и отечественному искусству.

Самолет из Москвы в Ригу летел обычным рейсом. Необычными были только два пассажира. Полковник В. Галкин и подполковник А. Север. Первый сопровождал второго. Унизительность скрытого от глаз посторонних положения была очевидна для обоих. Тем более вместе учились в академии...

ОФИЦЕРСКАЯ ЧЕСТЬ

Димитрий КЛЕНСКИЙ
Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Только теперь, в воздухе, подполковник, кажется, начал осознавать весь драматизм своего положения. «Энгэша» (НГШ — начальник Генштаба Вооруженных Сил СССР) несколько часов назад был с ним по-армейски краток: «Нам такие офицеры не нужны!» Мучили неприятные предчувствия — его спутник еще в «Шереметьево-1» начал регулярно докладывать «наверх» о ходе «операции». А в рижском аэропорту офицеров уже ждал персональный «УАЗ», который, дай он только повод, доставил бы подполковника «куда следует».

...Только теперь он осознал, что отчаянное решение — ультиматум с возможной голодовкой — обернулось страшной бедой: изгнанием из армии. Александр Михайлович Север, быть может, впервые за последние два года задумался о себе, о прожитом, о смысле жизни. Он невольно оказался в центре особого внимания. Радиостанция «Свобода» оповестила Европу о том, что с ним произошло.

Помню, как Анна Александровна, его мать, недоуменно разводила руками, все повторяла: «Не может быть, Горбачев этого не допустит!» Она не все уразумела, но никогда не поверит, что ее сын поступил плохо, мог предать армию...

Саша мечтал об армии с детства. Отец прошел Отечественную, после тяжелого ранения оказался нестроевым. В мирное время служил райвоенкомом на Украине. Похоронили его подполковником. Сын пошел не только по его стопам. В роду Северов дорожат казацкими традициями защиты Отечества. Для Александра Михайловича дорога семейная реликвия — кубок, которым удостоили деда в стародавние времена. На нем выгравировано: «За лихую молодецкую рубку»...

Во время полета самообладание не покинуло А. Севера. Понимая, что с ним решено покончить раз и навсегда, подполковник прорабатывал варианты бегства из-под опеки. Заказал через бортпроводницу такси, а когда экипаж направился к выходу, первым резко бросился за летчиками — так он оказался в отрыве от «конвоира»: перспектива оказаться в «психушке» была вполне реальной... В аэропорту его ждали и друзья. Среди них — подполковник Н. Солнцев, который заявил: если А. Севера упрячут, то от приема пищи откажется и он, боевой офицер, воевавший в Афганистане.

* * *

Что же случилось с подполковником?

В части, где служил А. Север, проходило первое собрание по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. Предстояло поддержать кандидатуру командующего округом Ф. Кузьмина. Однако имени его еще никто не знал — он заменил предшественника буквально на днях. Получалось: выдвигали не человека — должность. Командующий снял свою кандидатуру. Тогда настырный А. Север обратился к командованию части и начальнику политотдела полковнику А. Колбинову с просьбой провести еще одно собрание.

Командир части дал указание собрать 23 января личный состав. Однако народу было маловато. Тогда приказ был повторен. На утро следующего дня зал был забит до отказа — сидели на подоконниках, стояли в проходах. Объявили: присутствуют необходимые для кворума 350 человек. Ведущие собрание оповестили, что кандидатами выдвинуто несколько офицеров, в том числе А. Север и командир части. Это не вписывалось в сценарий политотдела, по которому мыслилось избрание, естественно, только командира. Кандидаты — подчиненные — стали заявлять о самоотводах. А. Север этого не сделал. И когда дошло до голосования, а оно было открытым, 198 рук «за» поднялось в пользу Севера, только 106— за командира. Как только объявили о победе А. Севера и люди разошлись, всё переиграли — признали собрание неправомочным. В зале якобы находилось всего 250 человек. Организаторы выборов даже не вписали в протокол, направленный в избирательную комиссию 294-го Юглського национально-территориального округа, его соперника — командира части.

Сознательная фальсификация. Председатель избирательной комиссии рабочий Г. Кудрявцев был краток: «Уже это — уголовное дело». Можно представить состояние А. Севера, находившегося в тот день на дежурстве,— 24 января был последним днем выдвижения кандидатов. Просьбы о немедленных перевыборах были отклонены.

Никто из проверяющих не пытался установить истины. Даже военная прокуратура. Имея дело с очевидным нарушением Закона о выборах, юристы направили жалобу А. Севера в... политуправление округа. Практика, увы, привычная. Прокуратура же завела дело только в апреле после приезда корреспондента «Огонька». Впрочем, тут же и закрыла.

* * *

Не смог Александр Михайлович смириться с тем, во что политотдел превратил важную политическую акцию.

Обратившись в политуправление округа, А. Север потребовал восстановления его гражданских прав, в противном случае обещал начать голодовку через месяц — 25 февраля. Примечательно, однако, что первые две недели никто всерьез к его заявлению не отнесся. Шум подняли только после того, как сор был вынесен из избы.

Разразился гром 10 февраля на окружном собрании избирателей, на котором присутствовал и первый секретарь ЦК Компартии Латвии Я. Вагрис. В такой солидной аудитории и решился А. Север обнародовать свое дерзкое решение, чтобы воздействовать на зарвавшихся политработников уже силой общественности республики.

Мгновенно последовал вызов в Москву. Подполковника выставили из армии приказом начальника Генштаба Вооруженных Сил страны за «дискредитацию высокого звания советского офицера». Так спешили, что не успел «смутьян» сдать по форме все дела, в том числе личное оружие и печать. Уволили зачинщика без суда офицерской чести, без какого-либо служебного расследования, без предъявления конкретных обвинений.

Пожалуй, только в одном сходились все: не тот метод борьбы избрал А. Север. Его товарищи — коммунисты осудили голодовку. Но, считая, что подполковник прав по существу, воспротивились исключению его из партии. Ограничились постановкой на вид. Игнорируя мнение первичной организации, парткомиссия при политотделе части настаивала на освобождении А. Севера от обязанностей члена парткомиссии и секретаря парторганизации подразделения и, главное, исключила из КПСС.

За что? Этот вопрос все время задает подполковник, теперь уже запаса. И ему, и окружавшим было ясно — совершилась несправедливость. Еще недавно подразделению А. Севера давали высокую оценку. Несколько раз подряд подполковника переизбирали председателем суда офицерской чести, выдвигался он кандидатом в делегаты на XIX Всесоюзную партконференцию.

...Север подчинился решению партийного собрания. Об этом он рассказал и в республиканской газете «Советская молодежь». И потом немаловажно все-таки главное — голодовка-то не состоялась!

Командующий войсками округа Ф. Кузьмин, посетивший часть уже 11 февраля, не стал встречаться с А. Севером. Не нашли времени побеседовать с «мятежным» подполковником ни руководитель политического ведомства округа генерал-лейтенант О. Зинченко, ни начальник отдела политуправления полковник В. Кондратьев. Они даже не задумались, что породило поступок А. Севера. Теперь об этой истории громко сказано в прессе Прибалтики. Как на срезе почвы после оползня, обнаружились неведомые обществу пласты армейской жизни.

* * *

Нет, не стал бы А. Север только из-за предвыборного конфликта «бросаться на ветряные мельницы». Случай тот стал последней каплей.

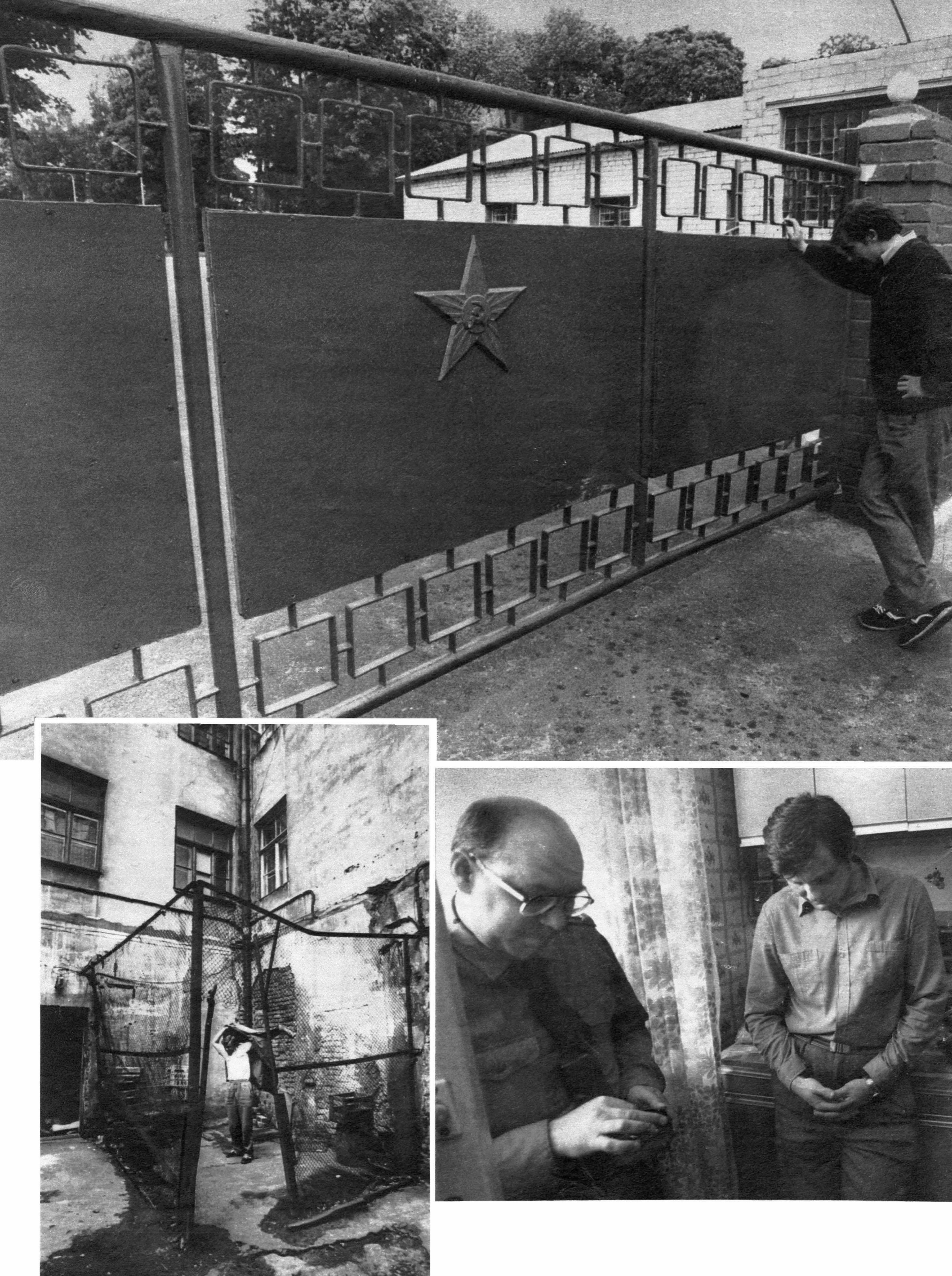
Начало конфликта произошло на партийном собрании в апреле 1987 года. Обсуждалась партийная характеристика подполковника В. Дмитриева, которого командование решило повысить в должности. Как всегда, все было предрешено. Но неожиданно стали возражать коммунисты. Они посчитали выдвижение сослуживца преждевременным, считая офицера невосприимчивым к критике, нетактичным и невыдержанным, пекущимся больше о собственных интересах. Дважды, несмотря на давление командира части, коммунисты не избирали В. Дмитриева в партийное бюро. И тогда уже прозвучало предупреждение: «Есть у нас отдельные нестойкие коммунисты, мнимые вожаки. Развели тут демократию...» Имелся в виду именно А. Север.

В этом же духе, но более грубо, на служебном совещании отчитал А. Севера его старший начальник — генерал-майор Г. Климчук. Гнев его вызвала публикация в окружной газете. В ней, по письму А. Севера, рассказывалось об уроках демократии того неслыханного собрания с обсуждением характеристики. Ни одного факта не опроверг генерал. Ему всего-навсего не по душе был совет «снизу» — кандидатура В. Дмитриева согласована лично с ним, Г. Климчуком! Казалось, А. Северу — одуматься. Он все сознавал. Сам писал в редакцию: «Многие коммунисты говорят мне: зачем тебе это надо, не порть служебную карьеру, тебе ведь жизни не будет и т. д.». Но нет, А. Север считал себя офицером Советской Армии, а не денщиком Климчука. Написал в партийную комиссию округа заявление, сообщил о нанесенном оскорблении. Потребовал извинений. Только через несколько месяцев, под нажимом окружной газеты, генерал соизволил принародно повиниться перед строптивым подчиненным.

Даром ему это не прошло. До самого увольнения в запас, инициатором которого был все тот же Г. Климчук, А. Севера будут преследовать придирки, унижения, угрозы. Все было. И необоснованная задержка с присвоением очередного звания, и попытки улестить «пряником» — дважды предлагали повышение, но подальше от родной части.

Скандальным было и разбирательство по делу майора Е. Евдокименко. Возникло оно по инициативе начальника политотдела А. Колбинова, который решил начать наводить порядок в парторганизации, посмевшей «взбунтоваться» при выдвижении В. Дмитриева. Надо было поставить на место Е. Евдокименко, предложившего на одном из собраний учитывать мнение коллектива при решении кадровых вопросов. Всего лишь учитывать, но и в этом А. Колбинов и ему подобные усмотрели подкоп под единоначалие. Последовал «болевой прием». Политотдел заинтересовался причинами развода майора, стал провоцировать жену и тещу Е. Евдокименко писать на него жалобы с упреками в измене, аморальности. Я читал это «дело». Дивился безнравственности командования части, особенно политотдела и парткомиссии при нем. Первобытная дикость нравов, мещанское смакование семейных ссор. Простудную болезнь в политотделе «случайно» спутали с венерической. Стоит ли удивляться, что Е. Евдокименко стал подумывать о самоубийстве.

А. Север сумел заступиться за товарища, отмыть его от грязных сплетен.

Александр Михайлович доказал больше, чем следовало,— то была не досадная ошибка, а заранее спланированная расправа. Но, как и в «добрые» годы застоя, виновные в иезуитской экзекуции отделались «признанием ошибок» и «беседой». Так политуправление прикрыло своего работника А. Колбинова. А жертву его произвола все равно проучили — Е. Евдокименко перевели служить на Дальний Восток.

* * *

Чуть ли не всю первую половину прошлого года А. Север болел. Нервы были на пределе — снова прихватила желтуха. Оторванный от службы, он размышлял над тем, что же происходит, почему любое обновление воспринимается в штыки, а тех, кто принимал их всей душой, каждый раз ждет неминуемая расправа? Почему элементарная смелость для таких офицеров становилась роковой и их тут же исключали из партии, увольняли из армии? А те, кого разоблачали, кто открыто злоупотреблял, нарушал Закон, кто закрывал на это глаза или покрывал безобразия, те могли жить преспокойно, расти по служебной лестнице?

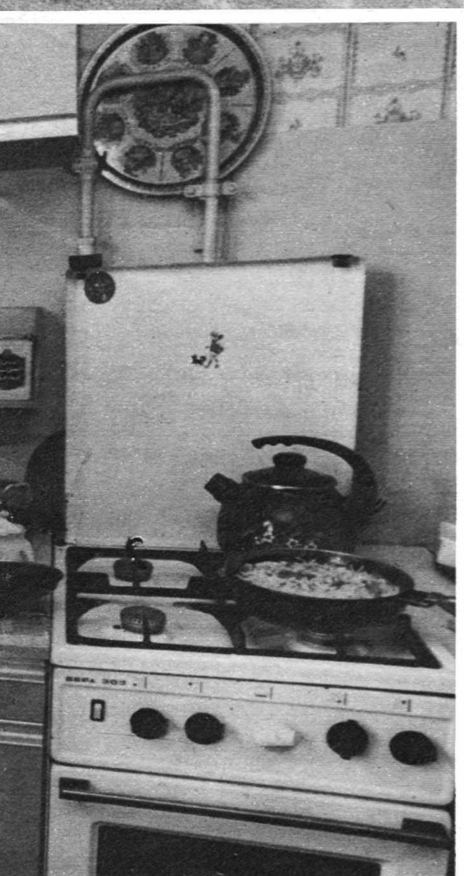
Эти мысли волновали не его одного. Офицеры узнавали из окружной газеты о бесстрашном подполковнике, которому удавалось восстанавливать хоть какую-то справедливость. Александру Михайловичу писали, приходили домой...

...Семь лет служил капитан Ю. Абашкин, и даже сомнений в его профессиональной пригодности никогда не возникало. Но только посмел разоблачить на партсобрании, а потом и в письме в ЦК КПСС своего командира в грубости, злоупотреблениях, пьянстве, как обнаружились промахи капитана в... методике, не поверите, проведения политзанятий с солдатами и сержантами. А далее срабатывал хорошо отлаженный механизм подавления гражданской смелости и личного достоинства офицера. И стал Ю. Абашкин тоже бывшим.

В моей записной книжке немало имен, за которыми покалеченные судьбы, неустроенность жизни, обида и безверие в перестройку армии. О каждом из них можно написать отдельную корреспонденцию. Вот этот список, в который не вошли рядовые и сержанты:

майор А. Базденков
капитан Н. Бурмистров
капитан А. Галицкий
старший лейтенант С. Барсуков
старший лейтенант А. Шавлов
капитан А. Картамышев
старший лейтенант В. Баймухаметов
старший лейтенант И. Пронин
старший лейтенант Р. Берзинь
лейтенант М. Матренин
майор А. Федорович
старший лейтенант А. Самедов
майор Д. Лютый
прапорщик А. Дуленко
подполковник Н. Солнцев
майор В. Кошман
капитан И. Стрельчонок
капитан В. Аникеев

Этот перечень можно продолжить, и не на одном листе. Многие уже ушли из армии или подали рапорт об отставке. Взглянул еще на этот список — и подумалось: только эпитафии не хватает. Названные офицеры потеряны для армии. Но не они отвернулись от нее, их «попросили». Они потерпели поражение с непобедимой пока силой — армейским застоем.

В Вооруженных Силах идет сокращение. Но от тех ли избавляются, кто армии меньше всего нужен? К тому же не раз слышал в Риге жалобы на нехватку кадров. Есть опасность снижения качества офицерского корпуса. Начальник парткомиссии округа Ю. Бушев признал того же А. Колбинова слабым политработником. На вопрос, почему же избавляются от А. Севера, собеседник развел руками: «А куда Колбинова денешь?..»

* * *

Политработники часто говорили А. Северу, что «перестройка — для гражданских, а у нас был и остается Устав». Начальник политуправления округа О. Зинченко убежденно заявил мне: «Мы не позволим Северу расшатывать армию. Никому!» И подводил базис: дисциплина и единоначалие — основа армии.

...А. Север никогда этого и не отрицал. Просто, по его разумению, единоначалие должно опираться на законность и партийность. Нет их — рушится смысл единоначалия, как разумного командования. Единоначалие превращается во вседозволенность и безнаказанность, оборачивается администрированием и деспотизмом. Метко подметил А. Север, что Сталин был генералиссимус, а Брежнев — маршал, то есть оба были командирами-единоначальниками Административной Системы, которой противопоказаны Закон и Совесть. Конечно, Александр Михайлович никогда не отрицал и важности дисциплины — отметим, кстати, особую его требовательность, но и справедливость одновременно. А. Север выступил против такого единоначалия, когда оно для командира становится правилом: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак», а для политработников девиз: «Делай, как я» подменяется ласкающим ухо самодура: «Делай, как я сказал».

А. Север хотел, чтобы приказы не просто выполнялись, а чтобы люди выполняли их сознательно. Чтобы тяготы армейской жизни облегчало товарищество, взаимоуважение, чтобы солдат не видел в офицере деспота. А еще, чтобы каждый из них был на виду, чтобы с мнением офицерского собрания считались. За это надо было постоянно бороться.

Вот только один пример. Рядовые и сержанты были так загружены, что на сон им оставались считанные часы. Александр Михайлович вник в ситуацию вместе с «солдатиками», как он ласково отзывается о рядовых, и договорился, что гарантирует им положенные Уставом часы на сон, а ребята будут сами изыскивать резервы на самоподготовку к политзанятиям. А. Колбинов не видел тут проблемы! Получается так: солдаты «покимарят» — ничего страшного. Победил подход А. Севера. Стоит ли удивляться, что его солдаты не знали, что такое «дедовщина».

* * *

Разоблачая военачальников в сановности, склонности путать казенное имущество с личным, государственный карман с собственным, Александр Михайлович все больше восстанавливал их против себя. Да и как не восстановить! Заместители командира части фактически превратили «уазики» в свои персональные машины. Сел Север в такси и проехал от дома начальника политотдела части до службы, а потом и счет предъявил: четыре с половиной тысячи рублей в год. Но полковнику А. Колбинову своей «кареты» оказалось мало. Он вне очереди выбил себе и квартиру.

Да что там начальник политотдела! В письме от 23 июля 1988 г. военная прокуратура уведомляет, что «генерал-майор Климчук Г. Г. допускал незаконное использование квартиры, предназначенной для служебных целей, что сопровождалось необоснованным расходованием государственных денежных средств». И далее не менее туманно: «В связи с этими фактами принимаются меры прокурорского реагирования».

10 июня прошлого года заместитель начальника политуправления округа Лагутеев отвечает другому разжалованному возмутителю спокойствия: «Вместе с тем подтвердились два случая словесного оскорбления подполковником Литвиненко В. Н. военнослужащих срочной службы, а также факт употребления им спиртного с тт. Климчуком Г. Г. и Грибановым А. Я., за что к ним применены меры партийного воспитания и воздействия». Вроде бы восхищаться надо смелостью политуправления: невзирая на звания наводит порядок. Но письмо не имеет номера. В парткомиссии округа документ этот нашли в архиве, но тоже незарегистрированным. Начальник парткомиссии Ю. Бушев делал удивленный вид, прекрасно сознавая, что в регистрационном журнале, доступном для ревизий, компромат на генерала обнаружить нельзя. В случае серьезной проверки можно было бы оправдаться небрежностью клерка. Вот так обстоят дела в политуправлении округа с критикой «вне зон» и «невзирая на лица».

Обо всем этом громко говорил А. Север. И, на удивление однополчан, прижившиеся в части демократизм и гласность стали давать отдачу — возвращать единоначалию его реальную партийную основу. С мнением коммунистов стало исподволь считаться не только командование, но и весь коллектив. Прекратились случаи откровенных злоупотреблений. Но, как только А. Севера в части не стало, все пошло по-старому.

* * *

Главная «заслуга» генерал-майора Г. Климчука в том, что ему удалось-таки смять А. Севера, не желавшего играть по правилам застоя. Видел генерал, что подполковник — не борец-одиночка. А. Север стал душой группы единомышленников, создал прекрасную парторганизацию. А с коллективом всегда сложнее. Действовал он безжалостно. Ставки были высоки: перед глазами генерала уже мерцал столичный кабинет.

За отсутствием доводов и появилось досье на А. Севера. Копия его лежала в столе начальника политического управления О. Зинченко. Многозначительно полистав его, генерал-лейтенант заговорил о моральной нечистоплотности А. Севера, который пять лет назад... развелся. Избитый армейский козырь. И грязный. Видя мою реакцию и понимая, что это не тот случай, О. Зинченко добавил: "Это дело частное». И захлопнул папку, будто собственный семейный альбом.

Когда парторганизацию подразделения заставляли дать политическую оценку решению А. Севера и намекнули на его антисоветскую деятельность, то товарищи по партии потребовали разъяснений у компетентных органов. К их чести, они сказали правду — за Севером ничего такого не водится.

* * *

Армия окутана дымовой завесой секретности. Похоже, это удобная ширма закрыть от посторонних глаз недостатки и хвори наших Вооруженных Сил. Сослуживцы, солидарные с Александром Михайловичем, провели пресс-конференцию на Латвийском телевидении. На разборе этого события капитан В. Рогозин спросил у подполковника В. Дмитриева, может ли он, как советский человек, выступать на ТВ? Последовал диалог:

В. Дмитриев: — Да.
В. Рогозин: — А как офицер?
В. Дмитриев: — Нет!
В. Рогозин: — Так кто же я?
...

Рига — Москва

ВНОВЬ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

В завершающий день Всесоюзного фестиваля колокольной музыки, состоявшегося в Ростове Великом, колокола знаменитой на всю Россию звонницы Успенского собора горько и торжественно оплакали погибших в Тбилиси.

С этого глубоко символичного жеста милосердия и сострадания начала свою деятельность созданная на фестивале Всесоюзная ассоциация колокольного искусства.

Более полувека молчали колокола в нашей стране. В 1929 году союз воинствующих безбожников возглавил беспримерную по своему размаху кампанию вандализма: архитектурные шедевры шли на кирпич, уничтожались бесценные произведения иконографии и фресковой живописи, в металлический лом превращалась церковная утварь...

И, конечно, в огне плавильных печей тысячами гибли колокола. Веками они служили российскому государству — величали его в дни торжеств, ободряли в час испытаний, печалились его бедами, веселились его радостями. Каждая звонница, каждый колокол были уникальными инструментами с единственными и неповторимыми голосами.

Колокольные жертвы пытались оправдать медным и бронзовым голодом страны. А маленький рябой человек, возомнивший себя земным богом, вождем всех народов, репрессировал колокольную музыку не только как искусство, затевая величайшие преступления против страны, бывший семинарист лишил ее возможности ударить в набат...

Четверть века добивались возобновления знаменитых звонов

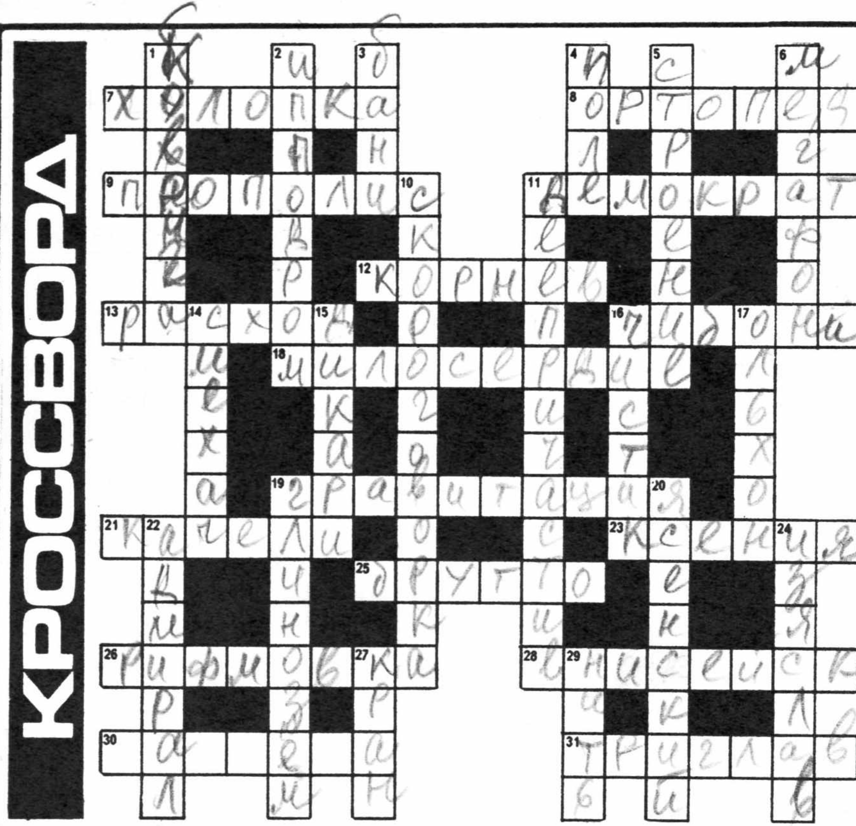

ростовские энтузиасты. Почти в то же время начали свою многотрудную работу немногословные, упрямые архангелогородцы. Сейчас они по праву считаются лучшими звонарями-наставниками: в архангельской школе прошли выучку многие из тех, кому аплодировали слушатели большого ростовского концерта.

Благородный труд воскрешения российского колокольного искусства предприняли люди самых различных профессий — музыканты, физики, историки, этнографы, искусствоведы, рабочие, инженеры; избранный председателем ассоциации московский математик Юрий Пухначев написал фундаментальное исследование, посвященное колоколам. А Саратовский музыковед Александр Ярешко, ставший ныне его заместителем, собрал за долгие годы путешествий по России уникальную фонотеку старинных звонов и сделал их нотные записи.

Нет, не на пустом месте начинает свою деятельность ассоциация, которая вступает в жизнь под эгидой Советского фонда культуры и очень надеется на его авторитетную поддержку; кроме того, она ждет спонсоров. Без них, пожалуй, трудновато будет добиться всего того, о чем сейчас мечтается. Ведь нужно налаживать с нуля колокололитейное производство, восстанавливать традиционные центры колокольного искусства, подобные Звенигороду, создавать информационный банк, учить звонарей...

Яна НИКИТИНА
Фото Павла КРИВЦОВА
Ярославль

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Оперетта композитора Н. М. Стрельникова. 8. Врач. 9. Пчелиный клей, используемый в медицине. 11. Сторонник политического строя, при котором верховная власть принадлежит народу. 12. Хирург, основатель научной школы, лауреат Ленинской премии. 13. Затрата, издержки. 16. Аджарская волынка. 18. Готовность помочь из сострадания, человеколюбия. 19. Тяготение. 21. Аттракцион для развлечения. 23. Действующее лицо в пьесе М. Горького «Егор Булычов и другие». 25. Вес товара с упаковкой. 26. Система чередований созвучий в стихе. 28. Город в Красноярском крае. 30. Действующее лицо в пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 31. Самая высокая вершина Югославии в Юлийских Альпах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Каравай. 2. Комплекс сооружений для соревнований по конному спорту. 3. Разменная монета Румынии. 4. Пашня. 5. Здание, сооружение. 6. Рупор для усиления голоса. 10. Искусственно придуманная фраза с труднопроизносимым подбором звуков. 11. Форма глагола. 14. Иллюстрированный сатирический журнал, выпускавшийся издательством «Огонек» в двадцатые годы. 15. Комедия С. В. Михалкова. 16. Северная морская птица. 17. Остров на Байкале. 19. Окись алюминия. 20. Писатель, автор антифашистского романа «Заговор равнодушных». 22. Пестрая бабочка. 24. Город в Хмельницкой области УССР. 27. Машина для подъема и перемещения грузов. 29. Тонко скрученная пряжа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Делегация. 8. Человеколюбие. 11. Гибрид. 12. Ашрафи. 13. Палас. 16. Рама. 17. Ганг. 18. Направление. 19. Ясли. 20. Омск. 21. Грань. 24. Исфара. 26. Флорес. 27. Дирижирование. 28. Футеровка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рекорд. 2. Теберда. 3. Находка. 4. Бирюза. 6. Реорганизация. 7. Гидрогеология. 9. «Финансист». 10. Афанасьев. 13. Пирог. 14. «Левша». 15. Степь. 22. Раритет. 23. Насонов. 25. Азимут. 26. Фиалка.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

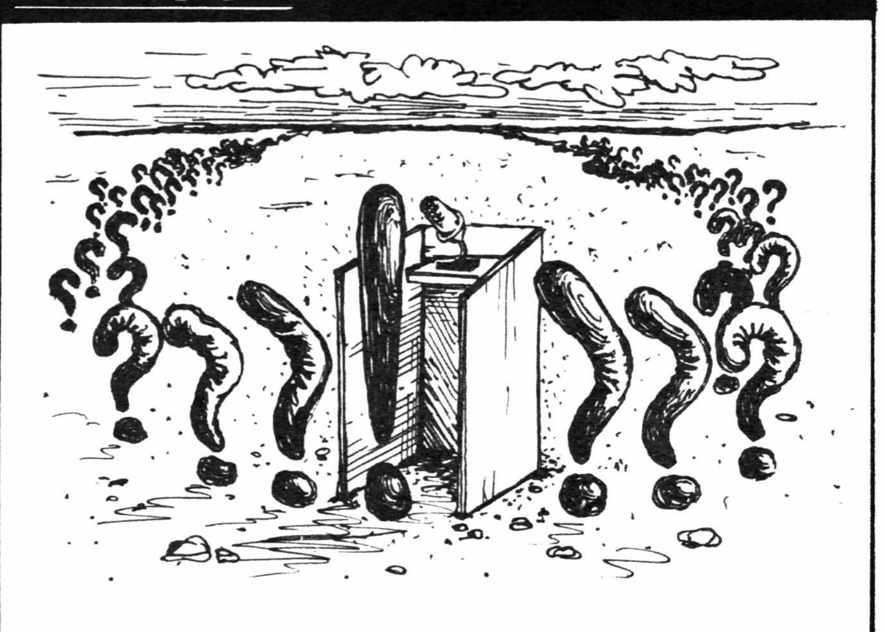

Рисунок Б. ПИЛИПЕНКО и М. ВОЛКОВА (Сумы).

ОГОНЁК

40 коп.
Индекс 70663

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

На Западе русский авангард знают значительно лучше нас, там изданы о нем монографии, книги, альбомы; произведения русского авангарда постоянно находятся в экспозициях музеев и на выставках. Западные художники и искусствоведы не только изучили наше искусство этого периода и связали его с предреволюционным и революционным временем, но и эмоционально освоили его. Мы же до сих пор смотрим на авангардное искусство этого периода как на нечто чуждое и даже вредное для советского общества. А между тем именно наше авангардное искусство 1910—1930-х годов определило лицо не только европейского, но, пожалуй, и всего мирового современного искусства.

(См. в номере материал В. Пушкарева «Кому нужен наш «авангард»?»).